ОСНОВНЫЯ

УЧЕНІЯ ПСИХОЛОГІИ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

ВОЛЮНТАРИЗМА.

Н. Лосскій.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1911.

ОСНОВНЫЯ

УЧЕНІЯ ПСИХОЛОГІИ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

ВОЛЮНТАРИЗМА.

Н. Лосскій.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1911.

4108

7922

Предисловіе къ первому изданію.

Въ современной психологической литературѣ часто слышатся жалобы на то, что никогда еще психологія не была въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, какъ теперь. Ни одно изъ основныхъ направленій въ ней не пользуется преобладаніемъ. Ассоціаціонизмъ уже давно пересталъ всецѣло увлекать психологовъ, хотя и не вымеръ еще. Интеллектуализмъ въ послѣднее время очень часто встрѣчаетъ отпоръ со стороны волюнтаризма, но не падаетъ вслѣдствіе этого. Психо-физіологическое направленіе пользуется большимъ успѣхомъ, но его матеріалистическій характеръ вредитъ свободѣ изслѣдованія многихъ чисто психологическихъ проблемъ. Съ нимъ поэтому вступаетъ въ борьбу психологія, требующая чисто психологическаго изслѣдованія явленій и отвергающая попытки выводить психическія явленія изъ не психическихъ (Bewusstseinspsychologie; сюда можно отнести и психологію, широко пользующуюся понятіемъ безсознательной психической жизни).

Каждое изъ старыхъ направленій оказало такія очевидныя услуги психологіи, что невольно внушаетъ почтеніе къ себѣ. Новыя теоріи стремятся не столько

переработать содержаніе психологіи, сколько отвоевать себѣ какую-либо частную область въ ней и пріобрѣтаютъ эклектическій характеръ. Такимъ образомъ неопредѣленнымъ становится не только положеніе психологіи въ цѣломъ, но и каждаго направленія въ частности. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ направленій, напр., волюнтаризмъ, начинающій теперь поднимать голову, требуютъ совершенно опредѣленной системы взглядовъ и могутъ быть согласованы съ результатами изслѣдованій, произведенныхъ представителями другихъ направленій, лишь путемъ переработки этихъ изслѣдованій. Поэтому работы, посвященныя вопросу, какія системы взглядовъ необходимо требуются или исключаются тѣмъ или другимъ направленіемъ, могли бы существенно способствовать оцѣнкѣ этихъ направленій.

Настоящая работа имѣетъ цѣлью развить рядъ ученій по основнымъ вопросамъ психологіи, необходимыхъ съ точки зрѣнія одной изъ разновидностей волюнтаризма. Эта работа, конечно, не обрисовываетъ волюнтаризма во всѣхъ его подробностяхъ и видоизмѣненіяхъ, но все же она опредѣляетъ общій характеръ этого направленія.

Оканчивая этотъ трудъ, я считаю своимъ долгомъ выразить благодарность Историко-филологическому факультету С.-Петербургскаго университета, командировавшему меня за границу и давшему средства на печатаніе этого сочиненія, и въ частности моему учителю проф. А. И. Введенскому. Не могу также не вспомнить о покойномъ учителѣ моемъ проф. А. А. Козловѣ, вліяніе котораго отразилось на нѣкоторыхъ сторонахъ этого сочиненія, въ особенности на главѣ „Сознаніе и знаніе“.

Предисловіе ко второму изданію.

Измѣненія, сдѣланныя мною во второмъ изданіи, вызваны тѣмъ, что въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ изданіемъ книги мною была развита въ сочиненіи „Обоснованіе интуитивизма“ теорія знанія, на которую я нерѣдко намекаю въ настоящей книгѣ. Важнѣйшее измѣненіе заключается въ томъ, что во второмъ изданіи выпущена глава: „Отношеніе между физическими и психическими явленіями“.

Н. Лосскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Предварительное опредѣленіе волюнтаризма.

Волюнтаризмъ есть направленіе въ психологіи, утверждающее, что всѣ явленія душевной жизни, относимыя индивидуальнымъ сознаніемъ на основаніи непосредственнаго чувства къ «я», протекаютъ по образцу волевыхъ актовъ, что волевые акты суть типичная форма процессовъ сознанія. Иными словами въ жизни я нѣтъ *состояній* сознанія, а есть только цѣлестремительные акты, *поступки*. Таково предварительное опредѣленіе волюнтаризма, еще не обрисовывающее его физіономіи, такъ какъ каждый изъ терминовъ въ этомъ опредѣленіи требуетъ особаго поясненія.

Психологическія понятія основываются въ волюнтаризмѣ, какъ направленіи строго эмпирическомъ [1]), на тщательномъ наблюденіи надъ реальнымъ содержаніемъ душевной жизни, и каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ какая-либо группа фактовъ, находимыхъ въ сознаніи каждаго человѣка. Поэтому, знакомясь съ волюнтаризмомъ, мы обязаны отбросить все принесенное съ собою содержаніе понятій воли, волевого акта, поступка, я и т. п., и посмотрѣть, какіе факты намъ предлагаютъ обозначать этими именами. Исходнымъ пунктомъ при этомъ должны служить явленія, называемыя дѣйствіями по сознательному выбору: они состоятъ изъ наиболѣе дифференцированныхъ элементовъ и потому особенно пригодны для перечисленія фактовъ, мыслимыхъ въ понятіи волевого акта.

---

[1]) См. Вундтъ. Очеркъ психологіи, переводъ подъ редакціей Грота, стр. 23—24.

Изслѣдованіе волевыхъ актовъ должно привести къ установленію понятія воли, и вслѣдъ за этимъ можно будетъ дать уже окончательное опредѣленіе волюнтаризма. На этомъ пути сами собою намѣтятся тѣ коренные вопросы психологіи, рѣшеніе которыхъ получаетъ специфическую окраску подъ вліяніемъ исходныхъ утвержденій волюнтаризма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Воля.

I. Элементы волевого акта.

Разсмотримъ слѣдующій случай: мы пишемъ научный рефератъ, въ комнату входитъ нашъ знакомый и зоветъ пойти прогуляться; мы отвѣчаемъ, что у насъ мало времени, но вслѣдъ за этимъ намъ приходитъ въ голову, что получасовая прогулка освѣжитъ насъ, мы будемъ быстрѣе работать и успѣемъ дописать докладъ; какъ только является это соображеніе, мы встаемъ и идемъ гулять. Сложный внутренній процессъ заканчивается перемѣною въ нашемъ психо-физическомъ цѣломъ: у насъ является рядъ движеній, осуществляющихъ прогулку, и рядъ новыхъ состояній сознанія, связанныхъ съ чувствомъ удовлетворенія или неудовлетворенія. Этой перемѣнѣ предшествовалъ рядъ стремленій, изъ которыхъ одни, какъ намъ кажется, составляютъ условіе возникновенія перемѣны, а другія, наоборотъ, противодѣйствуютъ возникновенію ея. Иными словами, намъ *кажется*, что перемѣна *причиняется* нами, поскольку у насъ есть эти предшествующія состоянія сознанія, и возникаетъ тогда, когда причиняющія состоянія оказываются сильнѣе удерживающихъ. Замѣтимъ при этомъ, что намъ не кажется, будто стремленіе само дѣйствуетъ, а мы пассивно созерцаемъ его дѣятельность; мы чувствуемъ, что мы сами, поскольку у насъ есть стремленіе, порождаемъ перемѣну. Волевыми мы будемъ называть тѣ дѣйствія, въ которыхъ есть всѣ три указанные элемента: 1) *мое* стремленіе, 2) чув-

ствованіе *моей* дѣятельности, активности [1]), 3) удовлетворяющая или неудовлетворяющая перемѣна, которая кажется мнѣ результатомъ *моей* дѣятельности.

Чувствованіе активности связываетъ стремленіе и соотвѣтствующую ему перемѣну и какъ бы показываетъ мнѣ, какое мое состояніе сознанія составляетъ причину перемѣны. Эта важная составная часть описываемаго нами процесса неразложима, одинакова по качеству, хотя и различна по интенсивности въ различныхъ дѣйствіяхъ. Напримѣръ, если мы припоминаемъ забытую фамилію или подыскиваемъ возраженія на трудный вопросъ въ серьезномъ философскомъ спорѣ, чувствованіе усилія у насъ интенсивнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы, слѣдуя призыву товарища, тотчасъ встаемъ, чтобы отправиться гулять, но во всѣхъ этихъ дѣятельностяхъ чувствованіе активности по качеству одинаковое. Это утвержденіе можетъ вызвать возраженія лишь потому, что сознаніе активности никогда не существуетъ въ обособленной формѣ и потому его качество трудно опредѣлить: нельзя сознавать себя просто дѣятельнымъ, можно лишь сознавать себя дѣятельно припоминающимъ, размышляющимъ, разсматривающимъ и т. п. Недифференцированность чувствованія активности и простота его очень вредитъ изученію его, такъ какъ такія состоянія сознанія легко ускользаютъ отъ вниманія наблюдателя.

По поводу нашего анализа насъ легко могутъ обвинить въ томъ, что мы взялись только перечислить *факты*, находимые въ сознаніи, а на самомъ дѣлѣ вмѣсто этого построили цѣлую *теорію:* можетъ явиться предположеніе, будто мы уже говорили о я, какъ субстанціи, объ активности я и о томъ, что стремленія составляютъ причину перемѣнъ въ я. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было: мы говорили лишь о *чувствованіи* активности (которое можетъ быть иллюзіею), а не о *способности* дѣйствительно производить перемѣны въ мірѣ и въ себѣ; о стремленіяхъ мы говорили, что намъ *кажется* (быть можетъ, это чувствованіе ложное), будто они именно находятся въ причинной связи съ перемѣнами, слѣдующими за ними. Упоминая о я, мы

---

[1]) Словомъ чувствованіе мы будемъ называть всякое непознавательное состояніе сознанія, которое не хотимъ или затрудняемся помѣстить въ какую-либо опредѣленную рубрику.

имѣемъ въ виду лишь не подвергнутое еще нашему анализу чувствованіе, присутствіемъ котораго характеризуются всѣ состоянія сознанія, называемыя *моими* состояніями. Собственно говоря, все содержаніе каждаго индивидуальнаго сознанія окрашено этимъ чувствованіемъ; однако если всмотрѣться ближе, окажется, что нѣкоторыя состоянія очень интенсивно и *въ цѣломъ своемъ составѣ* чувствуются, какъ «мои», а другія лишь *отчасти* кажутся «моими». Анализируя послѣднія, можно бываетъ выдѣлить въ нихъ элементы, вовсе не окрашенные упомянутымъ чувствованіемъ, т.-е. вовсе не мои, а какъ бы *данные* мнѣ, найденные мною. Напримѣръ, если я смотрю на хорошо знакомую мнѣ чернильницу на своемъ столѣ, то цвѣтъ, форма и т. п. элементы этого воспріятія вовсе не кажутся мнѣ *моими* состояніями сознанія; они даны, я готовъ назвать ихъ своими лишь постольку, поскольку *мое вниманіе* направлено на нихъ. Наоборотъ, процессъ отыскиванія отвѣта на какую-нибудь задачу шутку, напр., на вопросъ, какъ построить изъ шести спичекъ четыре треугольника, можетъ быть очень дѣятельнымъ, такъ что въ немъ не моими, данными кажутся только случайные побочные отрывки мыслей, возникающіе по ассоціаціи идей. Каждый изъ элементовъ волевого акта, именно большинство стремленій, чувствованіе активности и большинство перемѣнъ, могутъ встрѣчаться также въ сознаніи, какъ не мои, какъ данныя мнѣ состоянія сознанія.

Такъ какъ съ помощью анализа можно отдѣлить если не реально, то мысленно, элементы мои отъ данныхъ мнѣ, то мы различаемъ понятія *я и индивидуальное сознаніе:* подъ словомъ индивидуальное сознаніе мы разумѣемъ совокупность всѣхъ переживаній, находящихся въ связи съ я, а подъ словомъ я лишь ту часть индивидуальнаго сознанія, которая чувствуется, какъ моя.

Итакъ, до сихъ поръ мы занимались лишь описаніемъ фактовъ, но, безъ сомнѣнія, мы дѣлаемъ это для того, чтобы современемъ перейти къ теоріи, къ ученію о дѣйствительной активности я. Однако эта задача еще далеко впереди: раньше намъ нужно заняться изслѣдованіемъ элементовъ волевого акта, стремленій, чувствованія активности и перемѣнъ, и опредѣлить виды волевыхъ актовъ.

1. Стремленія.

Намъ предстоитъ теперь задача опредѣлить необходимыя составныя части всякаго стремленія. Этотъ трудъ въ значительной мѣрѣ облегченъ для насъ превосходнымъ сочиненіемъ Пфендера Phänomenologie des Wollens. Пфендеръ задался въ немъ цѣлью опредѣлить лишь, избѣгая всякихъ теорій воли, составъ стремленій вообще и важнѣйшаго вида ихъ, хотѣній въ частности; вопросомъ о перемѣнахъ, слѣдующихъ за стремленіями, т.-е. объ актахъ, онъ вовсе не занимается. Результаты его анализа настолько точны и убѣдительны, по нашему мнѣнію, что намъ остается только передать ихъ и дополнить своими соображеніями о нѣкоторыхъ наиболѣе простыхъ стремленіяхъ, не принятыхъ, по нашему мнѣнію, въ расчетъ Пфендеромъ.

Во всякомъ стремленіи, говоритъ Пфендеръ, есть представленіе о какомъ-либо переживаніи, составляющемъ предметъ стремленія. Представленіе служитъ для насъ замѣстителемъ этого переживанія, такъ какъ вниманіе сосредоточено не на тѣхъ его свойствахъ, которыя придаютъ ему характеръ представленія, а на тѣхъ, которыя у него общи съ замѣщаемымъ переживаніемъ. При этомъ содержаніе представленія, общее съ замѣщаемымъ переживаніемъ, представляется, какъ не находящееся въ настоящемъ, т.-е. какъ прошедшее, будущее или не локализованное во времени, хотя само представленіе, конечно, находится въ сознаніи въ настоящемъ времени [1]). Присутствіемъ такого представленія не исчерпывается еще явленіе стремленія. Въ немъ замѣчается еще всегда опредѣленное отношеніе къ чувствованіямъ удовольствія и неудовольствія. Обыкновенно предполагаютъ, что предметомъ стремленія бываютъ всегда переживанія, заключающія въ себѣ воспоминанія (представленія) о прежнихъ удовольствіяхъ или, вѣрнѣе, относительныхъ удовольствіяхъ, доставленныхъ соотвѣтствующими переживаніями. Пфендеръ приводитъ рядъ соображеній, показывающихъ, что такія представленія о прежнихъ пріятныхъ переживаніяхъ, хотя и входятъ очень часто въ стремленія, вовсе не составляютъ необходимаго элемента ихъ. Въ

[1]) Pfänder, Phänomenologie des Wollens, Leipzig. 1900, стр. 1—36.

дѣйствительности въ стремленія входитъ нѣчто совершенно иное по существу, именно не представленіе о пріятномъ переживаніи, а относительно *пріятное* представленіе о переживаніи, т.-е. представленіе о переживаніи, которое было, можетъ быть, и непріятнымъ, но теперь въ воспоминаніи сопровождается чувствованіемъ (не представленіемъ) относительнаго удовольствія. Это чувствованіе относительнаго удовольствія есть удовольствіе болѣе сильное, чѣмъ удовольствіе отъ нѣкотораго другого представленія, или же удовольствіе въ противовѣсъ неудовольствію отъ нѣкотораго другого представленія, или же неудовольствіе менѣе сильное, чѣмъ отъ нѣкотораго другого представленія. Трудный вопросъ, какое другое представленіе, связанное съ другимъ чувствованіемъ, всегда существуетъ налицо въ стремленіи, Пфендеръ рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: «Стремленіе возникаетъ, когда мы переходимъ отъ представленія небытія къ представленію бытія переживанія; оно проходитъ, когда антиципація переживанія вполнѣ достигнута. Слѣдовательно, во время стремленія происходитъ движеніе отъ представленія небытія къ представленію бытія переживанія». Стремленіе существуетъ только въ томъ случаѣ, если этотъ переходъ отъ представленія А къ не-А или наоборотъ связанъ съ чувствованіемъ «относительнаго удовольствія». Само собою разумѣется, эта относительность, обыкновенно, не познается, а только фактически существуетъ [1]).

Однако представленіе, вызывающее чувствованіе относительнаго удовольствія, еще не составляетъ стремленія. Напримѣръ, если мы съ удовольствіемъ представляемъ себѣ какое-либо будущее событіе и совершенно убѣждены въ томъ, что оно осуществится безъ нашихъ усилій, наше состояніе вовсе не относится къ категоріи стремленій. Состояніе сознанія можно назвать стремленіемъ только въ томъ случаѣ, если къ перечисленнымъ выше элементамъ присоединяется своеобразное, неразложимое далѣе чувствованіе тяготѣнія (Hindrängens), *чувствованіе стремленія,* какъ его называетъ Пфендеръ [2]).

Если во всякомъ стремленіи есть «движеніе отъ представленія небытія къ представленію бытія переживанія», причемъ послѣднее

---

[1]) Тамъ же, стр. 37—61.
[2]) Тамъ же, стр. 60—70.

предпочитается первому, то, слѣдовательно, въ каждомъ положительномъ стремленіи заключается въ скрытой формѣ отрицательное стремленіе (Widerstreben), стремленіе избѣжать какого-либо состоянія, находящагося къ первому въ отношеніи противорѣчащей противоположности (отъ А къ не-А или наоборотъ). Мы будемъ пользоваться этими описательными терминами, такъ какъ всякій простой терминъ, относящійся къ этой категоріи явленій, напр., терминъ отвращеніе, обозначаетъ не простое стремленіе, а стремленіе, осложненное эмоціею, что можетъ повести къ заблужденіямъ. По нашему мнѣнію, именно терминъ Widerstreben виноватъ въ томъ, что у Пфендера въ его анализѣ отрицательныхъ стремленій есть одна маленькая неточность, которую мы отмѣтимъ далѣе.

Отрицательное стремленіе, скрывающееся во всякомъ положительномъ, легко можетъ выступить наружу, и такіе случаи особенно пригодны для анализа. Если мы идемъ вечеромъ по лѣсу и намъ немного жутко, то, замѣтивъ впереди на дорогѣ человѣка, хотя бы и не особенно интереснаго для насъ, мы стремимся догнать его. При этомъ наше состояніе въ однихъ случаяхъ имѣетъ характеръ положительнаго, а въ другихъ отрицательнаго стремленія. Когда оно относится къ первой категоріи, вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы идти вмѣстѣ, а когда оно относится ко второй категоріи, вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы избѣжать одиночества.

Въ первомъ случаѣ вниманіе направлено на то состояніе, къ которому мы стремимся, а во второмъ на то, отъ котораго мы хотимъ удалиться: въ отрицательномъ стремленіи мы какъ бы оборачиваемся спиною къ мѣсту, куда направляется наше движеніе, и смотримъ на ту точку, отъ которой удаляемся. Нерѣдко одно и то же положеніе въ жизни въ зависимости отъ направленія вниманія, вызваннаго сопутствующими обстоятельствами, переживается то какъ положительное, то какъ отрицательное стремленіе. Можно даже выучиться производить искусственно такія превращенія (какъ можно выучиться воспринимать нѣкоторые простые схематическіе рисунки геометрическихъ тѣлъ, то какъ обращенные къ намъ выпуклостью, то какъ обращенные къ намъ вогнутостью) путемъ перемѣщенія фокуса вниманія. Теоретически такое превращеніе, конечно, возможно всегда, но въ дѣйстви-

тельности оно встрѣчается или искусственно достигается преимущественно лишь въ томъ случаѣ, 1. если состоянія A и не-A *сами по себѣ оба имѣютъ цѣну для насъ* (обыкновенно, одно изъ этихъ состояній получаетъ для насъ цѣну только вслѣдствіе стремленія достигнуть или избѣжать другого состоянія), 2. если дѣйствіе, избавляющее насъ отъ какого-либо состоянія, не настолько сложно, чтобы выполненіе его требовало полнаго вниманія къ нему (такъ что, выполняя его, можно повернуться къ нему спиною), напр., въ приведенномъ нами случаѣ, если намъ жутко, а встрѣтившійся человѣкъ вовсе не интересенъ, у насъ является, когда мы его догоняемъ, отрицательное стремленіе, не легко превратимое въ положительное; если встрѣтившійся человѣкъ интересенъ намъ, то является положительное стремленіе, не легко превратимое въ отрицательное. Если, встрѣтившись съ разъяреннымъ быкомъ, мы убѣгаемъ домой, то, вѣроятнѣе всего, во время бѣгства мы будемъ испытывать отрицательное стремленіе; но если при этомъ мы переходимъ черезъ рѣчку по узенькой жердочкѣ, наше отрицательное стремленіе замѣнится во время перехода положительными и другими отрицательными стремленіями.

Кромѣ разницы въ направленіи вниманія, отрицательное стремленіе отличается, по мнѣнію Пфендера, еще тѣмъ, что въ немъ антиципація избѣгаемаго состоянія сопровождается все возрастающимъ относительнымъ неудовольствіемъ, тогда какъ въ положительномъ стремленіи она вызываетъ все возрастающее относительное удовольствіе [1]).

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться: если непріятное состояніе сопровождается дѣйствительнымъ активнымъ стремленіемъ избѣжать его (отрицательнымъ стремленіемъ), а не покорнымъ созерцаніемъ, то вниманіе сосредоточено на убываніи его, и это убываніе связано съ чувствованіемъ относительнаго удовольствія. Слѣдовательно, *составъ* отрицательныхъ стремленій въ этомъ отношеніи не отличается отъ положительныхъ стремленій. Однако разница между тѣми и другими настолько велика, что объяснить ее однимъ различіемъ въ направленіи вниманія нельзя; поэтому необходимо допустить, что они различаются еще характеромъ

[1]) Тамъ же, стр. 70—81.

самого чувствованія стремленія [1]): въ отрицательномъ стремленіи мы испытываемъ не тяготѣніе, а *отталкиваніе.*

Опредѣливъ составъ стремленій вообще, Пфендеръ переходитъ къ изслѣдованію важнѣйшаго вида стремленій—*хотѣній.* Кромѣ элементовъ, входящихъ въ каждое стремленіе, въ хотѣніи есть еще рядъ новыхъ моментовъ, прежде всего чувствованіе возможности осуществить предметъ стремленія собственною дѣятельностью. Гдѣ нѣтъ этого чувствованія, напр., если предметомъ стремленія служитъ «хорошая погода завтра», тамъ мы имѣемъ дѣло не съ хотѣніемъ, а съ *желаніемъ,* надеждою и т. п. Въ связи съ этимъ, конечно, необходимо, чтобы мы также представляли себѣ эту свою собственную дѣятельность, и чтобы она тоже сдѣлалась предметомъ стремленія [2]). Эта собственная дѣятельность можетъ быть косвенною, напр., когда мы стремимся послушать музыку и уговариваемъ кого-либо сыграть нашу любимую пьесу, или же она можетъ быть опредѣлена въ моментъ хотѣнія лишь въ крайне общей, неясной формѣ, напр., когда мы стремимся рѣшить задачу, и тѣмъ не менѣе наличность представленія о собственной дѣятельности и готовность къ ней придаетъ первоначальному стремленію характерную новую окраску; состояніе сознанія, получающееся вслѣдствіе этого, заслуживаетъ того, чтобы выдѣлить его въ особую рубрику и обозначить особымъ терминомъ. Само собою разумѣется, прямого соотвѣтствія между хотѣніемъ и возможностью выполненія его нѣтъ. Чрезвычайно часто загнанные судьбою, измученные неудачами люди ограничиваются желаніями тамъ, гдѣ у нихъ могло быть хотѣніе, и наоборотъ люди самоувѣренные или неопытные проявляютъ опредѣленно выраженное, типичное хотѣніе въ отношеніи событій, находящихся на самомъ дѣлѣ и прямо и косвенно внѣ ихъ власти.

Перечисленными элементами не исчерпывается еще составъ тѣхъ состояній, которыя Пфендеръ называетъ хотѣніями. Нерѣдко стремленіе, осложненное представленіемъ о собственной дѣятельности и готовностью къ ней, наталкивается на представленіе о какомъ-нибудь нежелательномъ послѣдствіи этой дѣятельности; тогда мы начинаемъ колебаться, наше стремленіе становится *свя-*

---

[1]) Тамъ же, стр. 80.

[2]) Тамъ же, стр. 82—104.

заннымъ. Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ, даже и послѣ такого столкновенія первоначальное стремленіе остается *побѣдоноснымъ* и чувствованіе положительнаго стремленія сохраняетъ или пріобрѣтаетъ характеръ «полной или относительной свободы или рѣшимости». Только такія стремленія Пфендеръ называетъ хотѣніями [1]).

Кромѣ того есть еще одинъ элементъ, включаемый Пфендеромъ въ хотѣнія. Его удобнѣе всего указать, разсматривая случаи, когда хотѣніе возникаетъ, какъ результатъ практическаго (не теоретическаго) обсужденія и выбора. Если пьяница сидитъ передъ стаканомъ водки и колеблется, не воздержаться ли на этотъ разъ, а потомъ вдругъ эти колебанія прерываются тѣмъ, что онъ схватываетъ стаканъ и выпиваетъ водку, то этотъ поступокъ не есть результатъ хотѣнія: въ немъ нѣтъ *волевого рѣшенія*, оно совершается противъ воли, оно осуществляется побѣдоносною страстью. Иной характеръ со стороны чувствованій имѣютъ тѣ поступки, которымъ, какъ и въ данномъ случаѣ, предшествуютъ борющіяся стремленія, при чемъ я сначала колеблется, на которую сторону стать, а потомъ «становится на сторону одного стремленія и, болѣе или менѣе успѣшно отталкивая другія стремленія, дѣлаетъ одно изъ стремленій исключительно своимъ». Поступокъ, описанный выше, можетъ относиться къ этой второй категоріи, если онъ закончится выпивкою, напр., послѣ такого соображенія: «Э, къ чорту кисло-сладкую мораль! Хочется выпить, такъ и пей». Итакъ, «волевое рѣшеніе состоитъ въ томъ, что побѣдоносныя стремленія суть въ то же время стремленія, на сторону которыхъ стало я, или которыя оно въ концѣ концовъ сдѣлало своими. Если наоборотъ, нами овладѣетъ страсть, то это значитъ, что побѣдили стремленія, на сторону которыхъ не стало я или которыя я не сдѣлало своими» [2]). Различая эти два вида стремленій, Пфендеръ называетъ одни изъ нихъ «*моими стремленіями*», а другія «*стремленіями во мнѣ*». Разницу между ними онъ описываетъ такъ: «Стремленіе, называемое «моимъ стремленіемъ», кажется прямо исходящимъ изъ я, а не вынужденнымъ или навязаннымъ нашему я со стороны чего-либо отличнаго отъ я.

---

[1]) Тамъ же, стр. 105—108.

[2]) Тамъ же, стр. 125.

Иными словами, въ «нашемъ стремленіи» мы чувствуемъ себя стремящимися свободно, изъ себя къ представляемому переживанію; короче, мы чувствуемъ себя въ этомъ стремленіи *спонтанными*. Наоборотъ, въ случаѣ «стремленія въ насъ», хотя оно также въ концѣ концовъ есть «наше стремленіе, мы чувствуемъ себя не свободно изъ себя стремящимися, не спонтанно стремящимися, а *вынужденными* или побуждаемыми *къ этому стремленію* чѣмъ-то отличнымъ отъ нашего я» [1]).

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ эти соображенія Пфендера, такъ какъ находимъ въ нихъ сходство съ чрезвычайно важнымъ для насъ различеніемъ состояній сознанія «моихъ и данныхъ мнѣ». Однако Пфендеръ насчитываетъ только двѣ категоріи стремленій и видитъ разницу между ними въ томъ, что одни изъ нихъ какъ бы причиняются нашимъ я самостоятельно, а другія тоже какъ бы причиняются нашимъ я, но подъ вліяніемъ давленія извнѣ. Между тѣмъ мы находимъ, что въ однихъ случаяхъ стремленіе какъ бы исходитъ изъ я, самостоятельно дѣйствующаго, въ другихъ случаяхъ оно тоже какъ бы исходитъ изъ я, но подъ вліяніемъ давленія извнѣ не свободно, а въ третьихъ случаяхъ стремленіе какъ бы вовсе не исходитъ изъ я, оно уже существуетъ, какъ состояніе сознанія, безъ содѣйствія я, которое только присматривается къ нему; такое состояніе сознанія можетъ быть названо «моимъ» лишь постольку, поскольку *мое вниманіе* направлено на него.—Выраженія въ родѣ «стремленія борются во мнѣ», «страсть увлекаетъ меня» мы считаемъ не простыми метафорами, а точнымъ описаніемъ нѣкоторыхъ чувствованій. Чтобы подчеркнуть оттѣнки различныхъ состояній сознанія, мы покажемъ на модификаціяхъ одного и того же примѣра три описанныя формы стремленій. Если у пьяницы, сидящаго передъ стаканомъ водки, борьба съ собою *прерывается неожиданно для него* самого тѣмъ, что онъ судорожно хватаетъ стаканъ водки и выпиваетъ его, то мы имѣемъ дѣло здѣсь съ типичнымъ «*даннымъ во мнѣ стремленіемъ*». Если изъ такого стремленія возникаетъ поступокъ, то и онъ имѣетъ характеръ даннаго во мнѣ; подобные поступки мы будемъ обозначать терминомъ «поступокъ во мнѣ». Само собою разумѣется, такое

[1]) Тамъ же, стр. 128.

теченіе явленій возможно лишь въ простѣйшихъ случаяхъ и приводитъ лишь къ примитивнѣйшимъ поступкамъ. Если пьяница борется со стремленіемъ выпить, но совершенно подавленный этимъ стремленіемъ, когда оно овладѣваетъ всѣмъ полемъ сознанія, наконецъ, начинаетъ *самъ* обдумывать, гдѣ бы можно было достать водки, вспоминаетъ, что бутылка стоитъ въ шкафу, достаетъ ее и выпиваетъ, при чемъ до самаго конца все-таки *не становится на сторону* стремленія выпить, а дѣйствуетъ какъ бы подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, то стремленіе обдумать, какъ достать водки, можно назвать «*вынужденнымъ моимъ стремленіемъ*», а самое обдумываніе «вынужденнымъ моимъ поступкомъ». Наконецъ, въ-третьихъ, если пьяница, сидящій передъ стаканомъ водки, заканчиваетъ борьбу съ угрызеніями совѣсти презрительнымъ восклицаніемъ по адресу морали, то, почти навѣрное, у него къ «данному стремленію» выпить присоединилось *собственное* свободное стремленіе выпить. Это присоединившееся стремленіе есть *мое стремленіе* и слѣдующій за нимъ поступокъ есть «мой». Конечно, это не типичный примѣръ «моихъ стремленій», такъ какъ я въ этомъ случаѣ только *отдаетъ своимъ* данное уже стремленіе или *присоединяетъ* къ нему свое стремленіе. Болѣе типичные примѣры «моихъ стремленій» встрѣчаются, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда честолюбецъ совершаетъ какой-либо поступокъ съ цѣлью выдвинуться.

Присоединеніе «моихъ» стремленій и поступковъ къ «даннымъ» и «вынужденнымъ» стремленіямъ и поступкамъ можетъ подготовить почву для появленія въ будущемъ вынужденныхъ или даже данныхъ во мнѣ поступковъ, необычайно сложныхъ, такъ что даже не вѣришь, что они относятся къ этой категоріи. Сильная любовь, борющаяся съ чувствомъ долга въ семейномъ человѣкѣ и навязывающаяся его сознанію, какъ бы противъ воли, точно бы какой-то злой демонъ, можетъ вынудить его обдумывать планъ достиженія цѣли. Такое *вынужденное* обдумываніе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ привести къ построенію сложнаго хитраго плана, потому что вынужденная дѣятельность постоянно прерывается, въ ней какъ бы не участвуютъ всѣ силы я. Однако стоитъ только явиться мысли: «Отчего же не подумать? Вѣдь это ничего: я все равно этого не сдѣлаю», и тотчасъ же положеніе мѣняется: борьба прекращается, вынуж-

денное обдумываніе превращается въ *мое* обдумываніе и становится необычайно оживленнымъ, плодотворнымъ, является хитрый планъ, какъ удалить на время жену, какъ приблизить къ себѣ любимую особу и т. п. Наконецъ, игра фантазіи прекращается, человѣкъ возвращается къ дѣйствительности и строго обрываетъ себя, опять утверждая, что никогда этого не сдѣлаетъ. Между тѣмъ самое трудное уже сдѣлано: планъ построенъ, и когда страсть нахлынетъ вновь, воспоминаніе о планѣ и выполненіе его могутъ легко послѣдовать, какъ вынужденные поступки или даже поступки во мнѣ.

До сихъ поръ мы говорили о стремленіяхъ, имѣя въ виду лишь тотъ обширный классъ ихъ, который намѣченъ Пфендеромъ и состоитъ изъ антиципаціи переживанія въ формѣ относительно пріятнаго представленія въ связи съ чувствованіемъ стремленія. Только такія сложныя, сравнительно, состоянія сознанія Пфендеръ ставитъ въ тѣсную связь съ волевою дѣятельностью. Если нѣтъ антиципаціи въ формѣ представленія, то мы имѣемъ дѣло со слѣпымъ влеченіемъ (Trieb) и перемѣна, слѣдующая за такимъ влеченіемъ, не относится, по его мнѣнію, къ области волевыхъ актовъ: волевыми онъ называетъ лишь тѣ акты, которые слѣдуютъ за хотѣніями. Съ такимъ построеніемъ понятія волевого акта и съ такою классификаціею нельзя согласиться, потому что она преувеличиваетъ значеніе одного въ данномъ случаѣ сравнительно не важнаго признака, именно познанія, и заставляетъ поэтому ставить слишкомъ далеко другъ отъ друга явленія, по существу сходныя. Самымъ характернымъ элементомъ въ стремленіяхъ слѣдуетъ признать чувствованіе стремленія; какъ только оно появляется, тотчасъ же начинается оживленіе дѣятельности сознанія по направленію къ осуществленію какой-либо перемѣны, тотчасъ же такъ или иначе (даже и въ желаніяхъ) является чувствованіе активности. Поэтому, если намъ встрѣтятся состоянія сознанія, во всѣхъ отношеніяхъ сходныя съ описанными выше стремленіями и не заключающія въ себѣ только представленій, мы ихъ все же отнесемъ въ разрядъ стремленій. Таковы именно слѣпыя влеченія. Войдя съ мороза въ комнату и увлекаясь разговоромъ, мы можемъ въ то же время, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, подойти къ печи, отъ которой пышетъ тепломъ, и начать грѣться. Когда мы отдадимъ себѣ

отчетъ въ своемъ дѣйствіи, можетъ даже оказаться, что мы его не одобряемъ, напр., потому что считаемъ вреднымъ грѣться прямо у печи послѣ мороза. Точно такимъ же образомъ, бесѣдуя, мы можемъ подойти къ столу съ хлѣбомъ и начать его ѣсть, если мы голодны. Если мы очень не любимъ какого-нибудь человѣка, мы можемъ при одномъ видѣ его вдругъ почувствовать какое-то смутное раздраженіе и сдѣлать ему рядъ непріятныхъ замѣчаній, противорѣчить ему на каждомъ шагу, вовсе не отдавая себѣ отчета въ томъ, что наше поведеніе руководится стремленіемъ раздосадовать его. Увидѣвъ некрасиво составленный букетъ, человѣкъ со вкусомъ испытываетъ непріятное чувство, подходитъ къ букету и, сдѣлавъ перестановку безъ всякаго предварительнаго плана въ воображеніи, сразу придаетъ букету лучшій видъ. Дѣти, когда хотятъ ѣсть или спать, начинаютъ иногда капризничать, требуютъ то того, то другого, всѣмъ своимъ поведеніемъ показываютъ, что они чего-то ищутъ, чего-то добиваются, но сами себѣ не отдаютъ отчета, чего имъ нужно; опытная няня догадывается, въ чемъ дѣло, удовлетворяетъ ихъ смутное влеченіе, и они сразу успокаиваются. Такія черезчуръ простыя потребности, какъ голодъ, рѣдко приводятъ взрослыхъ въ положеніе ребенка, желающаго ѣсть, но неспособнаго опредѣлить, чего ему хочется, однако нѣкоторыми комбинаціями условій могутъ быть созданы и такія положенія, какъ это, навѣрное, всякій испыталъ; благодаря своей простотѣ они особенно удобны для анализа, которымъ намъ слѣдуетъ заняться теперь.

Несомнѣнно, въ смутныхъ влеченіяхъ есть чувствованіе стремленія. Однако они не исчерпываются этимъ чувствованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно имѣетъ однообразный характеръ, между тѣмъ какъ стремленія и влеченія безконечно разнообразны. Слѣдовательно, чувствованіе стремленія и здѣсь присоединяется къ какимъ-то другимъ элементамъ. Да это и само собою разумѣется: это чувствованіе есть тяготѣніе къ чему-то, и это что-то такъ или иначе должно быть дано въ сознаніи, въ противномъ случаѣ мы бы не характеризовали свое чувствованіе, какъ *тяготѣніе*. Намъ остается предположить, что и во влеченіяхъ антиципируется какое-либо переживаніе. Это подтверждается тѣмъ, что за влеченіями, какъ и за стремленіями, нерѣдко слѣдуетъ рядъ дѣйствій, осуществляющихъ перемѣну, которая какъ бы удовле-

творяетъ влеченію, и оно послѣ этого утихаетъ. Эта антиципація, очевидно, сопровождается также относительнымъ удовольствіемъ, потому что приближеніе къ удовлетворенію влеченія сопровождается возрастаніемъ удовольствія, а удаленіе убываніемъ удовольствія. Однако антиципація переживанія въ слѣпыхъ влеченіяхъ не есть представленіе, т.-е. не есть познавательное состояніе: въ противномъ случаѣ мы бы не затруднялись указать ее, не называли бы влеченій слѣпыми и не отличали бы ихъ отъ стремленій. Повидимому эта антиципація проще антиципаціи въ стремленіяхъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы нашли въ слѣпыхъ влеченіяхъ всѣ тѣ же элементы, которые есть и въ стремленіяхъ, однако смутныя влеченія болѣе просты, чѣмъ стремленія; вслѣдствіе неразложимости чувствованій стремленія, активности и относительнаго удовольствія въ нихъ нельзя искать причину этой большей простоты, слѣдовательно, остается объяснить ее лишь большею простотою антиципаціи. И, въ самомъ дѣлѣ, антиципація во влеченіяхъ не есть *представленіе* переживанія, слѣдовательно ей остается лишь быть *простымъ сознаваніемъ* переживанія, а всякое представленіе или знаніе бываетъ сложнѣе соотвѣтствующаго переживанія, если не принимать, конечно, въ расчетъ элементовъ переживанія, подвергнувшихся забвенію. Можно переживать сильное чувство ревности, зависти и т. п. и не познавать того, что переживаешь эти чувства. Безъ сомнѣнія, если мы даемъ себѣ отчетъ въ нихъ, наше состояніе сознанія сложнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ; такія состоянія сознанія мы будемъ называть *опознанными*, а первыя *неопознанными*. Неопознанныя состоянія встрѣчаются въ душевной жизни чрезвычайно часто, и вообще нельзя утверждать, что опознаніе есть необходимый факторъ при выполненіи сознательныхъ дѣйствій. При *воспріятіи* пищи, напр., можно руководиться только самимъ *чувствованіемъ* насыщенія, вовсе не познавая его, т.-е. не имѣя *представленія* насыщенія. Если такъ, то и *влеченіе* утолить голодъ тоже можетъ заключать въ себѣ антиципацію насыщенія не въ видѣ представленія, а въ формѣ простого переживанія. Болѣе подробно мы разсмотримъ вопросъ о различіи между знаніемъ и простымъ сознаніемъ, въ изслѣдованіи о такъ называемомъ безсознательномъ, а теперь ограничимся лишь указаніемъ на общеизвѣстные случаи, когда состояніе сознанія, безъ

сомнѣнія, существуетъ, а знанія о немъ нѣтъ. Особенно часто эти состоянія встрѣчаются въ подготовительныхъ стадіяхъ волевого акта. Въ сложномъ волевомъ актѣ въ большинствѣ случаевъ бываютъ опознаны только конечная цѣль и осуществленіе ея, а рядъ промежуточныхъ стремленій, средствъ и вообще весь механизмъ дѣйствованій остается почти вовсе не опознаннымъ. Это легко подтвердить слѣдующимъ образомъ. Совершивъ какой-либо сложный актъ, требовавшій быстроты и затрогивавшій многія стороны душевной жизни, займемся сейчасъ же мысленнымъ воспроизведеніемъ его; при этомъ мы навѣрное сдѣлаемъ рядъ открытій въ своей собственной душѣ, подмѣтимъ такія чувствованія и мотивы, какихъ мы, можетъ быть, до того и не подозрѣвали въ себѣ. Конечно, такое воспроизведеніе и опознаніе требуетъ большого навыка. Всѣмъ извѣстно, какого труда и умѣнья требуетъ воспроизведеніе даже и ряда опознанныхъ состояній сознанія, напр., всего, что воспринято нами во время прогулки. Въ отношеніи неопознанныхъ состояній эта задача становится даже совсѣмъ невыполнимою, если не взяться за воспроизведеніе тотчасъ же послѣ акта, да и то при этомъ чувствуется, что память упрощаетъ пережитой процессъ, или опознаніе не вполнѣ удается, такъ что нужна большая настойчивость, чтобы получить наконецъ картину процесса, которая бы казалась точною копіею прошлаго. Несмотря на это, изучать неопознанныя состоянія, а, слѣдовательно, и большую часть волевыхъ процессовъ, само собою разумѣется, приходится лишь на основаніи свѣжихъ воспоминаній, а не прямого наблюденія. Такой *ретроспективный* субъективный методъ заключаетъ въ себѣ еще большее количество недостатковъ, чѣмъ простой субъективный методъ, но съ этимъ приходится мириться, потому что лучшаго орудія у насъ нѣтъ.

Опознавая слѣпыя влеченія, мы находимъ, что они заключаютъ въ себѣ антиципацію желаемаго переживанія и отличаются отъ стремленій, разсмотрѣнныхъ раньше, только тѣмъ, что эта антиципація въ нихъ не есть представленіе. Поэтому мы будемъ обозначать ихъ терминомъ *неопознанныя стремленія*, а разсмотрѣнныя раньше—терминомъ опознанныя стремленія; они такъ же, какъ и опознанныя стремленія, бываютъ или моими или данными во мнѣ, или вынужденными стремленіями.

Соотвѣтствующіе имъ поступки бываютъ или опознанными, или неопознанными. Поступки, вытекающіе изъ неопознанныхъ *моихъ* стремленій, мы относимъ къ числу волевыхъ, слѣдовательно, расширяемъ понятіе воли сравнительно съ Пфендеромъ, который считаетъ волевыми только поступки, обусловленные хотѣніями. Расширеніе понятія происходитъ отъ того, что мы опускаемъ познавательный элементъ на основаніи соображеній, которыя выяснятся далѣе въ обоснованіи волюнтаризма. Здѣсь же мы сошлемся лишь на то, что опознанность всегда бываетъ лишь *относительною*, что всякій поступокъ и стремленіе заключаетъ въ себѣ неопознанные элементы, такъ что знаніе не есть признакъ, на которомъ можно было бы основать *коренныя* подраздѣленія въ психологіи.

Раньше, чѣмъ доказывать эту мысль, мы должны разсмотрѣть еще одну замѣчательную особенность стремленій, состоящую въ томъ, что въ душевной жизни никогда не встрѣчаются одиночныя стремленія, а всегда цѣлыя системы ихъ. Если у насъ является стремленіе взяться за разработку какой-либо темы, заданной на конкурсъ, мы стремимся точно вспомнить текстъ ея; когда это не удается, мы стремимся вспомнить, гдѣ лежитъ книга, въ которой помѣщена тема; послѣ прочтенія книги является длинная серія новыхъ стремленій, напр. посовѣтоваться съ тѣмъ или другимъ лицомъ, обдумать тотъ или иной частный вопросъ, входящій въ тему, записать свои мысли, отправить по почтѣ рукопись и т. д.; возникновеніе и осуществленіе этихъ стремленій будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока или первоначальное стремленіе не будетъ осуществлено или не возникнутъ болѣе сильныя стремленія, удерживающія отъ всего этого предпріятія, напр. если усталость и опасенія за свое здоровье заставятъ насъ прекратить работу. Рядъ стремленій, возникающихъ по поводу первоначальнаго стремленія, составляетъ систематическое цѣлое: всѣ члены его находятся въ связи другъ съ другомъ и съ первоначальнымъ стремленіемъ. Ихъ можно разбить на три группы: на стремленія, поддерживающія нашу рѣшимость (напр., въ описанномъ случаѣ честолюбивыя стремленія), стремленія, ослабляющія ее, и стремленія къ средствамъ для осуществленія первоначальнаго стремленія. Послѣдній разрядъ ихъ мы будемъ называть *производными* стремленіями. Предметъ первоначальнаго

стремленія мы будемъ называть *конечною цѣлью*, а предметъ производнаго стремленія *относительною цѣлью*. Конечно, производныя стремленія могутъ въ то же время относиться къ числу поддерживающихъ или ослабляющихъ, если они сами по себѣ составляютъ предметъ стремленія или отвращенія. Однако чаще всего средства сами по себѣ не бываютъ предметомъ стремленія и получаютъ смыслъ только въ связи съ первоначальнымъ стремленіемъ. Завертывая рукопись въ бандероль, мы не считаемъ этотъ актъ конечною цѣлью, а объясняемъ его своимъ намѣреніемъ отослать рукопись на почту. Точно такъ же относимся мы и къ самому отправленію рукописи на почту и т. д. Однако восходя въ ряду стремленій, обусловливающихъ другъ друга, мы, наконецъ, дойдемъ до первоначальнаго стремленія и конечной цѣли, которыя кажутся намъ ничѣмъ необусловленными. На вопросъ, почему мы ставимъ такую цѣль, мы отвѣчаемъ: «такъ себѣ», или: «я такъ хочу, и этого достаточно», или, если рѣчь идетъ о чемъ-либо важномъ: «вѣдь само собою разумѣется, что этого слѣдуетъ хотѣть».

Въ опредѣленіи конечныхъ цѣлей своихъ поступковъ мы на каждомъ шагу дѣлаемъ ошибки, обнаруживаемыя всѣмъ остальнымъ нашимъ поведеніемъ. Эти ошибки интересны тѣмъ, что показываютъ, какъ широко распространены въ волевой жизни неопознанные элементы. Честолюбецъ, подготовляющій докладъ къ научному съѣзду будто бы исключительно изъ любви къ наукѣ, иногда не только увѣряетъ другихъ, но и самъ убѣжденъ въ чистотѣ своихъ побужденій. Ребенокъ, получившій въ подарокъ гармонику и наигравшійся уже вдоволь, берется, увидѣвъ, что рабочіе пришли съ поля, опять за нее, садится на крыльцо и играетъ, такъ, чтобы они слышали его; онъ хвастаетъ своею игрушкою и самъ не знаетъ побужденія, вызвавшаго его на крыльцо. Иной разъ въ обществѣ мы готовы уже сказать какую-либо фразу, но вдругъ что-то удерживаетъ насъ и потомъ мы радуемся этому: нашъ поступокъ оказывается *тактичнымъ*, потому что эта фраза могла бы обидѣть одного изъ присутствовавшихъ; иногда можно подмѣтить и внѣшнія подтвержденія того, что въ сознаніи было опасеніе затронуть это лицо, напр. такое движеніе по направленію къ этому лицу, какъ будто бы мы спохватываемся. Съ возрастаніемъ опытности чрезвычайно

часто цѣли, казавшіяся намъ прежде первоначальными, сами по себѣ интересными, перестаютъ играть такую роль и превращаются лишь въ средство для осуществленія другихъ болѣе важныхъ цѣлей. Весьма вѣроятно, что во многихъ случаяхъ эти болѣе важныя цѣли уже и раньше существовали въ сознаніи, но не были опознаны. Напр., въ дѣтствѣ стремленія къ той или иной пищѣ кажутся цѣнными сами по себѣ; для многихъ взрослыхъ тѣ же самыя стремленія превращаются уже лишь въ средство для удовлетворенія опредѣленной опознанной потребности организма и интересны лишь съ этой точки зрѣнія.

Если присоединить неопознанныя стремленія къ опознаннымъ, то окажется, что въ душевной жизни невозможно найти мимолетное *одиночное* стремленіе. Всегда оно окажется звеномъ цѣлой системы, въ которой мы по недостатку наблюдательности упустили изъ виду начало или конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти всегда окажется, что оно вовсе не первоначальное, что въ основѣ его можно съ большою вѣроятностью допустить какое-либо другое неопознанное стремленіе. Или же еще легче бываетъ доказать, что въ связи съ появившимся стремленіемъ возникли также стремленія къ средствамъ для осуществленія его (часто лишь воображаемымъ), и эти производныя стремленія нерѣдко бываютъ неопознанными, въ особенности если они просты и очень привычны. Напр., если мы хотимъ взвѣсить себя на вѣсахъ, мы подзываемъ сосѣда и просимъ его положить гири на вѣсы. Несомнѣнно, эта просьба сопровождается спеціальнымъ стремленіемъ, но въ большинствѣ случаевъ оно остается неопознаннымъ; съ этимъ легко согласиться, если обратить вниманіе на тѣ случаи, когда оно становится болѣе продолжительнымъ и сложнымъ вслѣдствіе неудовлетворенія. Казалось бы, что мимолетныя стремленія, *не переходящія въ хотѣніе и не осуществляемыя* нами, могутъ оставаться и часто остаются одиночными. Однако и это не вѣрно: если стремленіе не развилось далѣе, то почти навѣрное вслѣдъ за нимъ возникло какое-либо противорѣчащее стремленіе и подавило его совсѣмъ или на время. Напр., послѣ обѣда при видѣ яблока у насъ является стремленіе съѣсть его, однако вдругъ оно обрывается, и мы забываемъ о немъ; всматриваясь въ этотъ процессъ, мы навѣрное найдемъ какое-либо побужденіе для отмѣны стремленія, напр. тягостное ощу-

щеніе насыщенія, вызывающее отвращеніе къ новому воспріятію пищи.

Впрочемъ въ системахъ стремленій часто происходятъ значительныя упрощенія: средства для достиженія конечной цѣли, въ особенности, если они очень просты, осуществляются иногда безъ всякихъ спеціальныхъ стремленій къ нимъ; они осуществляются какъ бы сами собою, такъ что эти акты нельзя даже назвать «поступкомъ во мнѣ». Напр., услышавъ крикъ журавля, мы поворачиваемъ голову и глаза, и эти средства, необходимыя для акта видѣнія, вовсе не предваряются спеціальными стремленіями. Однако, если журавли летятъ очень высоко, и мы хотимъ непремѣнно отыскать ихъ, разведеніе осей глазъ, сведеніе ихъ и т. п. акты могутъ стать предметомъ спеціальныхъ и *даже опознанныхъ* стремленій. Если мы видимъ возмутительный поступокъ, и у насъ вырывается восклицаніе: «это безобразіе», то *это средство* для выраженія негодованія почти всегда является безъ спеціальнаго стремленія, потому что выраженіе чувствъ съ помощью рѣчи есть актъ въ высшей степени привычный для насъ. Однако, если это восклицаніе явится у насъ въ отвѣтъ на вопросъ, какъ мы относимся къ такому-то поступку, при чемъ мы не сразу найдемъ слова для выраженія своего чувства, то, обыкновенно, этимъ словамъ предшествуетъ неопознанное стремленіе произнести ихъ. Мало того, если въ обществѣ обсуждается какой-либо поступокъ, который мы хотимъ назвать безобразнымъ, если эта фраза уже заготовлена нами и мы ждемъ лишь, когда обратятъ на насъ вниманіе, чтобы сказать ее, то этотъ же актъ предшествуется спеціальнымъ и притомъ опознаннымъ стремленіемъ.

Мы изслѣдуемъ въ этой главѣ свойства стремленій только для того, чтобы перейти къ обоснованію волюнтаризма, и потому можемъ ограничиться слѣдующими добытыми результатами. Два важныхъ свойства стремленій, бо̀льшая или меньшая близость къ я и бо̀льшая или меньшая опознанность, даютъ основаніе для дѣленія ихъ на стремленія мои, вынужденныя и данныя во мнѣ, а также на опознанныя и неопознанныя. Слѣдуя Пфендеру, мы разсмотрѣли также составъ важнѣйшаго вида опознанныхъ стремленій, именно хотѣній; однако специфическія особенности хотѣній не имѣютъ существеннаго значенія для нашего изслѣдованія.

2. Чувствованіе активности и перемѣна.

Чувствованіе активности служитъ связующимъ звеномъ между стремленіемъ и соотвѣтствующею ему перемѣною. Какъ и другія состоянія сознанія, чувствованіе активности можетъ быть «моимъ» и «даннымъ мнѣ». Типичное чувствованіе «моей» активности возникаетъ, напр., тогда, когда мы напряженно обдумываемъ какой-либо трудный вопросъ, усиливаемся припомнить что-либо или совершаемъ произвольное мускульное движеніе. Чувствованіе данной активности встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда перемѣна слѣдуетъ за «даннымъ во мнѣ» стремленіемъ; однако отличіе ея отъ чувствованія моей активности въ этихъ случаяхъ рѣдко бываетъ ясно выражено. Въ типичной формѣ оно встрѣчается во многихъ органическихъ ощущеніяхъ, какъ составная часть ихъ; напр., когда мы испытываемъ одну изъ тѣхъ болей, которыя называются колющими, сверлящими и т. п., мы, поскольку называемъ эти боли такими именами, указываемъ на то, что сознаемъ присутствіе какой-то активности, но чувствуемъ ее, какъ постороннюю, а не свою; этой активности не предшествуетъ никакое стремленіе, или вѣрнѣе, мы не замѣчаемъ, не опознаемъ въ этомъ случаѣ никакого стремленія. Такое чувствованіе внѣшней активности встрѣчается даже въ воспріятіяхъ внѣшняго міра, напр., въ воспріятіи камня, разбивающаго окно, стремительно мчащагося курьерскаго поѣзда и т. п.

Перемѣны, слѣдующія за «моими стремленіями» и чувствованіе «моей» активности бываютъ трехъ родовъ. Въ однихъ случаяхъ перемѣна во всемъ своемъ составѣ кажется «моею». Если мы обдумываемъ для маскарада костюмъ джентльмена эпохи Людовика XIV и, уже составивъ планъ его, стараемся представить себѣ, каковъ будетъ онъ, если къ зеленымъ отворотамъ рукавовъ пришить имѣющееся у насъ кружево, то этотъ *синтезъ* сознается, какъ мой. Конечно, представленіе самого костюма и кружева можетъ при этомъ относиться къ числу «данныхъ» состояній сознанія. Мало того, черезъ нѣсколько минутъ послѣ мысленнаго осуществленія синтеза, если мы попытаемся опять вспомнить его, онъ почти навѣрное безъ труда всплываетъ въ

нашемъ сознаніи, какъ «данное» состояніе. Въ другихъ случаяхъ перемѣна состоитъ изъ элементовъ отчасти моихъ, отчасти данныхъ мнѣ, напр., если я обдумываю, какъ устроить каталогъ библіотеки и при этомъ отчасти вспоминаю ящики и карточки подвижныхъ каталоговъ, отчасти самъ создаю новыя формы ихъ. Наконецъ, въ третьихъ случаяхъ перемѣна на первыхъ порахъ тоже кажется вполнѣ или отчасти моею, однако внимательное наблюденіе показываетъ, что она состоитъ исключительно изъ данныхъ элементовъ и кажется моею только потому, что послѣдовала за живымъ чувствованіемъ «моей» активности; слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ мы живо сознаемъ, что произвели что-то, но сами не знаемъ что. Напр., если мы произвольно поднимаемъ руку, эта перемѣна кажется намъ «моею»; однако она вся *для нашего сознанія* состоитъ изъ зрительныхъ и моторныхъ ощущеній, которыя *всегда* относятся къ числу данныхъ состояній сознанія; въ этомъ случаѣ иллюзія принадлежности моему я возникаетъ вслѣдствіе чрезвычайно живого сознанія, что наше усиліе не осталось безрезультатнымъ, что мы что-то произвели, но при внимательномъ анализѣ оказывается, что произведенное нами *вовсе не дано въ нашемъ сознаніи*. Перемѣны перваго рода мы будемъ называть терминомъ «мой внутренній актъ», перемѣны второго рода — терминомъ «неполный мой внутренній актъ», а перемѣны третьяго рода—«мой внѣшній актъ». Конечно, внѣшніе акты не необходимо бываютъ мускульными. Многіе изъ нихъ вовсе не обнаруживаются на периферіи тѣла. Напр., если мы усиливаемся припомнить стихотвореніе, и оно вдругъ всплываетъ въ нашемъ сознаніи въ готовомъ видѣ, то этотъ процессъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ типичнымъ внѣшнимъ актомъ: мы что-то произвели, однако данная въ сознаніи перемѣна есть не нашъ актъ, а какое-то болѣе или менѣе отдаленное послѣдствіе нашего акта.

Большая часть перемѣнъ настолько сложна, что относится ко второму разряду. Однако въ этомъ отношеніи возможны значительныя индивидуальныя различія. Если предложить нѣсколькимъ лицамъ исправить, напр., такую фразу: «Сознавая, что сознаніе преступника въ своей винѣ»..., то, навѣрное, этотъ актъ у однихъ лицъ будетъ относиться ко второму, а у другихъ къ третьему разряду. Если онъ относится къ третьему разряду,

то онъ можетъ протекать, напр., слѣдующимъ образомъ: вниманіе сосредоточивается на содержаніи мысли, не выраженномъ раздѣльными словами, а являющемся въ формѣ какого-то неяснаго цѣльнаго клубка, и болѣе или менѣе продолжительное усиліе выразить его въ новой формѣ вдругъ смѣняется всплываніемъ въ сознаніи новой готовой фразы вродѣ: «Находя, что сознаніе преступника въ своей винѣ»...

«Мои внѣшніе акты» нужно строго отличать отъ одного вида перемѣнъ, принадлежащаго къ совершенно иному типу, именно отъ перемѣнъ, являющихся вслѣдъ за стремленіями, но безъ чувствованія активности, и вообще безъ сознанія, что мы произвели ихъ прямо или косвенно. Напр., утромъ, лежа въ постели, мы рѣшаемъ, что нужно встать, но не можемъ преодолѣть себя; потомъ начинаемъ думать о чемъ-либо постороннемъ и вдругъ замѣчаемъ, что мы уже встаемъ. Въ обществѣ иной разъ мы собираемся что-либо разсказать, потомъ рѣшаемъ, что нашъ разсказъ будетъ неумѣстенъ, но черезъ нѣсколько минутъ вдругъ замѣчаемъ, что языкъ измѣнилъ намъ и принялся говорить. Такія внѣшнія перемѣны нельзя назвать волевыми, если примѣнять этотъ терминъ въ установленномъ нами смыслѣ [1]), но въ то же время нельзя отнести ихъ къ числу рефлекторныхъ или автоматическихъ, потому что имъ необходимо предшествуетъ психическое состояніе. Мы будемъ называть эти перемѣны *психо-рефлекторными актами.* Существованіе ихъ вовсе не противорѣчитъ утвержденію волюнтаризма, что всѣ перемѣны въ сознаніи, относимыя нами къ нашему я, протекаютъ по типу волевыхъ процессовъ: въ самомъ дѣлѣ, психо-рефлекторные акты въ цѣломъ въ такой же мѣрѣ не составляютъ единой перемѣны въ сознаніи, какъ, напр., наша мысль о какомъ-либо отвлеченномъ вопросѣ и послѣдовавшее за нею воспріятіе боя часовъ. Иными словами, психо-рефлекторный актъ состоитъ *изъ двухъ различныхъ перемѣнъ*; это тотчасъ же становится яснымъ, если сдѣлать точное описаніе того, что мы находимъ въ сознаніи въ подобныхъ случаяхъ, напр., въ первомъ изъ описанныхъ. Сначала у насъ было представленіе объ актѣ вставанія и стремленіе къ нему, а потомъ явилась перемѣна, которую нельзя описать сло-

[1]) См. выше стр. 2 с.

вами «я всталъ» (гдѣ возможно такое описаніе, тамъ мы имѣемъ дѣло съ «моимъ внѣшнимъ актомъ», который предваряется живымъ сознаваніемъ того, что я что-то произвелъ), а точнѣе будетъ обозначить словами «я чувствую себя вставшимъ, я воспринимаю себя вставшимъ». Безъ сомнѣнія, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ двумя отдѣльными явленіями въ сферѣ индивидуальнаго сознанія: со стремленіемъ, отмѣненнымъ или, какъ кажется, не заключающимъ въ себѣ достаточной силы для осуществленія перемѣны, и съ воспріятіемъ перемѣны, повидимому, происшедшей помимо активности я. Это воспріятіе ничѣмъ не отличается отъ воспріятія рефлекторныхъ сокращеній: въ самомъ дѣлѣ, если мы ѣдимъ какой-либо черезчуръ кислый плодъ, и у насъ начинаютъ рефлекторно сокращаться мускулы лица, мы совершенно такимъ же образомъ воспринимаемъ эти сокращенія, какъ происшедшія помимо нашей воли. Поэтому-то мы и обозначили описанные только что процессы терминомъ психо-рефлекторные акты, быть можетъ, не совсѣмъ удачнымъ въ другихъ отношеніяхъ. Многіе психологи обозначаютъ подобныя явленія терминомъ идео-моторный актъ. Однако это понятіе у нихъ въ однихъ отношеніяхъ шире, а въ другихъ ýже того, что нужно намъ. Оно шире потому, что подъ него часто подводятся всѣ движенія, слѣдующія за представленіемъ о движеніи, хотя бы къ такому представленію и присоединялось стремленіе (мой или вынужденный внѣшній актъ); оно ýже въ томъ отношеніи, что подъ него подводятся только акты движенія, между тѣмъ какъ отмѣченныя нами специфическія черты психо-рефлекторныхъ перемѣнъ встрѣчаются и среди психическихъ явленій, не сопровождающихся перемѣнами на периферіи; такіе внутренніе психо-рефлекторные акты особенно часто встрѣчаются въ процессахъ припоминанія [1]).

Чрезвычайно часто психо-рефлекторные акты бываютъ составною частью «неполныхъ моихъ внутреннихъ актовъ». Слѣдовательно, среди этихъ послѣднихъ нужно различать три разновидности: «мой внутренній актъ» въ однихъ случаяхъ сочетается съ «моимъ внѣшнимъ актомъ», въ другихъ случаяхъ съ психо-рефлекторнымъ актомъ, а въ третьихъ случаяхъ съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Конечно, на практикѣ различать эти разно-

[1]) См. ниже, II. 1.

видности почти невозможно, потому что для этого нужна необычайно изощренная способность наблюдать за оттѣнками своихъ состояній.

3. Чувствованіе удовлетворенія.

Осуществленіе переживанія, антиципируемаго въ стремленіи, всегда сопровождается чувствованіемъ относительнаго удовольствія, удовлетворенія. Исключенія изъ этого правила бываютъ лишь кажущіяся. Если осуществленіе стремленія вызываетъ неудовольствіе, то это значитъ, что перемѣна оказалась противорѣчащею какому-либо другому, болѣе сильному стремленію. Человѣкъ, ловко подслушивающій чужой разговоръ, почти навѣрное не испытаетъ отъ этого удовольствія, если услышитъ въ разговорѣ дурные отзывы о себѣ. Точно такъ же и наоборотъ. Если мы идемъ навстрѣчу къ болѣе или менѣе интересующему насъ чековѣку и вдругъ окажется, что это не онъ, а ближайшій нашъ другъ, надолго уѣзжавшій отъ насъ, то мы навѣрное почувствуемъ не разочарованіе, а сильное удовольствіе. Впрочемъ, даже и въ этихъ случаяхъ нерѣдко можно бываетъ подмѣтить быструю смѣну зарождающагося неудовольствія удовольствіемъ и наоборотъ.

4. Виды волевыхъ актовъ.

Волевыми актами мы называемъ всѣ процессы, складывающіеся изъ «моихъ» стремленій, чувствованія «моей» активности и перемѣны (внутренней или внѣшней), сопровождающейся чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія. Свойства этихъ элементовъ, наиболѣе важныя для обоснованія волюнтаризма, мы уже разсмотрѣли: стремленія въ волевыхъ актахъ могутъ быть «моими» и вынужденными, опознанными и неопознанными, а перемѣны могутъ быть внутренними, неполными внутренними и внѣшними. На основаніи этихъ признаковъ можно насчитать двѣнадцать видовъ волевыхъ актовъ.

Среди неопознанныхъ актовъ можно различать двѣ разновидности: акты, въ которыхъ только стремленія неопознаны, и акты, въ которыхъ неопознано какъ стремленіе, такъ и перемѣна. Для насъ особенно важна первая модификація, и почти всегда мы имѣемъ въ виду ее, говоря о неопознанныхъ актахъ.

5. Составъ индивидуальнаго сознанія: волевые акты, «акты во мнѣ» и состоянія сознанія.

Съ точки зрѣнія даннаго опредѣленія волевыхъ актовъ всѣ явленія въ индивидуальномъ сознаніи могутъ быть распредѣлены въ слѣдующія три группы: волевые акты («мои» акты), акты во мнѣ и состоянія сознанія. Волевые акты и виды ихъ уже разсмотрѣны нами. Актами во мнѣ (поступками во мнѣ), какъ уже сказано выше, мы называемъ психическіе процессы, складывающіеся изъ «данныхъ во мнѣ» стремленій (стремленій во мнѣ) и перемѣнъ, слѣдующихъ за ними. По своему составу они во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ волевыми актами, за исключеніемъ лишь того, что исходнымъ пунктомъ ихъ служитъ стремленіе, окрашенное оттѣнкомъ данности. Акты во мнѣ, какъ и волевые, могутъ быть опознанными и неопознанными.

Наконецъ, *состояніями* сознанія мы называемъ такія явленія, которымъ не предшествуютъ въ индивидуальномъ сознаніи никакія стремленія, ни «мои», ни «данныя во мнѣ». Сюда относятся, напримѣръ, всѣ ощущенія высшихъ чувствъ: разсматривая какую-нибудь черную поверхность, мы ощущаемъ ея цвѣтъ, какъ пассивно данное состояніе, не заключающее въ себѣ никакихъ стремленій; само собою разумѣется, поскольку это состояніе становится предметомъ вниманія и измѣняется отъ этого, въ немъ тоже есть стремленія, оно тоже есть актъ, но основной «данный» матеріалъ въ этомъ процессѣ ни въ какомъ смыслѣ не подходитъ подъ понятіе акта.

Интересное промежуточное положеніе между актами во мнѣ и состояніями сознанія занимаютъ нѣкоторыя органическія ощущенія, въ родѣ жажды, усталости, ломоты въ костяхъ: въ нихъ смутно чувствуется что-то напоминающее стремленія и въ этомъ состоитъ главное отличіе ихъ отъ ощущеній органовъ высшихъ чувствъ.

II. Волюнтаризмъ.

1. Волевой характеръ всѣхъ «моихъ» процессовъ сознанія.

Мы намѣтили три группы процессовъ въ индивидуальномъ сознаніи: волевые акты, акты во мнѣ и состоянія сознанія. Если волюнтаризмъ правъ, утверждая, что всѣ явленія душевной жизни, относимыя индивидуальнымъ сознаніемъ на основаніи непосредственнаго чувства къ я, протекаютъ по образцу волевыхъ актовъ, то это значитъ, что всѣ «мои» процессы сознанія суть не состоянія, а волевые акты, т.-е. заключаютъ въ себѣ «мое» стремленіе, чувствованіе активности и перемѣну, связанную съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія, и, наоборотъ, все то, что мы отнесли въ рубрику состояній сознанія (процессы, не связанные органически со стремленіями), всегда чувствуется, какъ «данное мнѣ». Намъ предстоитъ, слѣдовательно, установить чрезвычайно широкое обобщеніе. До сихъ поръ мы лишь описывали составъ нѣкоторыхъ «моихъ» процессовъ сознанія и для анализа выбирали по возможности типичныя формы, поэтому наше описаніе, можетъ быть, не вызывало возраженій. Однако теперь, лишь только мы обобщаемъ свой анализъ и говоримъ, что поскольку непосредственное чувство заставляетъ насъ включить въ свое описаніе душевнаго процесса слова «мое состояніе», мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, заключающимъ въ себѣ стремленія и чувствованіе активности, это утвержденіе навѣрное вызоветъ рядъ сомнѣній. Наше доказательство этого обобщенія будетъ состоять главнымъ образомъ въ устраненіи такихъ возможныхъ сомнѣній.

Прежде всего могутъ замѣтить, что всѣ процессы въ индивидуальномъ сознаніи безъ исключенія чувствуются, какъ «мои». Мы уже говорили объ этомъ выше, и тогда же указали на то, что все же между различными состояніями сознанія существуютъ огромныя различія въ отношеніи градаціи этого чувствованія: одни процессы сознанія, *наиболѣе* окрашенные имъ, кажутся *цѣликомъ* «моими», другіе процессы, *наименѣе* окрашенные имъ, кажутся моими лишь постольку, *поскольку мое вниманіе напра-*

влено на нихъ, а въ остальныхъ отношеніяхъ, въ особенности со стороны содержанія, цѣликомъ кажутся данными мнѣ. Итакъ, вниманіе есть самое общее изъ тѣхъ условій, благодаря которымъ переживанія кажутся моими. Слѣдовательно, если мы хотимъ установить основное положеніе волюнтаризма, мы должны прежде всего доказать, что перемѣщенія фокуса вниманія и перемѣны, возникающія вслѣдствіе этого, подходятъ подъ наше понятіе волевого акта. Послѣ изслѣдованій Вундта эта задача не представляетъ затрудненій.

Во всякій данный моментъ наше сознаніе складывается изъ массы разнородныхъ состояній, совокупность которыхъ принято называть *полемъ сознанія*. Въ этомъ полѣ одна какая-либо болѣе или менѣе обширная группа занимаетъ обширное положеніе въ томъ смыслѣ, что она сознается наиболѣе ясно и отчетливо, она составляетъ *фиксаціонную точку* сознанія; на ней сосредоточено вниманіе, или, говоря языкомъ Вундта, ее мы *апперципируемъ*, а прочія состоянія только *перципируемъ*. Апперципированіе какого-либо состоянія, т.-е. переходъ его съ периферіи поля сознанія въ фиксаціонную точку, есть, безъ сомнѣнія, одна изъ важнѣйшихъ внутреннихъ перемѣнъ: то состояніе сознанія, на которомъ преимущественно сосредоточивается вниманіе, оттѣсняетъ всѣ другія состоянія, становится наиболѣе яснымъ и пріобрѣтаетъ господствующее положеніе въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшее теченіе сознательной жизни, напр. припоминаніе, мышленіе, картины воображенія, внѣшніе волевые акты, соотвѣтствуютъ апперципированному состоянію.

Анализируемъ сначала наиболѣе сложный видъ апперцепціи, тотъ, который у Вундта носитъ названіе активной апперцепціи. Предположимъ, что мы заняты обдумываніемъ вопроса объ апперцепціи, припоминаемъ теорію Вундта, между прочимъ вспомнили терминологію его на русскомъ языкѣ и хотимъ возстановить въ своей памяти нѣмецкую терминологію; на самой периферіи нашего сознанія уже явились термины Blickpunkt и Blickfeld, но въ такой неясной формѣ, что мы не могли бы ихъ записать и произнести; въ этотъ моментъ въ полѣ нашего сознанія неожиданно является новый элементъ: мы перципируемъ едва доносящіеся до насъ звуки игры на скрипкѣ; дальнѣйшее теченіе нашей сознательной жизни прямо зависитъ отъ того,

что̀ мы апперципируемъ, если мелодію, то нѣмецкіе термины опять забудутся и, можетъ быть, надолго; если мы очень заняты работою и стараемся не отвлекаться отъ нея, но любимъ также музыку, то легко можетъ случиться слѣдующее: сначала мы необдуманно отвлечемся въ сторону мелодіи, нѣмецкіе термины станутъ потухать въ сознаніи, но мы, замѣтивъ это, тотчасъ спохватимся и, сдѣлавъ какое-то усиліе, отвлечемся отъ мелодіи, сосредоточимся на прежнемъ токѣ идей, мелодія потухнетъ въ сознаніи, можетъ быть, совсѣмъ, нѣмецкіе термины ясно всплывутъ, и мы запишемъ ихъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія. Безъ сомнѣнія, въ этомъ процессѣ есть всѣ элементы волевого акта: перемѣнѣ предшествовали цѣлыхъ два представленія, которыя можно назвать стремленіями: они связаны съ тѣмъ своеобразнымъ безпокойнымъ чувствомъ, наличность котораго даетъ намъ основаніе называть ихъ такъ (стремленіе окончательно припомнить термины, стремленіе прослѣдить мелодію). Перемѣна сопровождается чувствованіемъ активности и наступаетъ съ чувствованіемъ удовлетворенія. Такая перемѣна заключаетъ въ себѣ элементы цѣлестремительнаго акта, именно относится къ числу неполныхъ внутреннихъ опознанныхъ актовъ. Это актъ неполный внутренній, потому что перемѣна, слѣдующая за усиліемъ, заключаетъ въ себѣ много «данныхъ» элементовъ, повидимому, составляющихъ болѣе или менѣе отдаленное слѣдствіе усилія, а не прямой результатъ его.

Гораздо чаще встрѣчаются въ сознаніи болѣе простыя смѣны фокуса вниманія, неудачно названныя Вундтомъ пассивною апперцепціею. Если мы не особенно увлекаемся работою и плохо владѣемъ собою, стоитъ только явиться любимой мелодіи, хотя бы на самой периферіи поля сознанія, и мы тотчасъ безъ колебаній, станемъ усиливаться разслушать ее, а нѣмецкіе термины при этомъ совсѣмъ потухнутъ въ сознаніи. Стремленіе разслушать, чувствованіе активности и, наконецъ, перемѣна, наступающая съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія, всѣ эти элементы несомнѣнно присутствуютъ въ такъ называемой пассивной апперцепціи; она также есть цѣлестремительный актъ, и описанный случай ея относится къ числу неопознанныхъ неполныхъ внутреннихъ актовъ.

Наконецъ, и все остальное содержаніе сознанія, находящееся

на периферіи, тоже не лишено участія вниманія. Можно найти безчисленное количество переходныхъ ступеней, связывающихъ перципированіе съ апперципированіемъ, такъ что рѣзкой границы между этими процессами вовсе не существуетъ: они различаются лишь количественно, по степени опознанности и степени интереса, возбуждаемаго переживаемымъ состояніемъ. Послѣдній признакъ особенно важенъ: въ самомъ дѣлѣ, не только апперцепція, но и перцепція совершается лишь въ отношеніи явленій, болѣе или менѣе интересующихъ насъ: то, что ни въ какомъ отношеніи не интересно, вовсе не попадаетъ въ сферу сознанія. Поэтому и явленія на периферіи сознанія не кажутся намъ абсолютно данными; даже и они, хотя и въ очень слабой иногда степени, сознаются, какъ мои, поскольку я созерцаю ихъ, поскольку мое вниманіе направлено на нихъ.

Безъ сомнѣнія, вниманіе есть одинъ изъ самыхъ важныхъ внутреннихъ актовъ. Однако даже и въ самой высшей формѣ, въ формѣ апперципированія, переводящаго содержанія сознанія съ периферіи въ фиксаціонную точку, оно производитъ по существу лишь незначительную перемѣну, именно увеличиваетъ лишь ясность и отчетливость состоянія сознанія, но не создаетъ его. Иными словами, въ актѣ апперцепціи мы сознаемъ себя дѣятельными, но ясно чувствуемъ, что не все создано нами, что основной матеріалъ возникшаго явленія данъ намъ, и мы играемъ лишь роль зрителя, дѣятельно разсматривающаго, но не творящаго свой объектъ.

Только въ томъ случаѣ, если мы анализируемъ такимъ образомъ психическія явленія и различаемъ въ нихъ данные и мои элементы, мнимыя противорѣчія тезису волюнтаризма могутъ быть устранены съ успѣхомъ. При этомъ оказывается, что *одно и то же* психическое явленіе, *поскольку* оно чувствуется, какъ мое, *заключаетъ* въ себѣ элементы волевого акта, а *поскольку* оно чувствуется, какъ данное, вовсе *не подходитъ*, да и не должно, съ точки зрѣнія волюнтаризма, подходить подъ понятіе волевого акта.

Если явленіе, входящее въ составъ моего индивидуальнаго сознанія, чувствуется, какъ мое, только постольку, поскольку мое вниманіе направлено на него, то оно заключаетъ въ себѣ *минимальное* количество элементовъ активности. Если явленіе все цѣли-

комъ чувствуется, какъ мое, и со стороны содержанія, и со стороны формы, и какъ объектъ вниманія, то оно заключаетъ въ себѣ *максимальное* количество элементовъ активности, оно все цѣликомъ подходитъ подъ понятіе моего волевого акта. Большинство явленій, входящихъ въ составъ индивидуальнаго сознанія, располагается между этими двумя крайними ступенями, соединяя ихъ безчисленнымъ множествомъ переходныхъ формъ. Какъ и процессы вниманія, эти переходныя формы вызываютъ много опасныхъ для волюнтаризма недоумѣній, потому что въ нихъ мои элементы перемѣшиваются съ данными. Мы разсмотримъ съ этой точки зрѣнія продукты всѣхъ главныхъ психическихъ дѣятельностей въ восходящемъ порядкѣ, т.-е. начиная съ продуктовъ, заключающихъ въ себѣ въ общемъ наименьшее количество моихъ элементовъ, именно начиная съ воспріятій.

Всякое воспріятіе состоитъ изъ 1. нѣсколькихъ, обыкновенно, очень многихъ (наличныхъ и вспоминаемыхъ) ощущеній, 2. объединенныхъ извѣстнымъ образомъ, 3. опознанныхъ (напр., ощущеніе зеленаго цвѣта не только переживается, но и признается за зеленый цвѣтъ) и 4. связанныхъ съ испытываніемъ транссубъективности (наличности не-я) и субстанціальности (сознаніе присутствія вещи, какъ носителя свойствъ, событій и т. п.). Каждый изъ этихъ элементовъ мы разсмотримъ отдѣльно.

Всѣ ощущенія въ воспріятіи чувствуются, какъ данныя намъ, а не произведенныя нами. Правда, для того, чтобы ощущеніе перешло въ фиксаціонную точку сознанія, нужно бываетъ сосредоточить на немъ вниманіе, иногда повернуть голову и глаза, наконецъ, для цѣлей воспріятія нужно опознать его. Однако, вниманіе придаетъ лишь большую отчетливость ощущенію, но не кажется причиною возникновенія самого ощущенія; импульсъ для поворота головы и глазъ есть, можетъ быть, причина этого движенія, но не зрительныхъ ощущеній; наконецъ, опознаніе ощущенія навѣрное требуетъ значительной активности во многихъ случаяхъ, напр., усиленнаго припоминанія другихъ ощущеній, сопоставленія новаго со старымъ и т. п., однако всѣ эти акты имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда ощущеніе уже есть, слѣдовательно, не они производятъ его, хотя, безъ сомнѣнія, они придаютъ ему новый оттѣнокъ. Всѣ ощущенія не только органовъ высшихъ чувствъ, но и органическія, голода, жажды,

усталости и т. п., отличаются этимъ характеромъ данности; активные элементы, встрѣчающіеся въ нихъ, лишь сопутствуютъ имъ, сообщаютъ имъ новые оттѣнки, но не составляютъ ихъ основы.

Гораздо больше чувствуемъ мы себя активными при объединеніи элементовъ воспріятія въ единое цѣлое. Если мы любуемся лѣснымъ пейзажемъ, пятнами солнечнаго свѣта на стволахъ березъ, сочетаніями свѣтлой зелени листвы съ темною зеленью хвои, темными углубленіями въ чащѣ деревьевъ, намъ нужно сочетать всѣ эти элементы въ сложное единство, *части* котораго даны (напр., *единство* какого-либо *отдѣльнаго* солнечнаго блика), но цѣлое вовсе не дано. Вообще, если мы воспринимаемъ какую-либо простую хорошо знакомую вещь, напр., лампу на своемъ столѣ, то единство ощущенія кажется даннымъ, если же вещь сложна и мало намъ знакома, напр., если мы впервые воспринимаемъ Страсбургскій соборъ, мы осматриваемъ башни, колонны, арки, фрески, и чтобы сдѣлать эстетическую оцѣнку цѣлаго, объединяемъ эти части въ одну общую картину, затрачивая на это большой трудъ и во всякомъ случаѣ сознавая, что это цѣлое не само входитъ въ наше сознаніе, а отчасти строится нами подъ руководствомъ стремленій охватить цѣлое и объединить его. Это построеніе заключаетъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта и, обыкновенно, имѣетъ характеръ неопознаннаго неполнаго внутренняго акта. Безъ сомнѣнія, въ этомъ отношеніи существуютъ огромныя различія между разными людьми и въ отношеніи къ разнымъ вещамъ: одни способны воспринимать очень сложныя вещи, почти не затрачивая силъ на синтезъ, другіе наоборотъ; одни легче схватываютъ сложныя группы звуковъ, другіе сложныя сочетанія красокъ, третьи сложныя сочетанія пространственныхъ формъ. Даже у одного и того же человѣка активность въ процессахъ воспріятія подвержена сильнымъ колебаніямъ. Въ случаѣ усталости, подавленнаго состоянія или смущенія приходится даже, воспринимая такую несложную вещь, какъ человѣческое лицо, строить ее.

Все сказанное о построеніи воспріятія относится и къ опознанію его элементовъ. Если мы имѣемъ дѣло съ простымъ или хорошо знакомымъ объектомъ, то онъ вмѣстѣ со своими элементами кажется даннымъ уже въ опознанномъ видѣ (напр.,

никакихъ особенныхъ усилій для опознанія зеленаго цвѣта листвы мы не замѣчаемъ въ себѣ). Наоборотъ, если объектъ заключаетъ въ себѣ много новаго или если мы утомлены, опознаніе требуетъ иногда значительнаго труда и предшествуется стремленіями узнать, опредѣлить, вспомнить, анализировать и т. п. Обыкновенно, эти акты относятся къ числу неопознанныхъ неполныхъ внутреннихъ актовъ.

Наконецъ, послѣдній элементъ воспріятія живое испытываніе транссубъективности и субстанціальности (напр., деревьевъ) подобно ощущеніямъ, никоимъ образомъ не сознается, какъ произведенное нами; характернѣйшая черта этихъ испытываній въ томъ и состоитъ, что мы сознаемъ присутствіе чего-то (не качества, а носителя качествъ) чуждаго намъ, навязывающагося нашему я извнѣ. Конечно, поскольку мы обращаемъ вниманіе на эти испытыванія, они *въ этомъ отношеніи* также сознаются, какъ мои, и *въ этомъ отношеніи* подходятъ подъ понятіе волевого акта.

Нашъ анализъ долженъ устранить всевозможныя мнимыя возраженія, возникающія вслѣдствіе того, что данные и мои элементы вездѣ тѣсно переплетаются въ воспріятіи. Однако одно изъ такихъ возраженій мы все же разберемъ здѣсь спеціально. Намъ могутъ замѣтить, что воспріятіе нѣкоторыхъ интенсивныхъ, а также внутреннихъ органическихъ раздраженій, въ родѣ грохота пушечнаго выстрѣла, боли отъ раны, зубной боли и т. п., возникаютъ у насъ, казалось бы, безъ всякой нашей активности, даже безъ напряженія вниманія, а между тѣмъ чувствуются, какъ мои, и находятся въ фиксаціонной точкѣ сознанія; слѣдовательно, они составляютъ отрицательную инстанцію противъ нашего обобщенія: это мои состоянія сознанія, повидимому, не подходящія подъ понятіе волевого акта ни въ какомъ отношеніи. Однако даже и въ этихъ случаяхъ тезисъ волюнтаризма подтверждается анализомъ. Крайне интенсивныя и органическія раздраженія, обыкновенно, исходятъ отъ причины, такъ или иначе опасной или важной для насъ, и потому на основаніи приспособленія, выработаннаго продолжительною эволюціею, должны пробуждать одно изъ самыхъ мощныхъ стремленій, стремленіе къ самосохраненію. Слѣдовательно, у насъ должна быть общая тенденція легко и моментально сосредоточивать вни-

маніе прежде всего на такихъ раздраженіяхъ, такъ что даже и въ томъ случаѣ, если вниманіе раньше было поглощено другимъ объектомъ, мы тотчасъ же покидаемъ его. Какъ это часто бываетъ, психологическій тактъ человѣчества, выразившійся въ языкѣ, правильно утверждаетъ, что отъ этихъ раздраженій «трудно *отвлечь* вниманіе»: въ этихъ случаяхъ мы безъ борьбы слѣдуемъ за примитивнѣйшимъ, мощнымъ и почти всегда неопознаннымъ стремленіемъ. Если бы въ жизни не встрѣчалось ни одного примѣра, когда такія раздраженія не были бы восприняты вслѣдствіе отвлеченія вниманія въ сторону другимъ, слѣдовательно, болѣе сильнымъ стремленіемъ, это не значило бы, что они безъ помощи вниманія и стремленій, сами входятъ въ фиксаціонную точку нашего сознанія: это показывало бы только, что стремленіе къ самосохраненію и *примитивныя* вытекающія изъ него (производныя) стремленія суть самый мощный двигатель для насъ. Къ счастію, мы можемъ найти доказательство въ пользу волюнтаризма болѣе вѣское, чѣмъ это разсужденіе. Какъ ни мало развито человѣчество, все же нѣкоторые люди, хотя на время, подъ вліяніемъ различныхъ другихъ стремленій съ такою силою сосредоточиваютъ вниманіе на болѣе высокихъ сравнительно объектахъ, что примитивныя проявленія стремленія къ самосохраненію отступаютъ на задній планъ, и интенсивное или органическое раздраженіе остается невоспринятымъ. Всѣмъ извѣстны случаи, когда раненые люди въ пылу битвы или драки не замѣчали своихъ ранъ; увлекшись чѣмъ-либо интереснымъ, мы не ощущаемъ зубной боли, хотя разрушительные процессы въ зубахъ попрежнему продолжаются и т. п.

Исходя изъ анализа воспріятія, мы уже можемъ высказать слѣдующія важныя положенія относительно «моихъ» и «данныхъ» элементовъ сознанія.

1. *Всѣ чувственные элементы сознанія* (ощущенія) *относятся къ числу «данныхъ» состояній.*

2. *Нѣкоторые нечувственные элементы могутъ быть то моими, то данными* (напр., единства ощущеній), *другіе нечувственные элементы всегда бываютъ данными* (напр., сознаваніе транссубъективности); *третьи нечувственные элементы всегда бываютъ моими* (напр., тотъ оттѣнокъ состояній сознанія, который обусловливается сосредоточеніемъ вниманія на нихъ).

3. *Всѣ «мои» элементы сознанія относятся къ числу нечувственныхъ, иными словами, это явленія, въ воспріятіи которыхъ не участвуютъ органы чувствъ.*

Въ воспріятіи, какъ мы видѣли, подавляющее количество элементовъ «дано». Такимъ же характеромъ отличаются и процессы припоминанія, такъ какъ въ нихъ, обыкновенно, въ высокой степени активны лишь начало и нѣкоторые промежуточные пункты, а вслѣдъ за тѣмъ тянутся цѣлыя полосы воспоминаній, возникающихъ какъ бы непроизвольно и требующихъ лишь активности вниманія для апперципированія. Обыкновенно, процессы припоминанія объясняютъ законами ассоціаціи идей и вовсе не ставятъ ихъ въ связь со стремленіями, однако на дѣлѣ, если законъ ассоціаціи и управляетъ чѣмъ-либо, такъ это только «даннымъ» матеріаломъ припоминанія, а поскольку этотъ матеріалъ становится «моимъ», въ особенности, поскольку онъ переходитъ съ периферіи сознанія въ фиксаціонную точку, всегда можно бываетъ доказать присутствіе стремленій и чувствованія активности; иными словами, поскольку процессъ припоминанія чувствуется, какъ мой, постольку онъ тоже подходитъ подъ понятіе волевого акта. Для анализа мы воспользуемся опять уже описаннымъ процессомъ припоминанія терминовъ Blickpunkt и Blickfeld. Когда мы думаемъ о какой бы то ни было вещи, напр. о теоріи вниманія Вундта, на периферіи нашего сознанія толпятся въ большемъ или меньшемъ количествѣ болѣе или менѣе смутно ряды идей, связанныхъ по ассоціаціи съ апперципируемою идеею; однако появленіе этихъ идей на периферіи вовсе не сопровождается чувствованіемъ дѣятельности и не относится нами къ нашему я: онѣ возникаютъ у насъ такъ же, какъ психо-рефлекторные акты [1]); безъ предшествующаго моего акта (апперцепціи) эти идеи не появились бы на периферіи сознанія, однако я вовсе не считаю себя виновникомъ ихъ возникновенія; ихъ возникновеніе вовсе не есть мой волевой актъ. Гораздо опредѣленнѣе становится чувствованіе активности съ того момента, когда я апперципирую ту или другую изъ этихъ «данныхъ» въ смутной формѣ идей. При этомъ въ типичномъ актѣ припоминанія (а не построенія) быстро и отчетливо вступаетъ въ фиксаціонную

[1]) См. стр. 26 с.

точку сознанія нѣкоторое сложное цѣлое (напр. слово Blickfeld) и даже *синтезъ его частей* чувствуется, какъ «данный», совершенно такъ же, какъ въ простѣйшихъ воспріятіяхъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло, какъ мы уже рѣшили выше, говоря объ апперцепціи вообще, съ неполнымъ внутреннимъ актомъ.

Отсюда ясно, что если мы хотимъ наблюдать смѣну идей, наименѣе зависимую отъ нашихъ стремленій и управляемую однимъ лишь закономъ ассоціаціи (если такой законъ существуетъ), то мы должны, насколько возможно, подавить въ себѣ апперципирующую дѣятельность, отказаться отъ всякихъ опредѣленныхъ своихъ цѣлей и присматриваться къ игрѣ идей, которая возникнетъ вслѣдъ за этимъ. Точнѣе говоря, мы и въ этомъ случаѣ не отказываемся совсѣмъ отъ апперципированія, а ставимъ себѣ очень оригинальную цѣль—апперципировать (не особенно интенсивно) *все*, что всплываетъ въ полѣ сознанія. При этомъ искусственномъ условіи начинается безумная скачка идей, и только она даетъ настоящіе типичные случаи слѣпого чередованія идей по смежности. Такая же скачка можетъ явиться и въ другихъ случаяхъ ослабленія апперципирующей дѣятельности, напр., при усталости, душевной болѣзни. По мнѣнію Вундта, «у нормальнаго человѣка ассоціація въ формѣ ряда, т.-е. содержащая болѣе двухъ членовъ, встрѣчается очень рѣдко», и достигается легче всего описаннымъ искусственнымъ путемъ [1]).

Переходъ состояній сознанія съ периферіи въ фиксаціонную точку кажется намъ зависящимъ отъ нашихъ стремленій. Слѣдовательно, если опираться на непосредственное чувство, то нужно признать, что смѣна идей въ фиксаціонной точкѣ зависитъ отъ смѣны стремленій, а потому основной законъ теченія сознательной жизни будетъ найденъ тогда, когда удастся опредѣлить законъ смѣны стремленій. Этотъ вопросъ мы разсмотримъ подробно въ главѣ, посвященной критикѣ закона ассоціаціи идей.

До сихъ поръ мы говорили лишь объ активности вниманія въ процессахъ припоминанія; если бы они не заключали въ себѣ, кромѣ этого, никакихъ другихъ «моихъ» элементовъ, то они

---

[1]) Вундтъ. «Очеркъ психологіи», стр. 278.

должны были бы казаться еще болѣе пассивными, чѣмъ воспріятіе: весь процессъ припоминанія состоялъ бы въ томъ, что на периферіи сознанія психо-рефлекторно появлялись бы идеи, соотвѣтствующія апперципируемымъ идеямъ, а мы только сосредоточивали бы вниманіе то на той, то на другой изъ нихъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ; въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, если нужная для нашей дальнѣйшей дѣятельности идея не появляется на периферіи сознанія, можно замѣтить, что мы не просто сосредоточиваемъ вниманіе на апперципируемой идеѣ, связанной съ искомою по закону ассоціаціи, а роемся какъ бы въ сознаніи, подыскивая другія идеи, связанныя съ искомою (при этомъ мы руководимся непосредственнымъ чувствованіемъ приближенія къ цѣли или удаленія отъ нея), и вообще направляемъ вниманіе не столько на самыя эти идеи, слолько на ихъ *связи* съ искомою идеею, дѣлая при этомъ какія-то своеобразныя усилія. Такой процессъ припоминанія подходитъ подъ понятіе внѣшняго волевого акта.

Гораздо болѣе напряженною и непрерывною кажется активность я въ болѣе высокихъ дѣятельностяхъ, чѣмъ припоминаніе, напр. при построеніи картинъ воображенія, при размышленіи и сложной (не превратившейся въ автоматическую) практической дѣятельности, которая разлагается на дѣятельность воображенія, мышленія и сокращенія мышцъ (внѣшній волевой актъ). Всѣ эти процессы опираются на матеріалъ, доставляемый памятью; слѣдовательно, здѣсь требуется та же активность, что и въ процессахъ припоминанія, да кромѣ того всевозможныя сравненія, анализы, синтезы, большинство которыхъ относится нами къ нашему я, сопровождается стремленіями и чувствованіемъ активности. Напр., когда мы рисуемъ мысленно картину тропическаго лѣса, намъ сразу припоминаются, если у насъ живое воображеніе, деревья, задрапированныя ползучими растеніями, магноліи, бамбуки и т. п., и синтезы, заключающіеся въ этихъ представленіяхъ, въ большинствѣ случаевъ кажутся данными, но чтобы изъ нихъ получилась картина роскошнаго лѣса, намъ нужно изъ этихъ матеріаловъ *построить цѣлое*, и этотъ синтезъ, какъ намъ кажется, производимъ мы сами, согласно своему стремленію получить картину, подавляющую воображеніе, или удовлетворяющую эстетическому вкусу, или типичную для тро-

пиковъ. Впрочемъ, именно при особенно успѣшной творческой дѣятельности даже и эта обработка матеріала памяти отчасти происходитъ гдѣ-то за предѣлами я, такъ что нѣкоторые *новые* синтезы, анализы, сопоставленія оказываются «данными», и намъ остается лишь апперципировать ихъ. Различіе между талантливыми учеными или поэтами и обыкновенными смертными, быть можетъ, главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что у первыхъ соотвѣтственно ихъ апперцепціямъ, на периферіи сознанія сразу являются въ огромномъ количествѣ сложные матеріалы, такъ что имъ остается лишь строить изъ нихъ еще болѣе сложное цѣлое, а обыкновенному человѣку приходится тратить силы на припоминаніе еще и этихъ матеріаловъ.

Итакъ, во всѣхъ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ нами, мы всегда сознаемъ себя лишь, какъ часть причины психическихъ явленій, разыгрывающихся въ нашемъ сознаніи: они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сознаются, какъ «мои», и въ этихъ же отношеніяхъ подходятъ подъ понятіе волевого акта, такъ какъ содержатъ въ себѣ всѣ элементы его. Слѣдовательно, для устраненія недоразумѣній необходимъ лишь анализъ, обособляющій «мои» элементы отъ «данныхъ мнѣ».

Однако намъ могутъ возразить, что мы до сихъ поръ вовсе не принимаемъ въ расчетъ эмоцій и чувствъ, тогда какъ эта темная область психическихъ явленій заключаетъ въ себѣ, быть можетъ, много отрицательныхъ инстанцій противъ волюнтаризма. Въ отвѣтъ на это здѣсь мы скажемъ только, что анализъ «моихъ» и «данныхъ» элементовъ примѣнимъ и къ этимъ психическимъ явленіямъ, при чемъ всегда можно показать, что «мои» элементы стоятъ въ связи со стремленіями; напр., въ такой эмоціи, какъ гнѣвъ, чувствуется очень большое количество «моихъ» элементовъ, но наряду съ ними въ ней же живо чувствуется большое количество стремленій, слѣдовательно, воспользоваться ею, какъ отрицательною инстанціею противъ волюнтаризма, нельзя. Такъ какъ явныхъ опроверженій волюнтаризма эта плохо разработанная область психологіи не даетъ, то мы считаемъ себя въ правѣ оставить теперь этотъ вопросъ и разсмотрѣть его значительно позже въ спеціальной главѣ.

Наконецъ, мы должны устранить еще одно возможное недоразумѣніе. Такъ какъ волевой актъ состоитъ изъ ряда элемен-

товъ, которые относительно самостоятельны или, по крайней мѣрѣ, путемъ анализа могутъ быть обособлены мысленно, то легко является соблазнъ взять отдѣльно одинъ изъ элементовъ волевого акта и представить его въ качествѣ примѣра психическаго явленія, сознаваемаго какъ «мое» и тѣмъ не менѣе вовсе не заключающаго въ себѣ всѣхъ составныхъ частей волевого акта. Особенно легко могутъ подать поводъ къ такому недоразумѣнію начальный и конечный пунктъ волевого акта, стремленіе и чувствованія удовлетворенія или неудовлетворенія.

Мы нарочно избѣгаемъ терминовъ удовольствіе и неудовольствіе, потому что ими обозначаются чрезвычайно разнообразныя психическія состоянія, и говоримъ о чувствованіи удовлетворенія и неудовлетворенія, чтобы отмѣтить лишь тотъ пріятный или непріятный оттѣнокъ соотвѣтствія или противорѣчія нашимъ стремленіямъ, который окрашиваетъ всѣ «мои» перемѣны въ нашемъ сознаніи и настолько простъ, что подвергнуть его дальнѣйшему анализу нельзя. Само собою разумѣется, этотъ оттѣнокъ не есть волевой актъ, но онъ необходимая составная часть волевого акта. Очень часто въ сознаніи являются психическія состоянія, похожія на это чувствованіе, но болѣе сложныя и сопровождающіяся болѣе или менѣе явственно выраженными измѣненіями въ дѣятельности сердца, дыханіи и состояніи кровеносныхъ сосудовъ [1]). Объ этихъ состояніяхъ дѣйствительно можно сказать, что они составляютъ самостоятельное цѣлое. Въ главѣ объ эмоціяхъ мы покажемъ, что эти состоянія сложны, что они относятся къ числу эмоцій и, какъ всѣ эмоціи, отчасти состоятъ изъ «данныхъ», отчасти изъ «моихъ» элементовъ.

Наконецъ, что касается стремленій, мы дѣйствительно соглашаемся, что неосуществленное стремленіе или система ихъ можетъ сознаваться, какъ мое состояніе сознанія, и тѣмъ не менѣе вовсе не заключаетъ въ себѣ всѣхъ элементовъ волевого акта. Однако этого и слѣдовало ожидать: весьма возможно, что именно «мои» стремленія, поскольку они окрашены чувствованіемъ принадлежностя мнѣ, придаютъ эту окраску и всѣмъ слѣдующимъ за ними перемѣнамъ, такъ что неосуществленное стремленіе есть единственный примѣръ психическаго состоянія, которое не

---

[1]) См. Lehmann, Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens.

заключаетъ въ себѣ всѣхъ элементовъ волевого акта и тѣмъ не менѣе можетъ сознаваться, какъ «мое» состояніе сознанія: это не волевой актъ, а начало волевого акта.

Впрочемъ, типичныхъ примѣровъ такихъ неосуществленныхъ стремленій вовсе нельзя найти. Какъ мы уже говорили выше, въ душевной жизни не бываетъ одиночныхъ мимолетныхъ стремленій, стоящихъ особнякомъ отъ другихъ душевныхъ процессовъ. Всякое стремленіе или непосредственно, или какъ членъ цѣлаго ряда стремленій, относящихся другъ къ другу, какъ средства къ цѣлямъ, заканчивается волевымъ актомъ. Слѣдовательно, было бы несправедливо выхватить изъ такого органическаго цѣлаго одно какое-либо стремленіе и, разсматривая его отдѣльно, приводить его какъ примѣръ психическаго состоянія, не заключающаго въ себѣ всѣхъ элементовъ волевого акта и тѣмъ не менѣе сознаваемаго, какъ «мое» состояніе. Поэтому наше предположеніе относительно исключительнаго положенія неосуществленныхъ стремленій нужно формулировать слѣдующимъ образомъ: хотя всякое стремленіе прямо или косвенно приводитъ къ волевому акту, однако нѣкоторыя стремленія, особенно относящіяся къ числу конечныхъ цѣлей [1]), осуществляются не вполнѣ, и тѣмъ не менѣе цѣликомъ чувствуются, какъ мои, и это-то именно обстоятельство наводитъ на мысль, что стремленія занимаютъ въ душевной жизни исключительное положеніе, что они, даже и вовсе не осуществившись, могутъ сознаваться, какъ мои, и что, можетъ быть, именно «мои» стремленія разливаютъ эту окраску на другія психическія состоянія.

Надобно замѣтить еще, что существуетъ цѣлый классъ стремленій, чувствуемыхъ нерѣдко, какъ вполнѣ самостоятельное цѣлое, какъ относительно законченный, обособленный отъ другихъ психическихъ явленій процессъ: таковы многія опознанныя стремленія. И на самомъ дѣлѣ съ точки зрѣнія волюнтаризма они имѣютъ право на такое положеніе, потому что стремленіе, *поскольку оно опознано*, заключаетъ въ себѣ нерѣдко полный волевой актъ: опознаніе стремленія есть одно изъ вспомогательныхъ *средствъ* для осуществленія стремленія, и совершается очень часто по типу неопознанныхъ волевыхъ актовъ.

---

[1]) См. стр. 18.

Кромѣ того, бываютъ еще психическія состоянія, на первый взглядъ относящіяся къ числу стремленій, а на самомъ дѣлѣ принадлежащія къ разряду эмоцій и заключающія въ себѣ, какъ всѣ эмоціи, зачастую множество внутреннихъ и внѣшнихъ волевыхъ актовъ; таково, напр., состояніе человѣка, слишкомъ поздно пріѣхавшаго на вокзалъ и торопливо, взволнованно бѣгущаго по платформѣ къ поѣзду. Объ этихъ состояніяхъ мы будемъ говорить въ главѣ объ эмоціяхъ.

Мы разсмотрѣли различныя возраженія, основанныя на недоразумѣніяхъ, и указали способъ для устраненія другихъ подобныхъ возраженій, именно обособленіе «моихъ» и «данныхъ» элементовъ въ каждомъ психическомъ состояніи. Опираясь на такой анализъ, мы можемъ, безъ опасенія встрѣтить опровергающіе факты, признать установленными на основаніи метода единственнаго совпаденія слѣдующія обобщенія.

1. *Всякое психическое состояніе, поскольку оно чувствуется, какъ мое, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта, мое стремленіе, чувствованіе моей активности и перемѣну, связанную съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія; такое состояніе кажется мнѣ произведеннымъ мною.*

2. *Только стремленія могутъ сознаваться, какъ мои, даже и въ томъ случаѣ, когда они не сопровождаются остальными элементами волевого акта.*

2. Основное положеніе и окончательное опредѣленіе волюнтаризма.

Если исходнымъ пунктомъ «моего» психическаго процесса необходимо служитъ «мое» стремленіе, то мы имѣемъ право утверждать, что «мое» стремленіе есть причина (вѣрнѣе, конечно, часть причины) такого процесса. Поэтому мы можемъ выразить первое изъ установленныхъ обобщеній въ слѣдующей формѣ: *всѣ сознательные процессы, поскольку мы относимъ ихъ на основаніи непосредственнаго чувства къ своему я, заключаютъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта и* **причиняются** *«моими» стремленіями.* Мы можемъ теперь также *опредѣлить волюнтаризмъ, какъ направленіе въ психологіи, исходящее изъ этого обобщенія.*

Итакъ, чувствованіе активности, внушающее намъ мысль, что сознаніе вовсе не есть нѣчто пассивное, что оно можетъ быть источникомъ новыхъ перемѣнъ въ мірѣ, не обманывало насъ: тѣ причинныя связи, которыя мы описывали, какъ кажущіяся, оказываются дѣйствительно существующими; боясь довѣриться непосредственному чувству, мы установили ихъ при помощи обыкновеннаго индуктивнаго метода единственнаго совпаденія. Однако теперь мы можемъ опять придать больше цѣны непосредственному чувству и имѣемъ право заявить, что согласіе результатовъ индукціи съ непосредственнымъ чувствомъ въ высшей степени свидѣтельствуетъ въ пользу волюнтаризма. Въ самомъ дѣлѣ, всякое эмпирическое знаніе прямо или косвенно опирается на данныя внѣшняго или внутренняго воспріятія; волюнтаризмъ можетъ прямо опираться на этотъ основной источникъ эмпирическаго знанія, и въ этомъ состоитъ одно изъ важныхъ преимуществъ его передъ другими направленіями.

Однако оба метода для обоснованія волюнтаризма, какъ методы, не застрахованы отъ возраженій. Противъ индуктивнаго обобщенія по методу единственнаго совпаденія можно возразить, что имъ доказано только сосуществованіе двухъ явленій, а не причинная связь ихъ: быть можетъ, это сосуществованіе обусловливается какимъ-либо третьимъ явленіемъ, причиняющимъ и стремленіе и перемѣну, слѣдующую за нимъ. Такъ какъ въ сферѣ психическихъ процессовъ такого третьяго явленія нельзя найти, то, очевидно, это возраженіе можетъ возникнуть лишь въ психологіи, предполагающей, что психическія явленія могутъ причиняться и даже всегда причиняются не другими психическими явленіями, а какимъ-либо бытіемъ иного рода. Такимъ бытіемъ иного рода можетъ быть только бытіе матеріальное или какая-то неизвѣстная и непознаваемая сущность (агностическая точка зрѣнія). Слѣдовательно, указанное возраженіе можетъ возникнуть или въ матеріалистической психологіи, или въ психологіи агностицизма. Такъ какъ психологія агностицизма вообще должна отказаться отъ познанія причинныхъ связей и принуждена ограничиваться изученіемъ необходимыхъ сосуществованій, то волюнтаризмъ не разрушается ею: она не замѣняетъ его законовъ другими. Иначе поступаетъ матеріалистическая психологія: она не только утверждаетъ, что связи между явленіями, указанныя

волюнтаризмомъ, не имѣютъ причиннаго характера, но еще и указываетъ причины этихъ явленій, низводящія сознаніе на степень призрачнаго бытія, вполнѣ подчиненнаго законамъ механики или вообще матеріальнаго міра. Слѣдовательно, для окончательнаго обоснованія волюнтаризма вслѣдъ за индуктивнымъ изслѣдованіемъ нужно еще побороть матеріализмъ. Дальше, разсматривая логически возможныя ученія о волѣ, мы постараемся обстоятельнѣе показать, что это единственный опасный противникъ.

Второй источникъ обоснованія волюнтаризма, непосредственное чувствованіе активности и связи между психическими процессами, также не можетъ считаться абсолютно застрахованнымъ отъ ошибокъ. Въ самомъ дѣлѣ, опираясь на воспріятія, человѣчество, напр., думало до Коперника, что солнце вращается вокругъ земли. Однако, безъ сомнѣнія, onus probandi лежитъ на сторонѣ тѣхъ, кто признаетъ то или другое воспріятіе иллюзіею: пока астрономія не представила убѣдительныхъ доводовъ въ пользу теоріи, противорѣчащей этому воспріятію, естественно и необходимо было опираться на него. Въ такомъ же положеніи находится и волюнтаризмъ. Если въ психологіи есть теоріи, отвергающія причинную дѣятельность сознанія и объясняющія, какимъ образомъ, несмотря на это, въ связи съ стремленіями возможна иллюзія активности, то сторонники волюнтаризма обязаны выйти изъ состоянія покоя и разсмотрѣть доводы противниковъ; но если окажется, что доводы ихъ не выдерживаютъ критики, то этого даже и безъ помощи индуктивнаго изслѣдованія уже достаточно, чтобы вернуться опять къ свидѣтельству непосредственнаго чувства.

Итакъ, если мы разсмотримъ матеріалистическое ученіе о душевной жизни, утверждающее полную пассивность сознанія, и покажемъ, что оно не выдерживаетъ критики, и что другія направленія въ психологіи примиримы съ волюнтаризмомъ, мы получимъ право считать это направленіе достаточно обоснованнымъ. Матеріализмъ мы разсмотримъ позже, а теперь займемся изученіемъ чувствованія активности съ психологической точки зрѣнія, въ особенности опроверженіемъ противорѣчащаго волюнтаризму ученія о томъ, что чувствованіе активности есть моторное ощущеніе.

3. Чувствованіе активности.

Мы уже говорили, что чувствованіе активности можетъ быть «моимъ» или «даннымъ мнѣ». Если на поверхность нашей руки, лежащей на столѣ, давитъ гиря, мы сознаемъ присутствіе какой-то активности, но приписываемъ ее не себѣ, а гирѣ. Когда мы испытываемъ одну изъ тѣхъ болей, которыя мы называемъ колющими, сверлящими и т. п., мы, поскольку называемъ эти боли такими именами, указываемъ на то, что сознаемъ, можетъ быть, по ассоціаціи идей, присутствіе какой-то активности, но приписываемъ ее опять-таки не себѣ, а чему-то постороннему, что какъ бы колетъ, сверлитъ и т. п. Когда мы сами производимъ давленіе на какую-нибудь вещь или вообще совершаемъ произвольное мускульное движеніе, у насъ является психическое состояніе, похожее по качеству на только-что указанныя, но съ тою разницею, что его мы относимъ къ себѣ: въ этихъ случаяхъ не «что-то дѣйствуетъ», а «я дѣйствую». Какъ мы уже видѣли раньше, это простое, неразложимое чувствованіе сопутствуетъ не только произвольнымъ движеніямъ, но и всѣмъ явленіямъ сознанія, относимымъ нами къ нашему я. Объ этомъ чувствованіи мы и будемъ говорить, но раньше займемся чувствованіемъ внѣшней активности, чтобы показать, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть источникомъ знанія о внутренней активности, и, если ужъ выводить одно изъ другого, то скорѣе изъ знанія о внутренней активности можно выводить знаніе о внѣшней активности.

Чѣмъ интенсивнѣе давленіе или боль, тѣмъ болѣе интенсивною намъ кажется эта внѣ насъ существующая активность, однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что чувствованіе активности есть сознаваніе интенсивности ощущенія. Во-первыхъ, нѣкоторыя ощущенія, напр., ощущеніе тепла, свѣта, вовсе не сопровождаются такимъ живымъ наростаніемъ чувствованія активности, какое мы замѣчаемъ при возрастаніи давленія или нѣкоторыхъ болей, и, наконецъ, во-вторыхъ, мы живо сознаемъ въ приведенныхъ случаяхъ, что боль, давленіе и сознаваемая нами активность того, что производитъ эту боль или давленіе различны. Если такъ, то для объясненія чувствованія внѣшней активности можно себѣ представить лишь слѣдующіе три пути: или непосредственное

сознаваніе внѣшней активности (интуиція), или воспріятіе ея съ помощью особаго органа чувствъ, вродѣ того, какъ мы воспринимаемъ звукъ, свѣтъ, или же, наконецъ, воспріятіе активности во внутренней жизни я, перенесенное по ассоціаціи идей на внѣшній міръ.

Всякій, кто высказываетъ первую гипотезу, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не только во внѣшнемъ мірѣ существуетъ активность и непосредственно сознается нами, но и наше я проявляетъ активность и непосредственно сознаетъ ее въ себѣ. Вторую гипотезу никто серьезно не станетъ защищать, и потому отрицаніе непосредственнаго воспріятія внѣшней активности роковымъ образомъ приводитъ къ третьему утвержденію, что матеріалъ для этой идеи, все равно, истинная ли она или ложная, данъ не иначе, какъ въ воспріятіи внутренней жизни я и затѣмъ уже переносится на внѣшній міръ. И въ самомъ дѣлѣ, эта послѣдняя гипотеза наиболѣе распространена: она раздѣляется всѣми, кто говоритъ, что, надѣляя природу силами, хотя бы и безсознательными, мы антропоморфируемъ ее.

Итакъ, чувствованіе внутренней активности, чувствованіе активности я не можетъ быть выведено изъ чувствованія внѣшней активности. Теперь однако является вопросъ, принадлежитъ ли чувствованіе активности къ психическимъ состояніямъ центральнаго происхожденія или же оно есть органическое или близкое къ органическимъ ощущеніе (конечно, эта гипотеза по существу утверждаетъ, что у насъ есть органъ для воспріятія активности, однако лишь внутренней).

Среди психологовъ, склонныхъ къ психо-физіологическому направленію, существуетъ тенденція принимать чувствованіе активности за ощущеніе, именно, считать его составною частью моторныхъ ощущеній. Такъ какъ эта теорія прямо противорѣчитъ волюнтаризму, то мы подробно разсмотримъ ее, сначала въ изложеніи Мюнстерберга [1]), у котораго она перекрещивается съ дру-

[1]) Мы изучаемъ здѣсь взгляды Мюнстерберга, выраженные въ сочиненіи Die Willenshandlung. Въ новомъ сочиненія Grundzüge der Psyhologie онъ по прежнему утверждаетъ, что для психологіи (*однако не для нормативныхъ наукъ*) воля есть лишь комплексъ ощущеній, но каждое ощущеніе есть результатъ сенсорно-*моторнаго центральнаго* процесса и элементъ цѣнности ощущенія онъ относитъ за счетъ моторнаго централь-

гою мыслью, также требующею критики. Въ своемъ сочиненіи Die Willenshandlung Мюнстербергъ (на стр. 62) рѣшительно заявляетъ, будто современная психологія признаетъ, что всѣ психическія состоянія разлагаются на ощущенія, какъ на свои элементы. Отсюда онъ прямо приходитъ къ выводу, что и «воля есть лишь комплексъ ощущеній». Разсматривая внутренніе волевые акты, напр., произвольное припоминаніе, рѣшеніе задачи и т. п., онъ приходитъ къ слѣдующей мысли: «во всѣхъ случаяхъ произвольнаго движенія представленій ясному сознанію представленія *a* предшествуетъ другое состояніе сознанія, въ которомъ по содержанію уже заключается представленіе *a*; въ случаяхъ непроизвольной перемѣны представленію *a* не предшествуетъ ничего, что бы содержало въ себѣ *a*. По моему мнѣнію, въ этомъ состоитъ все различіе...» [1]).

Если бы все различіе состояло только въ этомъ, то это значило бы, что у насъ нѣтъ особаго чувствованія активности, чувствованія зависимости нѣкоторыхъ явленій отъ нашихъ стремленій; съ этимъ еще можно было бы примириться, если бы можно было утверждать, что, различая произвольныя перемѣны, мы сознательно или полусознательно умозаключаемъ, исходя изъ такой посылки: «если перемѣнѣ *a* предшествуетъ представленіе *a*, то перемѣна *зависитъ* отъ меня, отъ моей воли». Но на самомъ дѣлѣ этого нельзя утверждать: если бы процессы въ сознаніи протекали такъ, какъ описываетъ Мюнстербергъ, то понятіе *зависѣть* не имѣло бы никакого другого реальнаго содержанія, кромѣ все того же наблюденія, что представленію *a* предшествуетъ въ смутной формѣ представленіе *a*. Мюнстербергъ самъ замѣчаетъ это и говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда внутренніе акты мышленія развиваются спокойно и планомѣрно, у насъ нѣтъ сознанія волевой дѣятельности и «только при послѣдующемъ размышленіи мы признаемъ, что это были волевые акты, при чемъ это познаніе опирается исключительно на тотъ важнѣйшій критерій, что представленіе каждый разъ уже въ предшествовавшій моментъ было дано въ сознаніи» [2]). Итакъ, пред-

наго процесса. Такіе взгляды на чувствованіе активности не противорѣчатъ волюнтаризму.

[1]) Тамъ же, стр. 67.

[2]) Тамъ же, стр. 72.

шествованіе представленія *а* представленію *а* служитъ основаніемъ для холоднаго умозаключенія о томъ, что мы были дѣятельны, но не даетъ еще живого сознаванія нашей активности во время самой работы. Поэтому нужно отыскать случаи, когда мы во время самой работы живо сознаемъ себя дѣятельными и опредѣлить, какое условіе, *кромѣ предшествованія представленія а представленію а*, необходимо для этого. Мюнстербергъ рѣшаетъ эту задачу такъ: «Тамъ же, гдѣ мы уже во время волевого акта сознаемъ о своей внутренней работѣ, налицо всегда существуетъ живое иннерваціонное чувство; именно въ немъ состоитъ въ особенности чувство внутренней дѣятельности, и сила волевого напряженія есть непосредственное выраженіе интенсивности иннерваціи» [1]). Если отъ *интенсивности* иннерваціоннаго чувства зависитъ сознаніе волевого напряженія, то, значитъ, *само это чувство, а не связь его съ послѣдующими состояніями* составляетъ сознаніе активности. Остается только опредѣлить, какое это психическое состояніе, можно ли его считать чисто центральнымъ психическимъ процессомъ, какъ это утверждала старая школа психологовъ и физіологовъ, создавшая терминъ «иннерваціонное чувство», или оно есть ощущеніе периферическаго происхожденія.

Разсматривая этотъ вопросъ, Мюнстербергъ приходитъ къ мысли, что иннервціонное чувство есть воспоминаніе о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ, т.-е. складывается изъ ощущеній суставныхъ, кожныхъ, осязательныхъ, сухожильныхъ и мускульныхъ. Отсюда слѣдовало бы сдѣлать выводъ, что живое чувствованіе активности, сопровождающее произвольную мускульную работу, есть составная часть моторныхъ ощущеній, напр. есть мускульное ощущеніе. Однако, замѣтивъ, что при этой точкѣ зрѣнія на иннервціонное чувство внѣшнія волевыя дѣйствія такъ же, какъ и внутреннія, складываются изъ воспріятій (моторныхъ), которымъ предшествуютъ похожія на нихъ представленія (моторныя воспоминанія), Мюнстербергъ перестаетъ искать источника живого чувствованія активности и возвращается къ мысли, что словомъ волевая дѣятельность обозначается только предшествованіе представленія *а* представленію *а*; «также и при мускуль-

[1]) Тамъ же, стр. 72.

номъ сокращеніи умозаключили бы мы отсюда» (т.-е. если иннерваціонное чувство въ самомъ дѣлѣ сводится къ воспоминаніямъ о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ) «то, что называется импульсомъ сводится, кромѣ напряженій въ головѣ» (онъ имѣетъ здѣсь въ виду иннерваціонное чувство и моторныя ощущенія отъ сокращенія мускуловъ лица при вниманіи), «лишь къ тому обстоятельству, что воспріятію наступившаго эффекта предшествуетъ уже представленіе о немъ» [1]).

Итакъ, у Мюнстерберга перекрещиваются двѣ гипотезы: во-первыхъ, ученіе о томъ, что сознаніе активности есть мускульное ощущеніе и, во-вторыхъ, ученіе о томъ, что сознаніе активности есть сознаніе о предшествованіи представленія *a* представленію *a*. Первая гипотеза является у него лишь въ зачаточной формѣ; поэтому мы разберемъ ее дальше, развивая ее болѣе подробно въ связи съ взглядами другихъ психологовъ, а теперь займемся лишь второю.

Во-первыхъ, надобно замѣтить, что Мюнстербергъ противорѣчитъ себѣ: разсматривая внутренніе волевые акты, онъ замѣчаетъ, что предшествованія представленія *a* представленію *a* недостаточно для живого сознаванія активности, и находитъ это живое чувствованіе во внѣшней волевой дѣятельности, но послѣ анализа ея утверждаетъ, что здѣсь оно тоже происходитъ изъ предшествованія представленія *a* представленію *a*. Во-вторыхъ, Мюнстербергъ противорѣчитъ фактамъ: сознаваніе активности есть простое неразложимое чувство, а не сложное интеллектуальное состояніе, холодная *идея предшествованія* представленія *a* представленію *a*. Мало того, такое предшествованіе представленія встрѣчается въ дѣятельности, которую мы непосредственно оцѣниваемъ, какъ волевую, не всегда: въ неопознанныхъ актахъ перемѣнѣ предшествуетъ смутное влеченіе, вовсе не заключающее въ себѣ *представленія* о перемѣнѣ. Наоборотъ, простое чувствованіе активности сопровождаетъ всѣ акты, относимые нами къ волевымъ. Въ третьихъ, гипотеза Мюнстерберга приводитъ къ абсурднымъ выводамъ, опровергаемымъ дѣйствительностью: согласно его гипотезѣ, въ томъ случаѣ, если бы мы, напр. вспомнили о боѣ часовъ и вдругъ услышали бы тотчасъ вслѣдъ за этимъ дѣйстви-

[1]) Тамъ же, стр. 76.

тельный бой часовъ, мы должны были бы относить такую перемѣну къ числу волевыхъ въ такой же мѣрѣ, какъ и процессы мышленія.

Впрочемъ, существованіе болѣе *простого и спеціальнаго* источника сознаванія активности до такой степени очевидно, что гораздо интереснѣе разсмотрѣть другую гипотезу, ученіе о томъ, что сознаваніе активности есть составная часть моторныхъ ощущеній, именно мускульное ощущеніе [1]).

Психологи, утверждающіе это, полагаютъ, что внѣшніе волевые акты суть рефлексы, предшествуемые воспоминаніемъ о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ. Встрѣчая чувствованіе активности во внутреннихъ поступкахъ, они естественно принуждены утверждать, что какъ бы ни были эти перемѣны глубоко внутренними, онѣ сопровождаются все же сокращеніемъ мышцъ (напр. мускулатуры лица при напряженномъ вниманіи) и задержками ихъ сокращеній, или хотя бы воспоминаніями о прежнихъ сокращеніяхъ мышцъ (воспроизведеніе моторныхъ элементовъ, входящихъ даже въ самыя общія представленія) [2]).

Этотъ основной для философіи вопросъ, влекущій за собою рядъ важнѣйшихъ выводовъ о природѣ воли (отрицаніе воли), о характерѣ сознанія вообще, о личности и т. п., рѣшается нерѣдко съ поразительною легкостью. Въ подтвержденіе приведемъ характерный примѣръ изъ «Психологіи» Тиченера, изъ того мѣста ея, гдѣ онъ поднимаетъ вопросъ, существуетъ ли въ психической жизни, кромѣ ощущенія и аффекта, еще элементъ воли, и приходитъ къ отрицательному выводу. «Волевое сознаніе,—говоритъ Тиченеръ [3]),—есть сознаніе, состоящее главнымъ образомъ или, по крайней мѣрѣ, весьма замѣтнымъ образомъ изъ дѣлаемаго нами усилія. Намъ, значитъ, надо собрать примѣры подобнаго усилія и при помощи многократнаго анализа и построенія его вновь убѣдиться въ томъ, что оно не содержитъ въ себѣ какого-нибудь специфическаго сознательнаго процесса, помимо ощущенія и аффекта. Усиліе, совершаемое человѣкомъ, можетъ происходить въ различныхъ сочетаніяхъ. Оно всегда нераз-

---

[1]) См. Рибо: «Психологія вниманія», гл. вторая, III.

[2]) Тамъ же, глава вторая, II.

[3]) «Очерки психологіи», перев. Чепинской, стр. 95.

лучно съ сильнымъ или продолжительнымъ тѣлеснымъ движеніемъ, съ движеніями, напр. фехтованія или гимнастики съ гирями. Оно заключено въ испытываемомъ нами сопротивленіи, какъ напр., когда мы держимъ дверь, стараясь не впускать ломящагося въ комнату человѣка, или внутренно сопротивляемся какой-нибудь неотвязной заботѣ. Усиліе участвуетъ также въ тѣхъ состояніяхъ души, которыя мы называемъ побужденіемъ, желаніемъ, стремленіемъ, томительнымъ ожиданіемъ, а также въ томъ, что мы называемъ «стараніемъ вспомнить», «стараніемъ сохранить бодрость духа» и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдуетъ произвести самонаблюденіе».

Первое, что обнаруживаетъ самонаблюденіе, это то, что усиліе, подобно идеѣ, есть сложный сознательный процессъ. Содержитъ ли оно въ себѣ специфическое качество—новый сознательный процессъ,—или не содержитъ, оно несомнѣнно заключаетъ въ себѣ ощущенія и аффекты. Аффектъ можетъ быть удовольствіемъ или неудовольствіемъ, смотря по силѣ или степени даннаго усилія. Ощущенія же—это ощущенія напряженія (сухожильнаго) и ощущенія, сопровождающія движеніе (ощущенія накожнаго и суставнаго давленія и мускульнаго сокращенія)».

«Никто не станетъ сомнѣваться, что эти два ощущенія имѣются налицо въ первыхъ трехъ примѣрахъ усилія: фехтованіи, гимнастикѣ съ гирями, напираніи на дверь. Присутствіе этихъ ощущеній въ другихъ упомянутыхъ нами явленіяхъ, повидимому, менѣе ясно».

«Мы должны однако помнить, что ощущенія могутъ возникать въ центрѣ (вспоминаемыя или воображаемыя ощущенія) такъ же, какъ и на периферіи, и что они и въ первомъ, и во второмъ случаѣ одинаково заслуживаютъ названія ощущеній. Поэтому, если ощущенія дѣйствительнаго движенія и дѣйствительнаго напряженія могутъ входить въ составъ усилія, то въ составъ его могутъ также входить ощущенія вспоминаемаго или воображаемаго движенія и вспоминаемаго или воображаемаго напряженія. Пусть читатель анализируетъ свое сознаніе, когда въ ближайшій разъ подумаетъ: «Я бы желалъ, чтобы наступило скорѣе время обѣда». Онъ увидитъ, что въ желаніи этомъ заключается удовольствіе, соединенное съ идеею обѣда, и также различныя идеи о самомъ себѣ, отправляющемся на обѣдъ, т.-е. со-

вершающемъ извѣстный тѣлесный моціонъ. Если это желаніе очень сильно, то онъ найдетъ въ немъ еще нѣчто большее: тѣло его начнетъ дѣйствительно двигаться, самъ онъ начнетъ подниматься со стула или направится къ умывальнику, или станетъ проводить рукою по волосамъ—воображаемыя движенія и воображаемыя ощущенія смѣшаются съ дѣйствительными движеніями и дѣйствительными ощущеніями, вызванными ими. Или представимъ себѣ, что кто-нибудь пишетъ картину для иллюстраціи фразы: «Я страстно желаю ѣхать въ Италію». Можно было бы изобразить фигуру, сидящую въ креслѣ, наклоняющуюся впередъ, сжавъ руки и пристально устремивъ глаза вдаль, т.-е. пишущій картину постарался бы изобразить, что данное лицо видитъ Италію «духовными очами», представляетъ себѣ путешествіе и, болѣе того, дѣйствительно собирается ѣхать, т.-е. дѣйствительно начинаетъ необходимыя движенія. Здѣсь мы имѣемъ также воображаемое движеніе, центральныя ощущенія напряженія и давленія, смѣшанныя съ дѣйствительными ощущеніями мускуловъ, сухожилій и суставовъ. Наклоненіе тѣла впередъ и пристальное устремленіе глазъ вдаль показываетъ, что идеи даннаго момента пріятны. Или же пусть читатель анализируетъ свое сознаніе, когда онъ въ ближайшій разъ скажетъ: «Если бы только я могъ вспомнить это имя». Онъ замѣтитъ, что все тѣло его напрягается, когда онъ старается вспомнить имя, что онъ морщитъ лобъ, сдвигаетъ брови, что глаза его блуждаютъ по всей комнатѣ, что, можетъ быть, онъ время отъ времени задерживаетъ дыханіе и закрываетъ глаза съ цѣлью избѣжать развлеченій извнѣ. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ исчезаетъ непріятный аффектъ, возникающій благодаря сознанію своей неудачи».

«Итакъ, всегда усиліе заключаетъ въ себѣ качество аффекта и совокупность органическихъ ощущеній, и главнымъ образомъ ощущеній сухожильнаго напряженія».

«Но затѣмъ наше самонаблюденіе, открывъ эти составныя части усилія, вдругъ останавливается. Отнявъ отъ сложнаго явленія ощущенія и аффектъ, мы видимъ, что отъ явленія усилія ничего болѣе не остается; ощущеніе и аффектъ—единственные процессы, которые можетъ обнаружить самонаблюденіе. Если же мы станемъ провѣрять анализъ синтезомъ и попытаемся вновь построить усиліе изъ органическихъ ощущеній и аффекта, то при-

демъ къ тому же результату; этихъ составныхъ частей оказывается достаточно для того, чтобы вызвать усиліе. Поэтому намъ остается только придти къ заключенію, что усиліе не обнаруживаетъ существованія третьяго сознательнаго элемента, а именно предполагаемаго элементарнаго процесса активности».

Итакъ, оттѣнокъ активности, присущій всѣмъ состояніямъ сознанія, оказывается съ этой точки зрѣнія не оттѣнкомъ, а цѣлымъ особымъ ощущеніемъ, и при томъ ощущеніемъ моторнымъ. Сразу чувствуется, что эта гипотеза, вплетающая во всякій моментъ всякаго процесса нашей душевной жизни моторныя ощущенія, невѣроятна. Легко догадаться, почему она явилась. Если сознаніе активности есть всеобщій оттѣнокъ душевныхъ процессовъ, оттѣнокъ, какъ и всѣ оттѣнки, неотдѣлимый реально отъ самаго содержанія процессовъ (какъ тембръ неотдѣлимъ отъ тона), и если этотъ оттѣнокъ сильнѣе всего чувствуется въ связи съ моторными ощущеніями, то въ психологіи должна была явиться гипотеза, цѣликомъ относящая сознаніе активности при мускульныхъ сокращеніяхъ за счетъ периферическихъ раздраженій и стремящаяся объяснить всякое сознаваніе активности сокращеніями мускуловъ или, по крайней мѣрѣ, воспоминаніями о нихъ.

Чтобы убѣдиться въ ошибочности этой мысли, подвергнемъ анализу моторныя ощущенія. Какъ извѣстно, они складываются изъ ощущеній осязательныхъ, получающихся отъ растяженія кожи, изъ ощущеній въ суставахъ и сухожиліяхъ и, наконецъ, изъ мускульныхъ ощущеній, получающихся, вѣроятно, отъ сдавливанія центростремительныхъ нервныхъ волоконъ, заканчивающихся въ мускулахъ, быть можетъ, въ соединительной ткани между мускульными волокнами. Сюда присоединяютъ еще «иннервацiонныя ощущенія», которыя прежде считались ощущеніями центральнаго происхожденія, но теперь, обыкновенно, находятъ, что факты, приводимые въ пользу ихъ существованія (наблюденія надъ паралитиками и ампутированными) удовлетворительно объясняются воспоминаніями о прежнихъ движеніяхъ, предшествующими и сопутствующими новому движенію. Слѣдовательно, этотъ элементъ моторныхъ ощущеній по *качеству* ничего новаго къ старымъ элементамъ не прибавляетъ [1]), и потому въ дальнѣй-

[1]) См. Wundt, Physiol. Psychologie, 4 изд., I т., стр. 422—426.

шемъ анализѣ мы можемъ разсматривать лишь три первые элемента. Чтобы получить ихъ въ чистомъ видѣ, отдѣлимъ отъ нихъ, хотя бы мысленно, всѣ постороннія примѣси. Во-первыхъ, выдѣлимъ сознаваніе объективности, являющееся въ особенности въ связи съ ощущеніемъ твердости, вообще сопротивленія. Этотъ элементъ явственно примѣшивается не только къ ощущеніямъ моторнымъ, но и къ ощущеніямъ зрительнымъ и слуховымъ, и въ слабой, иногда очень слабой формѣ входитъ во всѣ другія ощущенія, даже ощущенія голода, жажды и т. п. Сдѣлавъ этотъ анализъ, уже нетрудно выполнить еще одну задачу, именно отдѣлить отъ моторныхъ ощущеній представленія пространства (иногда даже по ассоціаціи идей представленія пространства, связанныя съ *зрительными* воспоминаніями, оказываются тѣсно сросшимися съ *моторными* ощущеніями). Мысленно сравнивая оставшіяся послѣ такого анализа ощущенія, мы найдемъ, что они все же рѣзко отличаются отъ другихъ ощущеній, напр. ощущенія тепла, прикосновенія, вкуса и т. п., своимъ элементомъ активности. Сознаніе активности въ такой же мѣрѣ отличается отъ ощущеній, какъ и чувственный тонъ ощущеній; если мы относимъ оттѣнокъ пріятности и непріятности, присущій всѣмъ состояніямъ нашего сознанія, въ особый отдѣлъ, приписывая ему болѣе субъективное значеніе, чѣмъ ощущеніямъ, то является предположеніе, что и сознаваніе активности по ошибкѣ попало въ разрядъ ощущеній. И въ самомъ дѣлѣ, особый характеръ этого чувствованія настолько замѣтенъ, что ни одному психологу не приходитъ въ голову относить его за счетъ осязательныхъ раздраженій отъ растяженія кожи при движеніи: слишкомъ хорошо извѣстно, что они ничего подобнаго дать не могутъ. Суставнымъ раздраженіямъ можно бы навязать эту роль, такъ какъ они менѣе извѣстны, однако сходство между процессами тренія кожи и суставныхъ поверхностей заставляетъ многихъ (однако не всѣхъ) психологовъ воздержаться отъ мысли, будто *изъ суставовъ приходитъ въ наше сознаніе чувствованіе активности*. Итакъ, остается лишь прибѣгнуть къ мускульному или сухожильному чувству, тѣмъ болѣе, что пассивныя движенія не сопровождаются чувствованіемъ активности въ его наиболѣе яркой формѣ. Процессы раздраженія въ мускулахъ по внѣшности менѣе напоминаютъ намъ осязаніе, наконецъ, представленіе о

сокращеніи мускульнаго тѣла, какъ и всѣ представленія о движеніи, живо связаны у насъ съ идеею активности (почему это такъ, этотъ вопросъ должна рѣшать гносеологія), и поэтому мы легко примиряемся съ странною мыслью, будто бы это чувствованіе возникаетъ у насъ отъ давленія мускула на периферію заканчивающихся въ немъ нервовъ. Однако и этотъ процессъ по существу ничѣмъ не отличается отъ осязанія; мускульныя ощущенія нерѣдко причисляются даже на ряду съ суставными къ внутреннимъ осязательнымъ ощущеніямъ. Поэтому если мы сомнѣваемся, что осязаніе можетъ быть источникомъ чувствованія активности, то намъ остается окончательно остановиться на предположеніи, что оно не есть ощущеніе, что оно зависитъ отъ центральныхъ процессовъ и путемъ болѣе тонкаго анализа могло бы быть отдѣлено отъ моторныхъ ощущеній. Для такого анализа можно создать также облегчающія его внѣшнія условія, именно наблюдать не *акты* сокращенія мускуловъ, а психическія состоянія, которыя являются тогда, когда мускульныя ощущенія возникаютъ у насъ, какъ и большинство осязательныхъ ощущеній, отъ раздраженій, *не зависящихъ отъ насъ*. Таковы рефлексы или, напр., сокращенія мускуловъ отъ электрическаго тока.

Наблюденія надъ такими мускульными ощущеніями дѣлались въ экспериментальной психологіи, но всѣ они производились не для опредѣленія качества этихъ ощущеній, а съ иными цѣлями, напр. съ цѣлью опредѣлить, какъ оцѣнивается величина движенія на основаніи такихъ ощущеній. Поэтому я вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ врачомъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Ланге произвелъ рядъ опытовъ, задавшись лишь цѣлью сравнить въ отношеніи элемента активности такія мускульныя ощущенія съ ощущеніями отъ произвольныхъ движеній. При этомъ a priori можно было ожидать, что къ чисто периферическимъ мускульнымъ ощущеніямъ, хотя бы они были такъ же пассивны, какъ зрительныя ощущенія, могутъ присоединяться по ассоціаціи идей воспоминанія объ элементахъ произвольнаго движенія. Поэтому даже и въ томъ случаѣ, если бы результаты опытовъ прямо противорѣчили мыслямъ, высказаннымъ въ этой главѣ, это еще не значило бы, что онѣ опровергнуты фактами. Далѣе, такъ какъ чувствованіе активности входитъ также во всякое произвольное воспріятіе (въ формѣ сознаванія усилія для воспріятія, хотя бы

лишь для сосредоточенія вниманія) и, кромѣ того, входитъ въ очень многія воспріятія внѣшняго міра (напр., въ воспріятіе движенія, столкновенія двухъ тѣлъ и т. п.), въ формѣ сознаванія внѣшней активности (активности не моей, а принадлежащей внѣшнему міру), то нужно было ожидать, что во всякомъ случаѣ въ какой-либо формѣ чувствованіе активности встрѣтится и при мускульныхъ сокращеніяхъ чисто периферическаго происхожденія, такъ что потребуется большая наблюдательность, во-первыхъ, чтобы отличить его отъ чувствованія внутренней активности («я дѣйствую») при произвольномъ движеніи, и, во-вторыхъ, чтобы опредѣлить, можетъ ли такое чувствованіе активности послужить первоначальнымъ источникомъ для развитія чувствованія внутренней активности. Эти предположенія и оправдались въ дѣйствительности.

Опытамъ подвергались шесть лицъ. Сокращеніе вызывалось электрическимъ токомъ, постояннымъ и перемѣннымъ. Чтобы уничтожить мѣшающія наблюденію кожныя ощущенія отъ электрическаго тока, мы въ нѣкоторыхъ опытахъ кокаинизировали кожу. Впрочемъ, особенной надобности въ этомъ не было, такъ какъ при нѣкоторомъ навыкѣ легко отвлечься отъ этихъ добавочныхъ ощущеній. Рефлекторное раздраженіе мышцъ оказалось менѣе подходящимъ для опытовъ: оно вызывается съ бо́льшимъ трудомъ, и къ тому же ударъ перкуссіоннымъ молоточкомъ по сухожилію слишкомъ отвлекаетъ вниманіе. Впрочемъ, рефлекторное раздраженіе мышцъ брюшного пресса прикосновеніемъ быстро движущагося холоднаго предмета (металлической рукоятки молотка) даетъ хорошіе результаты. Болѣе подробнаго описанія этихъ опытовъ я не даю, такъ какъ нахожу, что количество ихъ было не достаточно велико для того, чтобы придавать имъ рѣшающее значеніе.

Опыты показали, что моторныя ощущенія отъ чисто периферическаго раздраженія дѣйствительно отличаются отъ моторныхъ ощущеній произвольнаго движенія; они болѣе похожи на органическія ощущенія вообще, однако сознаются не въ такой мѣрѣ пассивными, какъ большинство органическихъ ощущеній или какъ зрительныя ощущенія, потому что въ нихъ входитъ сознаваніе внѣшней активности. Впрочемъ, этотъ элементъ присутствуетъ въ нихъ настолько, насколько, напр., въ боляхъ, называемыхъ

колющими, рвущими, стрѣляющими. Онъ особенно повышается, если лицо, знакомое съ анатоміей, во время опыта представляетъ себѣ, что у него въ тѣлѣ сократилась и передвинулась значительная масса мускула. Наоборотъ, если такихъ добавочныхъ ассоціацій нѣтъ, сокращеніе дѣйствительно обширной массы мускула, напр., vastus externus даетъ широкое чисто органическое ощущеніе. Наблюдая такое ощущеніе, не удивляешься тому, что люди необразованные, почувствовавъ рядъ рефлекторныхъ сокращеній, быстро смѣняющихъ другъ друга (напр., мускуловъ лица), говорятъ иногда: «это кровь переливается», т.-е. приравниваютъ свое состояніе къ *осязательнымъ ощущеніямъ* отъ прикосновенія движущагося предмета. Чувствованіе внѣшней активности, входящее въ составъ моторныхъ ощущеній отъ чисто периферическаго раздраженія, до такой степени отличается отъ чувствованія внутренней активности, сопутствующаго произвольнымъ движеніямъ (не «рука поднимается», а «я поднимаю руку»), что нельзя себѣ представить, чтобы изъ перваго получалось второе. Допуская такое происхожденіе чувствованія внутренней активности, пришлось бы допустить также, что изъ ощущенія колющей или рвущей боли можетъ развиться идея активвости я.

Надъ самимъ собою мнѣ удалось произвести болѣе сложныя наблюденія, именно удалось замѣтить сходство моторныхъ ощущеній, получившихся въ опытахъ, съ другими органическими ощущеніями пассивнаго характера; обсуждая причины такихъ ощущеній, я находилъ, что они или завѣдомо происходятъ отъ рефлекторнаго сокращенія мышцъ, или съ большою вѣроятностью могутъ быть объяснены такъ. Эти наблюденія не были подтверждены моимъ товарищемъ и другими подвергавшимися опытамъ лицами, но это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что они менѣе занимались этимъ вопросомъ, тогда какъ у меня въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ежесекундно часть вниманія была направлена на то, чтобы отмѣчать всѣ ощущенія, похожія на ощущенія, пережитыя во время опытовъ. Состояніями, сходными съ моторными ощущеніями отъ электрическаго раздраженія, оказались слѣдующія: легкое чувство голода, въ особенности тогда, когда желудокъ находится въ состояніи вполнѣ нормальномъ и вѣроятно, пустъ, т.-е. не раздражается какими-либо застоявшимися остатками пищи; легкое чувство тошноты; рефлекторное, чрез-

вычайно длительное сокращеніе мышцъ ноги, являющееся иногда во время сильной усталости (у человѣка, очень утомленнаго и сидящаго на стулѣ, въ этихъ случаяхъ ноги нѣсколько приподнимаются, такъ что опираются лишь на пальцы и остаются въ этомъ положеніи иногда съ $^1/_4$ минуты; ощущеніе при этомъ получается настолько пассивное, напоминающее вообще чувствованіе усталости, и движеніе ногъ совершается сравнительно такъ медленно, что нужно спеціальное наблюденіе надъ этимъ явленіемъ для того, чтобы признать въ немъ рефлекторное сокращеніе мышцъ); чувство физической усталости вообще (извѣстно, что во время физической усталости мышцы раздражаются продуктами разложенія и поддерживаются въ напряженномъ состояніи); ощущенія отъ зѣвка, рефлекторнаго или начатаго произвольно, но продолжающагося, какъ это часто бываетъ, автоматически; ощущенія отъ потягиванія, когда оно, какъ это иногда бываетъ, переходитъ изъ произвольнаго въ какое-то какъ бы непроизвольное движеніе.

Изложенныя нами теоретическія соображенія, а также описанныя наблюденія, количество которыхъ, какъ мы сами это сознаемъ, нужно все же увеличить, показываютъ, что актъ *произвольнаго* сокращенія мускуловъ заключаетъ въ себѣ не только воспоминанія о прежнихъ сокращеніяхъ, происшедшихъ рефлекторно, но и еще какой-то элементъ, именно чувствованіе активности, необъяснимое центростремительными токами. Полученный выводъ можетъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что мы вернулись къ старой теоріи «иннервацiонныхъ ощущеній», допускавшей ощущенія совершенно особаго характера, именно чисто центральнаго происхожденія. Однако такое сопоставленіе, несмотря на долю истины, заключающуюся въ немъ, нежелательно, потому что эта старая гипотеза возникла главнымъ образомъ вслѣдствіе анатомическихъ затрудненій въ истолкованіи мускульныхъ ощущеній (предполагалось, что въ мускулахъ нѣтъ центростремительныхъ нервовъ), а потому была слишкомъ узка и соединена съ заблужденіями; эта узость ея выразилась даже въ терминѣ «иннервацiонныя ощущенія». Приписывая этому состоянію сознанія чисто центральное происхожденіе, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что оно *не ощущеніе,* и даже если бы мы предполагали вмѣстѣ со сторонниками старой гипотезы, что сознаваніе

активности соотвѣтствуетъ нервному разряду, непосредственно влекущему за собою иннерваціонный токъ, мы должны были бы, какъ мы и дѣлаемъ это, утверждать, что *сознаваніе активности вовсе не находится въ какой-то наиболѣе тѣсной связи съ мускульными сокращеніями,* но что оно сопутствуетъ *всѣмъ перемѣнамъ* въ нашемъ сознаніи. Въ самомъ дѣлѣ, гипотетическая картина нервнаго разряда, влекущаго за собою иннерваціонные токи, ничѣмъ не отличается отъ ассоціаціонныхъ токовъ, распространяющихся къ другимъ центрамъ мозга, напр., въ томъ случаѣ, когда мы сосредоточиваемъ вниманіе на идеѣ причинности и начинаемъ такимъ образомъ возбуждать въ воспоминаніи ряды связанныхъ съ нею идей, т.-е. начинаемъ мыслить. Если разряды, предшествующіе мускульному сокращенію, связаны съ чувствованіемъ активности, то и эти разряды должны сопровождаться тѣмъ же состояніемъ сознанія.

Мы пришли къ убѣжденію, что сознаніе активности не есть мускульное ощущеніе. Отсюда получается слѣдующій выводъ: упомянутые выше психологи, утверждающіе, что наше сознаваніе активности, истолковываемое нами какъ свидѣтельство нашей дѣйствительной активности, есть иллюзія, доказываютъ свою мысль тѣмъ, что сознаваніе активности есть мускульное ощущеніе; но этотъ аргументъ ложенъ, слѣдовательно, выводъ, опирающійся на него, не доказанъ. Изъ этого отрицательнаго результата получается очень важное положительное слѣдствіе. Мы можемъ теперь настаивать на томъ, что чувствованіе активности указываетъ не на иллюзорную, а на дѣйствительную активность нашего я. Мы имѣемъ право на это, потому что onus probandi лежитъ на нашихъ противникахъ, сомнѣвающихся въ правильности ежеминутно переживаемаго нами свидѣтельства нашего сознанія, которому мы, наоборотъ, довѣряемъ. Наша задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы опровергать аргументы своихъ противниковъ, если они явятся.

Конечно, кромѣ упомянутыхъ противниковъ, у насъ есть еще другіе, съ которыми необходимо посчитаться, если мы хотимъ отстоять права непосредственнаго сознанія. Однако раньше, чѣмъ перейти къ нимъ, мы разсмотримъ еще одинъ вопросъ: почему такой *всеобщій* элементъ, какъ сознаваніе активности, отчасти отрицается совершенно психологами, отчасти въ тѣхъ случаяхъ,

когда его замѣчаютъ, отожествляется съ другими состояніями сознанія.

Пожалуй, именно всеобщность этого элемента и вредитъ его изученію. Какъ извѣстно, мы различаемъ прежде всего тѣ элементы, которые сами облегчаютъ намъ эту работу, вступая въ различныя комбинаціи съ другими элементами сознанія, то встрѣчаясь въ соединеніи съ ними, то выходя изъ этого соединенія. Къ счастію еще, сознаніе активности, хотя и никогда не исчезающее вполнѣ, во-первыхъ, мѣняется по интенсивности, и, во-вторыхъ, сопутствуетъ самымъ разнороднымъ въ другихъ отношеніяхъ состояніямъ, а потому не остается совсѣмъ недифференцированнымъ, хотя и съ трудомъ различается. Къ тому же мы и не даемъ себѣ труда обращать вниманіе на этотъ элементъ сознанія. Повинуясь практическимъ потребностямъ, мы, какъ уже сказано выше, пропускаемъ всѣ подготовительныя промежуточныя стадіи всякаго процесса (воспріятія, припоминанія, размышленія) и обращаемъ вниманіе лишь на болѣе или менѣе устойчивый результатъ (отчетливое воспріятіе, воскресшую въ памяти идею, выводъ) сохраненіе котораго въ сознаніи уже не требуетъ большихъ усилій, такъ что достигнутое кажется намъ не актомъ, а состояніемъ. Если же мы и обратимъ вниманіе на эти стадіи душевныхъ процессовъ, мы впадаемъ въ еще худшую ошибку: замѣтивъ въ нихъ элементъ активности, мы называемъ эти стадіи процессовъ словами стремленіе, желаніе, влеченіе, намѣреніе, рѣшеніе и начинаемъ считать ихъ типичными и единственными образцами проявленія воли. Впослѣдствіи же, когда анализъ показываетъ, что эти стадіи процессовъ суть сложные комплексы состояній, чувство и познаніе входятъ въ нихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и въ другіе конечные результаты дѣятельностей, возникаетъ ошибочная мысль, что состояній сознанія, подходящихъ подъ понятіе волевыхъ, вовсе нѣтъ, а потому и воли нѣтъ. Эта путаница возникаетъ тѣмъ естественнѣе, что и въ самомъ дѣлѣ особыхъ состояній сознанія, подходящихъ подъ понятіе воли, нѣтъ, но зато въ каждомъ состояніи сознанія есть элементъ, оттѣнокъ активности, приводящій къ понятію воли.

4. Воля и законъ причинности.

На основаніи обобщенія, установленнаго выше, понятіе воли можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: *воля есть активность сознанія, проявляющаяся въ томъ, что каждое состояніе сознанія, непосредственно чувствуемое, какъ «мое», причиняется «моими» стремленіями, и выражающаяся въ чувствованіи активности.*

Итакъ, воля есть не что иное, какъ причинность сознанія. Съ точки зрѣнія волюнтаризма слово воля можно было бы даже уничтожить и замѣнить выраженіемъ причинность сознанія или активность сознанія. Однако старое слово воля, влекущее за собою массу глубоко укоренившихся предразсудковъ и въ этомъ смыслѣ опасное, приходится все-таки ради удобства сохранить, потому что причинность сознанія есть одинъ изъ частныхъ видовъ причинности вообще и, какъ видъ своеобразный, онъ требуетъ особаго наименованія. Эта необходимость въ особомъ названіи тотчасъ же выяснится, если мы опредѣлимъ, какіе признаки мыслятся нами въ родовомъ понятіи причинности, по крайней мѣрѣ въ современной эмпирической наукѣ, и въ видовомъ понятіи волевой причинности.

При всякой точкѣ зрѣнія подъ причиною разумѣется то условіе, при наличности котораго данный фактъ происходитъ съ необходимостью. Современная эмпирическая наука смотритъ на эту необходимость, обыкновенно, такъ, какъ будто бы она обнаруживается лишь въ формѣ необходимой связи во времени. Поэтому для изученія этой связи она пользуется научною индукціею, именно подборомъ фактовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ метода единственнаго совпаденія или различія. Большинство другихъ точекъ зрѣнія на необходимость причиной связи включаетъ въ себя и признаки, указываемые эмпирическою наукою. Поэтому можно сказать, что родовое понятіе причинности, общее для всевозможныхъ точекъ зрѣнія, заключаетъ въ себѣ признакъ необходимой связи, а родовое понятіе причинности въ современной эмпирической наукѣ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе признаки: 1) необходимая связь, 2) обнаруживающаяся во времен-

номъ порядкѣ, 3) открываемая методомъ единственнаго совпаденія или различія.

Въ нашемъ понятіи волевой причинности есть всѣ эти элементы, но къ нимъ присоединяются еще три очень важные признака. Во-первыхъ, волевая причинная связь обнаруживается не только во временномъ порядкѣ, но и *непосредственно сознается* въ чувствованіи активности. Во-вторыхъ, между причиною и дѣйствіемъ въ этой причинности всегда существуетъ своеобразное соотвѣтствіе, давшее намъ право называть всякое волевое дѣйствіе *цѣлестремительнымъ актомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, причиною такого акта всегда служитъ стремленіе къ перемѣнѣ (часто не опознанное), а дѣйствіе есть перемѣна, наступающая съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія, при чемъ въ первомъ случаѣ оно представляется намъ осуществленіемъ какого-либо стремленія, а во второмъ случаѣ неосуществленіемъ какого-либо стремленія. Въ-третьихъ, волевая причинность всегда отличается *творческимъ* характеромъ. Дѣйствіе заключаетъ въ себѣ здѣсь новые элементы въ сравненіи съ причиною, оно не есть простая перекомбинировка элементовъ причины, какъ это бываетъ въ причинныхъ рядахъ механическихъ явленій. Въ какой-нибудь, напр., картинѣ воображенія, рисующей горную страну, заключается нѣчто большее, чѣмъ то, что было въ стремленіи построить картину и въ отдѣльныхъ элементахъ (водопадъ, снѣжныя вершины и т. п.), которыми мы воспользовались по воспоминанію.

Итакъ, причинность сознанія заключаетъ въ себѣ столько своеобразныхъ видовыхъ признаковъ, что должна быть выдѣлена въ особую группу волевой причинности, дѣятельности по цѣлямъ. Пользуясь словомъ воля въ такомъ смыслѣ, мы не злоупотребляемъ этимъ терминомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ понятіи причинности сознанія сохраняются два наиболѣе важные признака всѣхъ положительныхъ ученій о волѣ: *цѣлестремительность* волевыхъ актовъ и *свобода* ихъ, конечно, *относительная*, т.-е. зависимость ихъ не отъ внѣшнихъ условій, а отъ *самого сознанія* (отъ стремленій).

Въ то же время мы имѣемъ право называть волю причинностью сознанія, такъ какъ всѣ признаки понятія причинности заключаются въ нашемъ понятіи воли. Между этими двумя по-

нятіями въ такой же мѣрѣ нѣтъ противорѣчія, какъ и между понятіемъ собаки и млекопитающаго. Вообще, между телеологіею и причинностью вовсе нѣтъ той противоположности, которую предполагаютъ, обыкновенно, естествоиспытатели, не занимающіеся всестороннею критикою этихъ понятій. Всякій рядъ явленій, обусловливающихъ другъ друга, можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, или какъ рядъ причинъ и дѣйствій, или какъ рядъ средствъ и цѣлей [1]). Но этого мало, если согласиться съ волюнтаризмомъ, то телеологическое и причинное разсмотрѣніе рядовъ событій суть не двѣ различныя, а одна и та же точка зрѣнія, по крайней мѣрѣ, въ психической жизни.

Такъ какъ причинная связь между явленіями психической жизни обнаруживается не только во временномъ порядкѣ ихъ, но и непосредственно усматривается благодаря чувствованію активности, то строить индуктивныя обобщенія въ психологіи легче, чѣмъ въ наукахъ о физическомъ мірѣ. Конечно, это не значитъ, что изучать связи психическихъ явленій можно безъ всякаго труда, просто наблюдая смѣну психическихъ явленій и сразу на основаніи одной пары явленій строя индуктивное обобщеніе. Въ нашей душѣ всегда сосуществуетъ множество стремленій, чувствъ и представленій, которыя не остаются безъ послѣдствій, и потому нерѣдко вслѣдствіе недифференцированности чувствованія активности и неравномѣрной опознанности душевныхъ состояній, а также вслѣдствіе плохого наблюденія мы невѣрно объясняемъ связь явленій въ своей душѣ. Напримѣръ, человѣкъ, нашедшій потерянную вещь и, съ безпокойствомъ оглядываясь во всѣ стороны, припрятавшій ее, можетъ отдать ее по принадлежности изъ страха, но воображать, будто отдалъ ее изъ состраданія къ обезпокоенному владѣльцу. Для того, чтобы рѣшить, совершается ли поступокъ нѣкоторымъ я, поскольку оно боится или поскольку оно сострадаетъ, нужно нѣсколько разъ наблюдать это я въ аналогичныхъ, удовлетворяющихъ требованіямъ метода различія или совпаденія, положеніяхъ. Пособіе при изслѣдованіи, оказываемое непосредственнымъ чувствованіемъ активности, состоитъ всего лишь въ томъ, что оно возбуждаетъ

[1]) См. Wundt, Logik, 2-е изд., I т., стр. 642—646.

въ насъ *догадку*, какія пары психическихъ явленій причинно связаны, но эту догадку затѣмъ нужно провѣрить обычнымъ путемъ—методами индукціи. Однако, если бы у насъ не было чувствованія активности, у насъ никакъ не могла бы возникнуть догадка о томъ, какія явленія связаны между собою, — догадка, служащая исходнымъ пунктомъ индуктивнаго изслѣдованія. Если я сижу въ лѣсу, любуюсь красивымъ ландшафтомъ, слышу въ то же время свирѣль пастуха и вспоминаю игру пастуха въ «Тангейзерѣ», а потомъ, послышавъ шорохъ въ травѣ, подмѣчаю въ себѣ чувство страха и оглядываюсь во всѣ стороны, непонятно, какимъ образомъ я могъ бы выдѣлить изъ сложнаго цѣлаго связь *именно послѣдней пары* явленій, если бы у меня не было непосредственнаго чувства ихъ связи.

Согласно этому теорія индуктивнаго умозаключенія о психическихъ связяхъ должна быть измѣнена. Мало того, индуктивное изслѣдованіе физическихъ явленій не можетъ кореннымъ образомъ отличаться отъ индуктивнаго изслѣдованія психическихъ процессовъ, и потому вслѣдъ за этимъ можно поставить вопросъ, нѣтъ ли у насъ непосредственнаго воспріятія также и причинной связи явленій внѣшняго міра. Однако всѣ эти вопросы относятся къ области теоріи знанія и составляютъ предметъ особаго изслѣдованія, осуществленнаго нами въ сочиненіи «Обоснованіе интуитивизма».

5. Волюнтаризмъ и интеллектуализмъ.

Слово волюнтаризмъ легко можетъ подать поводъ къ сопоставленію этого направленія съ интеллектуализмомъ, несмотря на то, что по существу никакой аналогіи здѣсь нѣтъ. Интеллектуализмъ утверждаетъ, что всѣ психическія состоянія суть модификаціи мышленія (раціоналисты XVII вѣка) или, по крайней мѣрѣ, полагаетъ, что познавательныя состоянія, напр., представленія, составляютъ основу всей душевной жизни, а явленія чувства и воли надстраиваются надъ ними, какъ побочный результатъ ихъ дѣятельности (гербартіанцы). Ничего подобнаго не можетъ утверждать волюнтаризмъ уже потому, что психическое состояніе, въ которомъ обнаруживается воля, какъ причинность

сознанія, есть однообразное, варьирующее лишь по интенсивности чувствованіе активности. Само собою разумѣется, изъ одного этого элемента никто еще не пытался построить душевную жизнь. Онъ важенъ лишь постольку, поскольку указываетъ на волю, какъ активность сознанія. Слѣдовательно, понятіе воли господствуетъ въ волюнтаристической психологіи, поскольку подъ волею мыслится *свойство* индивидуальнаго сознанія быть активнымъ, *а не особое состояніе сознанія*. Отсюда ясно, что никакой аналогіи между интеллектуализмомъ и волюнтаризмомъ нѣтъ.

Однако надобно сознаться, что сами волюнтаристы, пользуясь терминомъ воля въ различныхъ, неопредѣленныхъ точно значеніяхъ, даютъ поводъ къ такимъ сопоставленіямъ. Такъ какъ всякій актъ психической жизни зависитъ отъ стремленій, то волюнтаристы нерѣдко разумѣютъ подъ волею не только зависимость состояній сознанія отъ стремленій, но и самыя стремленія. Такая точка зрѣнія, во-первыхъ, вноситъ путаницу въ понятія, такъ какъ разумѣетъ подъ волею то причинность сознанія, то самую причину явленій личной жизни, и, во-вторыхъ, ставитъ волюнтаризмъ на одну доску съ интеллектуализмомъ, такъ какъ, выдѣляя стремленія въ особую группу воли, она признаетъ приматъ стремленій и считаетъ ихъ основою другихъ состояній сознанія совершенно такъ же, какъ интеллектуализмъ признаетъ приматъ представленій и считаетъ ихъ основою другихъ состояній сознанія. Между тѣмъ, волюнтаризмъ, хотя онъ и въ самомъ дѣлѣ признаетъ приматъ стремленій, вовсе не придаетъ психологіи того односторонняго характера, который она получаетъ въ интеллектуализмѣ. Стремленія вовсе не могутъ быть выдѣлены въ особую рубрику *рядомъ* съ чувствованіями, представленіями и т. п., потому что они заключаютъ въ себѣ всѣ эти элементы. Всякое опознанное стремленіе, напр., есть представленіе поставленной цѣли, но представленіе своеобразно окрашенное чувствованіемъ лишенія, недостатка и сознаніемъ о затрачиваемой энергіи для достиженія цѣли. Неопознанныя стремленія, влеченія, инстинкты и т. п., повидимому составляютъ то активное недифференцированное цѣлое, изъ котораго впослѣдствіи развиваются всѣ дифференцированные элементы высшей духовной жизни—отчетливое сознаніе активности, чувствованіе, знаніе и т. п. Поэтому признавая приматъ стремленій, волюн-

таризмъ не выдвигаетъ на первый планъ ни одного изъ тѣхъ *элементарныхъ* явленій, которыя обособляются нами въ абстракціи при анализѣ высшихъ формъ душевной жизни. Однако, повторяю, поводъ къ такому обвиненію дали сами волюнтаристы, относя стремленія въ рубрику воли. Только этою ошибкою ихъ и можно объяснить то, что такой осторожный критикъ, какъ Освальдъ Кюльпе, заканчиваетъ свою оцѣнку волюнтаризма во «Введеніи въ философію» слѣдующими словами: «Результатомъ этой критики волюнтаризма является отнюдь не признаніе правоты интеллектуализма, а познаніе того, что ни одно изъ элементарныхъ явленій нашей психической жизни не можетъ быть признано безусловно первичнымъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, и интеллектуализмъ, и волюнтаризмъ—оба неправы» [1]).

6. Логически возможныя ученія о волѣ.

Перечисленіе логически возможныхъ ученій о волѣ намъ нужно для того, чтобы сопоставить ихъ съ волюнтаризмомъ и такимъ образомъ подчеркнуть его особенности. Поэтому, классификацію ученій о волѣ мы построимъ на основаніи существенныхъ признаковъ, входящихъ въ волюнтаристическое понятіе воли, и проведемъ рядъ подраздѣленій до конца лишь въ томъ классѣ и отдѣлѣ, къ которому относится волюнтаризмъ. Волюнтаризмъ разумѣетъ подъ волею *свойство* индивидуальнаго сознанія, *активность*, какъ способность осуществлять стремленія, и утверждаетъ, что соотвѣтственно этому основному свойству существуетъ особое основное (т.-е. непроизводное) *состояніе* сознанія, *чувствованіе активности*. Опираясь на эти два признака, можно намѣтить слѣдующія формы ученій о волѣ:

I. Отрицательныя ученія о волѣ, именно ученія, отрицающія активность индивидуальнаго сознанія, какъ способность осуществлять стремленія.

II. Положительныя ученія о волѣ, именно ученія, признающія активность индивидуальнаго сознанія, какъ способность осуществлять стремленія.

Отрицательныя ученія могутъ быть подраздѣлены на два отдѣла:

[1]) «Введеніе въ философію», пер. подъ редакціею Струве, стр. 242.

1. Ученія о полной пассивности сознанія.

2. Ученія о причинности индивидуальнаго сознанія, но безъ цѣлестремительности, безъ способности ставить цѣли и осуществлять ихъ, т.-е. ученія о слѣпой причинности сознанія.

Соотвѣтственно второму признаку волюнтаристическаго ученія о волѣ эти отдѣлы отрицательныхъ ученій можно подраздѣлить такъ:

a. Ученія, отрицающія существованіе особаго класса состояній сознанія, заносимыхъ въ рубрику воли.

b. Ученія, признающія существованіе особаго класса состояній сознанія, заносимыхъ въ рубрику воли, хотя и не имѣющихъ значенія, приписываемаго имъ положительными ученіями.

Продолжать это дѣленіе отрицательныхъ ученій для нашихъ цѣлей нѣтъ надобности, и потому мы вернемся къ положительнымъ ученіямъ о волѣ. Ихъ можно разбить на два отдѣла:

a. Ученія о томъ, что волевые акты, т.-е. возникновеніе стремленій и осуществленіе ихъ, причинно обусловливается характеромъ индивидуальнаго сознанія.

b. Ученія о безпричинности волевыхъ актовъ.

Послѣдній отдѣлъ не играетъ никакой роли въ эмпирической психологіи; поэтому мы не будемъ слѣдить за нимъ дальше, а займемся лишь первымъ отдѣломъ, который можно подраздѣлить на:

1. Ученія, признающія, что лишь нѣкоторыя состоянія сознанія, относимыя нами къ нашему я, суть волевые акты.

2. Ученія, признающія, что всѣ состоянія сознанія, относимыя нами къ нашему я, суть волевые акты (волюнтаризмъ).

Для наглядности это дѣленіе ученій о волѣ можно вкратцѣ выразить слѣдующимъ образомъ:

Отрицательныя ученія.	пассивность сознанія	волевыхъ состояній сознанія нѣтъ.
		волевыя состоянія существуютъ.
	слѣпая причинность сознанія	волевыхъ состояній сознанія нѣтъ.
		волевыя состоянія существуютъ.
Положительныя ученія	причинная зависимость волевыхъ актовъ отъ характера индивидуальнаго сознанія.	всѣ душевныя явленія суть волевые акты.
		нѣкоторыя душевныя явленія суть волевые акты.
	безпричинность волевыхъ актовъ.	

Для поясненія этой классификаціи мы приведемъ примѣры ученій каждаго рода.

Ученіе о полной пассивности сознанія нигдѣ не является въ такой рѣшительной формѣ, какъ въ послѣдовательномъ матеріализмѣ. Каждое состояніе сознанія причиняется съ точки зрѣнія матеріализма какимъ-либо физическимъ процессомъ въ нервныхъ центрахъ, который, кромѣ того, согласно законамъ физики и химіи, причиняетъ еще другія физическія явленія. Итакъ, цѣпь физическихъ явленій развивается самостоятельно и надъ ними кое-гдѣ *надстраиваются* психическія явленія, вполнѣ ими обусловленныя и безсильныя произвести какое-либо измѣненіе въ мірѣ, начать новый рядъ событій. Обыкновенно, это ученіе отрицаетъ не только активность сознанія, но даже и существованіе особаго разряда, хотя бы иллюзорныхъ, волевыхъ состояній: волевой актъ, съ точки зрѣнія матеріалиста, есть своеобразная комбинація ощущеній и воспоминаній о прежнихъ ощущеніяхъ. Конечно, это вовсе не обязательно для матеріализма. Можно придерживаться такой же точки зрѣнія на зависимость психическихъ явленій отъ физическихъ, но въ то же время утверждать, что всякому разряду физической энергіи въ нервныхъ центрахъ соотвѣтствуютъ не только ощущенія, но еще и особое чувствованіе активности, порождающее иллюзію воли. Такой матеріализмъ служилъ бы примѣромъ ученій, совершенно отрицающихъ активность сознанія, но допускающихъ существованіе особаго разряда волевыхъ состояній сознанія.

Ученіе о слѣпой причинности сознанія и отсутствіи особаго класса волевыхъ состояній сознанія рѣшительно выражено въ психологіи Спинозы. Что касается перваго пункта, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, а для поясненія второго достаточно сослаться на теорему XLIX во второй части Этики: «Въ душѣ нѣтъ никакого желанія или утвержденія и отрицанія, кромѣ того, которое заключаетъ въ себѣ идея, поскольку она есть идея» [1]). Корольларій къ этой теоремѣ гласитъ: «воля и разумъ одно и то же».

Въ такой же мѣрѣ, какъ и у Спинозы, слѣпа причинность сознанія въ психологіи Гербарта; основное явленіе душевной

[1]) Перев. подъ ред. Модестова, 3 изд., стр. 108.

жизни—представленіе—слѣпо обусловливается простотою реальной сущности, души, и ея самосохраненіемъ. Однако Гербартъ, въ противоположность Спинозѣ, признаетъ существованіе особаго класса волевыхъ состояній сознанія. Но эти состоянія онъ вовсе не считаетъ выразителями воли, какъ способности ставить цѣли и осуществлять ихъ. Онъ считаетъ эти состоянія, стремленіе, усиліе и т. п. побочнымъ результатомъ столкновенія между представленіями, а не источникомъ ихъ.

Примѣромъ положительныхъ ученій, признающихъ, что лишь нѣкоторыя душевныя явленія суть волевые акты, могутъ служить взгляды Лотце. По мнѣнію этого психолога, всѣ проявленія душевной жизни необходимо обусловливаются свойствами души, но въ большинствѣ случаевъ эта причинная зависимость слѣпа; въ ней нѣтъ ничего заслуживающаго названія воли. «Мы, конечно, слишкомъ щедро расточаемъ названіе воли и стремленія,—говоритъ онъ, и обозначаемъ имъ многіе такіе случаи, къ которымъ душа относится лишь, какъ наблюдающее сознаніе, а не какъ дѣятельное существо; движенія представленій и чувствованій, происходящія въ насъ только по разнымъ поводамъ со стороны общаго психическаго механизма и подмѣчаемыя нами по мѣрѣ ихъ совершенія, мы ошибочно принимаемъ за дѣятельности, будто бы пущенныя въ ходъ нашею рѣшительною волею или, пожалуй, хоть и менѣе настойчивымъ стремленіемъ нашего я» [1]). Однако не всегда бываетъ такъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ наше я сознательно ставитъ цѣли, стремясь къ осуществленію ихъ и на самомъ дѣлѣ осуществляя ихъ. Это бываетъ въ актахъ выбора, въ рѣшеніяхъ, «когда ясно сознаются влекущія къ поступку побужденія, а рѣшеніе, насчетъ того, слѣдовать имъ или нѣтъ, подлежитъ дальнѣйшему розыску и предоставляется не собственной силѣ влекущихъ побужденій, но опредѣленію свободнаго выбора независимаго отъ нихъ духа» [2]). Иными словами, Лотце считаетъ волевыми актами только тѣ явленія, которыя Вундтъ называетъ сложными волевыми дѣйствіями. Въ отличіе отъ Лотце волюнтаризмъ и въ болѣе простыхъ перемѣнахъ (акты съ непознанными стремленіями) находитъ постановку цѣлей и чув-

[1]) Лотце, Микрокосмъ, перев. Корша, I кн., II, гл. V, стр. 320.
[2]) Тамъ же, стр. 322.

ствованіе активности, а потому считаетъ всѣ перемѣны, *относимыя нами къ нашему я,* волевыми.

Наконецъ, нѣкоторыя ученія утверждаютъ, что личность, способная ставить цѣли и быть причиною ихъ осуществленія, въ самой постановкѣ цѣли абсолютно свободна, именно не опредѣляется при этомъ ни внѣшними условіями, ни внутренними своими свойствами, т.-е. характеромъ, выражающимся въ стремленіяхъ. Въ новѣйшее время такого рода взгляды высказываются, напр., Секретаномъ, который полагаетъ, что даже Божественное всевѣдѣніе безсильно въ отношеніи свободныхъ поступковъ, что Богъ можетъ знать ихъ только послѣ ихъ осуществленія.

Приведенная схема, составленная примѣнительно къ нашей узкой цѣли, конечно, слишкомъ обща для того, чтобы дать хотя бы приблизительное понятіе о безконечномъ множествѣ и разнообразіи ученій о волѣ. Не говоря уже о чисто психологическихъ различіяхъ, зависящихъ отъ того, напр., какія психическія состоянія (стремленія, желанія, чувствованія активности и т. п.) относитъ въ рубрику воли тотъ или другой авторъ, безчисленныя варіаціи обусловливаются общимъ философскимъ міровоззрѣніемъ психологовъ. Напр., въ сферѣ самого волюнтаризма возможны варіаціи въ зависимости отъ того, придерживается ли психологъ дуализма или идеалистическаго монизма, примыкаетъ ли онъ къ теоріи причинности Канта, Юма, Вундта и т. п.

Перебирать всѣ безчисленныя теоріи воли и разсматривать, не опасны ли онѣ для волюнтаризма, невозможно, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Волюнтаризмъ — направленіе, сравнительно новое; оно опирается на факты и оттѣнки состояній сознанія, отмѣченные во всей ихъ полнотѣ лишь недавно; онъ исходитъ изъ анализа фактовъ, углубленнаго до такой степени, какая не встрѣчалась въ прежней психологіи; въ особенности много онъ черпаетъ изъ новаго матеріала, доставляемаго сравнительно новымъ въ психологіи экспериментальнымъ методомъ, если разумѣть подъ нимъ не психофизіологическое изслѣдованіе, и не механическій подсчетъ однообразныхъ мелочныхъ цифръ и фактовъ, а *усовершенствованное внутреннее наблюденіе.* По крайней мѣрѣ, главный представитель волюнтаризма и въ то же время важнѣйшій основатель экспериментальнаго метода Вундтъ рѣши-

тельно заявляетъ, что его направленіе въ психологіи обязано своимъ возникновеніемъ экспериментальному методу. Мы приведемъ здѣсь слѣдующія поучительныя слова его. «Если бы меня спросили, въ чемъ состояла и состоитъ еще для меня психологическая цѣнность экспериментальнаго наблюденія, я бы отвѣтилъ, что оно породило во мнѣ и все болѣе укрѣпляло совершенно новое воззрѣніе на природу и связь душевныхъ процессовъ. Когда я въ первый разъ приступалъ къ психологическимъ проблемамъ, я раздѣлялъ общій, распространенный среди физіологовъ предразсудокъ, что образованіе чувственныхъ воспріятій есть исключительно результатъ физіологическихъ свойствъ нашихъ органовъ чувствъ. Прежде всего на чувствѣ зрѣнія я научился понимать тотъ актъ творческаго синтеза, который постепенно сдѣлался моимъ руководителемъ и открылъ мнѣ глаза на развитіе высшихъ функцій воображенія и разсудка, тогда какъ старая психологія не оказывала никакой помощи въ этихъ проблемахъ. Затѣмъ, когда я приступилъ къ изслѣдованію отношеній во времени теченія представленій, мнѣ открылись новыя перспективы въ вопросѣ о развитіи волевыхъ функцій, внѣшнихъ изъ внутреннихъ, сложныхъ изъ простыхъ, и въ то же время я усмотрѣлъ тѣсную связь всѣхъ психическихъ функцій, въ родѣ представленія, чувства, воли, раздѣленныхъ искусственными абстракціями и именами, однимъ словомъ, увидѣлъ недѣлимость и внутреннюю однородность душевной жизни на всѣхъ ея ступеняхъ. Хронометрическое изслѣдованіе процессовъ ассоціаціи, обратившее мое вниманіе на отношеніе между образами воспоминанія и воспріятія, показало мнѣ, наконецъ, что понятіе «воспроизведеннаго» представленія есть одинъ изъ тѣхъ многихъ самообмановъ, которые, будучи выражены въ застывшихъ понятіяхъ, постоянно ставятъ для насъ на мѣсто дѣйствительности несуществующій призракъ. Я научился понимать «представленіе», какъ процессъ не менѣе измѣнчивый и преходящій, чѣмъ актъ воли и чувства, и понялъ, что вслѣдствіе этого старый ассоціаціонизмъ не выдерживаетъ критики, что онъ долженъ замѣниться допущеніемъ процессовъ, связующихъ ощущенія, и эта точка зрѣнія сама собою приводитъ къ ученію о постепенномъ переходѣ и близкомъ отношеніи между послѣдовательными и одновременными ассоціаціями. Но важнѣйшимъ результатомъ

этихъ новыхъ воззрѣній я считаю то представленіе о принципахъ психической прчиинности, которое я попытался формулировать выше» [1]).

Безъ сомнѣнія, такое новое направленіе, опирающееся на богатый новый фактическій матеріалъ, подкапываетъ старыя ученія и вызываетъ необходимость ихъ пересмотра, но не наоборотъ. Это замѣчаніе въ особенности относится ко всѣмъ ученіямъ, признающимъ причинность сознанія, такъ какъ всѣ эти ученія, даже спинозистическій слѣпой детерминизмъ, легко могутъ быть согласованы съ психологическимъ волюнтаризмомъ и разногласіе ихъ можетъ быть объяснено, во-первыхъ, тѣмъ, что нѣкоторые факты прежде не были приняты въ расчетъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что, опредѣляя причинныя связи, психологи *не дѣлали* чрезвычайно *важнаго различенія* между состояніями сознанія, *относимыми на основаніи непосредственнаго чувства къ нашему я,* и состояніями, которыя вполнѣ или отчасти кажутся *данными;* если не дѣлать этого различенія, то, конечно, многія состоянія сознанія придется признать не зависящими отъ стремленій, а обусловленными, повидимому, слѣпою причинностью.

Въ иномъ положеніи находится волюнтаризмъ въ отношеніи къ ученіямъ о полной пассивности сознанія: здѣсь указаніе на новые психологическіе факты и новыя чисто психологическія различенія не можетъ устранить разногласія, потому что оно вызывается болѣе глубокою причиною, именно различіемъ въ теоріи познанія и онтологіи. Впрочемъ такихъ ученій немного. Они могутъ возникнуть или на почвѣ агностицизма, если онъ утверждаетъ полную пассивность и безсвязность явленій сознанія, и истинную подкладку этихъ явленій, причиняющую ихъ, считаетъ непознаваемою, или на почвѣ матеріализма, утверждающаго полную пассивность и безсвязность явленій сознанія, но указывающаго опредѣленную причину ихъ, именно дѣятельность матеріи. Какъ мы уже говорили, агностицизмъ можетъ принять факты и различенія, устанавливаемыя волюнтаризмомъ, и только воздержаться отъ утвержденія, что указываемыя волюнтаризмомъ послѣдовательности явленій относятся къ числу причинныхъ. По-

---

[1]) Wundt, Ueber psychische Causalität und das Princip des psycho-phisischen Parallelismus. Philosophische Studien, 1897 г., I вып., стр. 122—124.

сколько онъ ограничивается этимъ воздержаніемъ и не указываетъ настоящей причины явленій, онъ не вступаетъ въ столкновеніе съ волюнтаризмомъ.

Наоборотъ, матеріализмъ, даже и согласившись съ волюнтаристическимъ описаніемъ теченія душевныхъ процессовъ, можетъ утверждать, что эти процессы не обусловливаютъ другъ друга, что причина ихъ извѣстна, именно заключается въ дѣятельности матеріи, и что теченіе душевныхъ процессовъ рано или поздно будетъ выведено изъ законовъ механики или матеріальнаго міра вообще. Согласно этому ученію психическія явленія составляютъ придатокъ, надстройку надъ матеріальными процессами, развивающимися въ тѣлѣ, и появленіе этого придатка нисколько не опредѣляетъ причинно дальнѣйшаго развитія событій въ мірѣ, такъ какъ оно совершается подъ вліяніемъ тѣхъ физіологическихъ процессовъ, надстройкою надъ которыми является психическое состояніе, а не подъ вліяніемъ самихъ этихъ психическихъ состояній. Слѣдовательно, психическія состоянія суть не только продуктъ, *сполна* обусловленный дѣятельностью матеріи, но еще и совершенно *пассивный* продуктъ дѣятельности матеріи, т.-е. такой продуктъ, наличность котораго не влечетъ за собою никакихъ слѣдствій. Пояснить это можно съ помощью слѣдующей фикціи. Представимъ себѣ колесо машины, вращающееся вокругъ своей оси благодаря давленію приводнаго ремня, и допустимъ, что механическія явленія, развивающіяся въ этой системѣ, служатъ не только причиною новыхъ механическихъ явленій, но и обусловливаютъ еще появленіе психическихъ состояній, такъ что, напр., колесо въ тотъ моментъ, когда давленіе приводнаго ремня начинаетъ преодолѣвать его инерцію и треніе, испытываетъ психическое состояніе «хочу вертѣться», въ слѣдующій моментъ, когда вращеніе вокругъ оси уже началось, это явленіе дополняется новымъ психическимъ состояніемъ, сужденіемъ «верчусь». Въ такомъ случаѣ, причина вращенія колеса заключается вовсе не въ психическомъ состояніи «хочу вертѣться», а въ соотвѣтствующемъ этому состоянію механическомъ процессѣ; психическое состояніе играетъ здѣсь лишь роль субъективной отмѣтки того, что́ совершаетъ какой-то механическій процессъ, и само нисколько не вліяетъ на дальнѣйшее теченіе событій и въ этомъ механизмѣ и вообще въ мірѣ. Это странное ученіе о той сторонѣ

міра, которая кажется человѣку самою цѣнною и самою дорогою, прекрасно обрисовано проф. Лопатинымъ въ одной изъ его статей о душевной жизни: «Получается крайне парадоксальный результатъ»,—говоритъ проф. Лопатинъ—«паденіе малѣйшей пылинки оказывается безконечно болѣе могущественнымъ по отношенію къ міру въ его цѣломъ, нежели глубочайшія порожденія мысли или самые возвышенные подвиги нравственнаго героизма: вѣдь паденіе пылинки вызываетъ въ окружающей средѣ неограниченный рядъ дѣйствій, хотя для насъ и незамѣтныхъ, напротивъ, мысль своимъ идейнымъ содержаніемъ, воля въ своихъ психическихъ мотивахъ и нравственной цѣнѣ, ничего не производятъ и не мѣняютъ въ природномъ ходѣ. Напримѣръ, «Критика чистаго разума» Канта представляется намъ созданіемъ его творческаго генія и громадною работою его ума, но это только намъ *кажется*. На самомъ дѣлѣ, все, что Кантъ написалъ, было порождено внутреннимъ механизмомъ частицъ, составляющихъ его организмъ и только имъ однимъ» [1]).

Опровергнуть такого противника волюнтаризма нетрудно. Для этого достаточно задать ему вопросъ: откуда Вамъ извѣстно о существованіи матеріи? т.-е. побудить своего противника заняться основною философскою наукою, теоріею знанія, и въ частности проблемою, какъ познающій субъектъ приходитъ къ знанію о существованіи внѣшняго міра и о матеріи. При этомъ неизбѣжно обнаружится слѣдующая странность: именно матеріалистъ никакъ не можетъ доказать, что въ мірѣ существуетъ что-либо кромѣ психическихъ явленій, такъ что, занявшись теоріею знанія, матеріалистъ, если только ему удалось понять основную проблему этой науки, сразу впадаетъ въ противоположную своему прежнему міровоззрѣнію крайность, именно приходитъ къ мысли, что матеріи совсѣмъ нѣтъ и весь міръ состоитъ только изъ психическихъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ согласно ученію матеріализма я (духъ) не есть самостоятельное существо, способное дѣйствовать по собственному почину и вступать въ своеобразныя не механическія и не обусловленныя никакими механизмами отношенія къ другимъ составнымъ частямъ міра: матеріалистъ при-

---

[1]) Параллелистическая теорія душевной жизни. Вопр. филос. и психологіи, 1895, май.

выкаетъ думать, будто я есть пассивный продуктъ суммированія психическихъ явленій, соединеніе и раздѣленіе которыхъ обусловлено стоящими за ихъ спиною матеріальными процессами; поэтому, задавшись вопросомъ, что такое знаніе, матеріалистъ никакъ не можетъ представить себѣ такого отношенія между познающимъ я и матеріею, при которомъ матерія, *какъ матерія*, стала бы предметомъ *опыта*, стала бы данною для наблюденія: пока матерія есть матерія нѣтъ знанія; наоборотъ, когда возникло знаніе, въ его составѣ уже нѣтъ матеріи, а есть только совокупность психическихъ состояній, произведенныхъ матеріею. Даже само представленіе о матеріи, согласно этой точкѣ зрѣнія, состоитъ сполна только изъ психическихъ состояній и, toto genere отличаясь отъ самой матеріи, какъ чего-то не психическаго, не можетъ быть свидѣтельствомъ въ пользу существованія матеріальнаго міра.

Усмотрѣвъ противорѣчивость своего положенія, матеріалистъ или сразу, какъ уже сказано, бросается въ противоположную крайность, соглашается съ тѣмъ, будто въ опытѣ даны только психическіе процессы, и становится идеалистомъ (обыкновенно, въ формѣ психологистическаго идеализма), или же, если чувство дѣйствительности не измѣняетъ ему, упорно стоитъ на своемъ, что матерія, какъ не психическое бытіе, существуетъ и начинаетъ отказываться отъ гносеологическаго обоснованія своего утвержденія, считая гносеологію софистическою ловушкою. Мы сочувствуемъ такому защитнику реальности матеріи и думаемъ, что слѣдуетъ придти къ нему на помощь, но только въ томъ случаѣ, если онъ смирился и изъ защитника матеріализма (т.-е. ученія о томъ, что матерія есть единственное самостоятельное бытіе) превратился только въ защитника реальности матеріи, т.-е. ученія о томъ, что матерія существуетъ *наряду съ другими видами бытія*. Въ самомъ дѣлѣ, теорія знанія вовсе не неизбѣжно приводитъ къ психологистическому идеализму; но установить существованіе матеріи, какъ не психическаго бытія, она можетъ только въ томъ случаѣ, если признаетъ существованіе я, независимаго отъ матеріи. Мы, конечно, не будемъ здѣсь заниматься вопросами теоріи знанія, а примкнемъ къ опредѣленному гносеологическому направленію, открывающему возможность признать существованіе матеріи. Мы имѣемъ въ виду *интуитивизмъ*, гно-

сеологическое направленіе, разработанное нами въ сочиненіи «Обоснованіе интуитивизма» [1]).

Согласно этому ученію, познаваемое бытіе *имманентно* процессу знанія, но изъ этого не слѣдуетъ, будто оно должно быть непремѣнно психическимъ бытіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ процессѣ знанія слѣдуетъ различать *актъ* знанія и *содержаніе* знанія: содержаніемъ знанія служитъ самъ познаваемый предметъ, а актъ знанія состоитъ въ томъ, что познающій субъектъ сосредоточиваетъ вниманіе на познаваемомъ предметѣ и сравниваетъ его съ другими предметами, вслѣдствіе чего возникаютъ различеніе и отожествленіе, которыя и приводятъ къ знанію о предметѣ. Въ этомъ процессѣ только актъ знанія (вниманіе и различеніе) есть психическое состояніе, а содержаніе знанія, т.-е. то бытіе, на которомъ сосредоточено вниманіе познающаго субъекта, вовсе не обязано быть состояніемъ познающаго субъекта: оно можетъ быть составною частью міра, внѣшняго для познающаго субъекта, и притомъ можетъ быть непсихическимъ бытіемъ. Слѣдовательно, въ отношеніи къ познающему индивидууму, знаніе о внѣшнемъ мірѣ есть процессъ *надиндивидуальный:* только одною своею стороною оно складывается изъ состояній познающаго индивидуума, а другая его сторона состоитъ изъ элементовъ самого внѣшняго міра. Иными словами, согласно этому ученію я познаю внѣшній міръ такъ же *непосредственно* (путемъ интуиціи), какъ и свои психическія состоянія; для того, чтобы я далъ себѣ отчетъ въ томъ, что переживаемое мною состояніе есть радость, необходимо только, чтобы я сосредоточилъ вниманіе на этомъ состояніи и отличилъ его отъ другихъ состояній; точно такъ же для того, чтобы судить «этотъ маятникъ качается», я долженъ сосредоточить вниманіе на этомъ явленіи и отличить его отъ другихъ явленій.

Отношеніе между я и міромъ не-я, возникающее по этой теоріи благодаря вниманію, имѣетъ характеръ, рѣзко отличающійся отъ внѣшнихъ механическихъ взаимодѣйствій, и не можетъ быть представлено, какъ продуктъ такихъ взаимодѣйствій; точно тоже надобно замѣтить и о дѣятельности мысленнаго сопоставленія нѣсколькихъ предметовъ, въ особенности, поскольку раз-

[1]) Н. Лосскій. «Обоснованіе интуитивизма», 2 изд., 1908 г.

личеніе производится не только путемъ сопоставленія наличныхъ смежныхъ въ пространствѣ и времени предметовъ, а и путемъ сопоставленія наличнаго предмета съ предметами, далекими отъ него въ пространствѣ и времени. Такъ какъ согласно интуитивизму идеальному сопоставленію подвергаются *сами предметы,* а не психическія состоянія, замѣщающія ихъ въ сознаніи познающаго субъекта (иначе познаны были бы эти психическія состоянія познающаго субъекта, а вовсе не внѣшній міръ и тѣмъ менѣе матеріальный міръ), то, очевидно, что я съ его психическими дѣятельностями, устанавливающими такія сопоставленія, есть существо, непроизводное изъ матеріальныхъ процессовъ, т.-е. *самостоятельное* въ отношеніи къ матеріи.

Отсюда, далѣе, слѣдуетъ, что если между я и матеріальнымъ міромъ есть взаимодѣйствіе, то оно можетъ быть только *реакціею* я въ отвѣтъ на воздѣйствія матеріи, т.-е. такимъ измѣненіемъ, полная причина котораго сложна и заключается отчасти въ воздѣйствіи внѣшняго міра (въ данномъ случаѣ матеріальнаго), а отчасти въ предшествующихъ состояніяхъ самого я. Устранивъ съ помощью теоріи знанія матеріалистическое направленіе въ психологіи, волюнтаристъ, конечно, долженъ еще показать, что среди предшествующихъ состояній самого я, опредѣляющихъ характеръ реакціи я на внѣшнія воздѣйствія, всегда находятся стремленія. Кромѣ тѣхъ, соображеній, которыя приведены въ пользу этого положенія въ настоящей главѣ, мы будемъ возвращаться къ этому вопросу по разнымъ поводамъ почти во всѣхъ послѣдующихъ главахъ, особенно въ главѣ четвертой (напр., въ связи съ вопросомъ о процессахъ воспоминанія и объясненія ихъ законами ассоціаціи).

7. Понятіе сознанія.

Опираясь на сдѣланную нами экскурсію въ область интуитивистической теоріи знанія, а также на произведенное въ настоящей главѣ различеніе «данныхъ» мнѣ и «моихъ» элементовъ сознанія, мы можемъ установить значеніе нѣкоторыхъ важныхъ терминовъ, которыми приходится пользоваться въ психологіи на каждомъ шагу. Подъ терминомъ сознаніе мы разумѣемъ совокупность всѣхъ элементовъ дѣйствительности, находящихся въ

нѣкоторомъ особомъ отношеніи къ я; это отношеніе нельзя описать или опредѣлить путемъ разложенія его содержанія; можно только намекнуть на это отношеніе съ помощью слѣдующаго образнаго выраженія, котораго не слѣдуетъ понимать буквально: къ области сознанія относится все то, чѣмъ я «обладаетъ». Само то, чѣмъ я «обладаетъ», когда оно сознаетъ что-либо, мы будемъ называть *содержаніемъ* сознанія или состояніемъ сознанія.

Какъ уже установлено выше, содержанія сознанія могутъ быть съ точки зрѣнія я, стоящаго въ центрѣ сферы сознанія, «моими» или только «данными мнѣ». Согласно интуитивистической теоріи знанія «данныя мнѣ» содержанія сознанія вовсе не обязаны быть психическимъ бытіемъ: предметы и процессы матеріальнаго міра могутъ *стать* данными мнѣ «содержаніями» сознанія, если я обращу на нихъ вниманіе. Поэтому терминомъ *психическій* мы будемъ обозначать только то въ сознаніи, что испытывается какъ «*мое*», а также, конечно, тѣ, изъ «данныхъ мнѣ» содержаній сознанія, которыя вполнѣ аналогичны «моимъ» содержаніямъ; таковы, напр., «данныя мнѣ стремленія». Что же касается, такихъ содержаній сознанія, какъ напр., содержанія ощущеній (бѣлизна, теплота и т. п.), мы оставляемъ открытымъ вопросъ, входятъ ли они въ составъ психическаго или матеріальнаго міра.

Установивъ эти различенія, мы должны поставить на очередь новый важный для волюнтаризма вопросъ, какъ относятся другъ къ другу сознаніе и знаніе. Безъ сомнѣнія, эти понятія могутъ быть только или тожественными или относиться, какъ родъ къ виду. Кто утверждаетъ первое, тотъ думаетъ, что сознавать это значитъ познавать и наоборотъ. Кто высказывается въ пользу второго утвержденія, тотъ думаетъ, что возможны случаи, когда я нѣчто сознаю (напр. радость), но не знаю того, что̀ сознаю. Иными словами, кто придерживается этого ученія, тотъ думаетъ, что возможны *неопознанныя* содержанія сознанія. Рѣшенію вопроса, какое изъ утвержденій правильно, посвящена слѣдующая глава.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сознаніе и знаніе.

I. Неопознанныя состоянія сознанія.

Волюнтаризмъ можетъ быть развитъ безъ противорѣчій только въ томъ случаѣ, если сфера сознанія складывается не изъ однихъ познавательныхъ процессовъ, а еще изъ состояній, вовсе не заключающихъ въ себѣ знанія и названныхъ нами неопознанными. При этомъ для волюнтаризма особенно важно то, что даже и *психическія* состоянія, т.-е. состоянія, принадлежащія къ числу «моихъ», могутъ быть неопознанными. Въ самомъ дѣлѣ, если всякій «мой» актъ причиняется «моими стремленіями», и если «мое» знаніе есть также «мой» актъ, являющійся результатомъ моего стремленія къ знанію, то, по крайней мѣрѣ, новыя стремленія вначалѣ своего появленія должны быть психическими состояніями, не заключающими въ себѣ знанія. Поэтому волюнтаризмъ не можетъ согласиться съ интеллектуализмомъ, принимающимъ всякое состояніе сознанія за познавательное состояніе: для волюнтаризма понятіе сознанія шире понятія знанія.

Чтобы доказать правильность этого утвержденія, нужно изслѣдовать процессы знанія и показать, что «имѣть что-либо въ сознаніи» есть необходимое, но вовсе еще не достаточное условіе знанія; иными словами, нужно показать, что знаніе есть всегда *вторичное*, а не *первичное* явленіе въ сферѣ сознанія.

Въ самомъ дѣлѣ, всякое знаніе есть знаніе о чемъ-нибудь. При этомъ сама познаваемая вещь дана въ процессѣ знанія въ видѣ содержанія сознанія. Напр., если мы познаемъ какое нибудь растеніе (ботанизируемъ въ полѣ и, найдя новый для насъ видъ, разсматриваемъ его), прислушиваемся къ какому-либо звуку, опредѣляемъ вкусъ вещи, знаемъ о какомъ-либо своемъ чувствѣ или изучаемъ процессъ своихъ умозаключеній, то это растеніе, звукъ, вкусъ, чувство и умозаключенія существуютъ не внѣ процесса познанія, а даны въ немъ, какъ составная часть, какъ исходный пунктъ для познанія и, слѣдовательно, находятся въ сферѣ сознанія. Противъ этой данности позна-

ваемой вещи въ процессѣ знанія и въ сознаніи нельзя спорить. Но можно спорить противъ того, что познавательные процессы всегда *сложны* и складываются изъ познаваемаго состоянія и знанія о немъ. Можно утверждать, что сознаваніе бѣлаго цвѣта, звука, образа растенія есть не исходный пунктъ для знанія, а уже само знаніе.

Чтобы опровергнуть эту мысль, разсмотримъ сначала нѣсколько случаевъ сравнительно сложнаго и притомъ не достаточно привычнаго опознанія, достигаемаго съ помощью нѣкотораго труда и сознательныхъ усилій. Представимъ слѣдующій случай: психологъ и въ то же время ботаникъ-любитель А. гуляетъ со своимъ товарищемъ Б., который не занимается этими науками; Б. срываетъ растеніе, разсматриваетъ его двѣ-три секунды и передаетъ своему товарищу со словами: «Ромашка». Б. разсматриваетъ его тоже всего двѣ-три секунды и укладываетъ въ коробку, улыбаясь, потому что это вовсе не ромашка, а одинъ изъ видовъ Leucanthemum и ему трудно себѣ представить, какъ можно смѣшать эти растенія; разсматривая растеніе самое короткое время, онъ воспринялъ образъ его во всѣхъ подробностяхъ, онъ видѣлъ и его полушаровидное цвѣтоложе, непохожее на коническое цвѣтоложе ромашки, и листья съ рѣдкими зубцами, но вовсе не раздѣленными, какъ у ромашки, и т. д. и т. д. Мало того, онъ замѣтилъ еще, что листья этого экземпляра ненормально слабо развиты и потому не выбросилъ его. Заинтересованный причиною этого явленія, онъ начинаетъ думать о немъ, соображаетъ, что оно должно быть обусловлено недостаткомъ влаги, но удивляется этому, такъ какъ знаетъ, что въ прежніе года это мѣсто, наоборотъ, всегда изобиловало ею; это затрудненіе вызываетъ въ немъ какую-то смутную эмоцію, въ головѣ являются обрывками разныя догадки, въ то же время онъ безотчетно оглядывается во всѣ стороны и вдругъ замѣчаетъ вырытую въ этомъ году канаву; этимъ все объясняется; онъ тотчасъ же успокоивается и удовлетворяется; въ сознаніи его всплываютъ другія мысли, ему вспоминается сосѣдъ, который провелъ эту канаву; это помѣщикъ, желающій повысить доходность своего имѣнія и постоянно толкующій о причинахъ упадка дворянскаго землевладѣнія въ Россіи; отсюда мысль А. переходитъ къ дворянству, какъ общественному классу, и т. д. Въ этомъ слож-

номъ примѣрѣ воспользуемся сначала его первою частью: образомъ растенія въ сознаніи двухъ товарищей. Исходный пунктъ воспріятія у обоихъ былъ одинъ и тотъ же, а между тѣмъ конечный результатъ по истеченіи трехъ секундъ оказался безконечно различнымъ: у одного явился неисчерпаемо богатый индивидуальными подробностями образъ, а у другого довольно хаотичная смутная картина, такъ какъ смѣшеніе ромашки съ Leucanthemum произошло не только вслѣдствіе смутности воспоминанія о ромашкѣ, но и вслѣдствіе недостатковъ воспріятія. Разница между этими двумя воспріятіями главнымъ образомъ состоитъ въ слѣдующемъ: одно изъ нихъ оказывается расчлененнымъ на множество частей, рѣзко отличающихся другъ отъ друга, тогда какъ въ другомъ части сливаются; мало того, въ одномъ изъ воспріятій каждая изъ этихъ частей индивидуализирована еще и въ томъ смыслѣ, что отличается отъ подобныхъ частей другихъ растеній, напр. цвѣтоложе воспринимается, какъ шаровидное, а въ другомъ изъ воспріятій этой опредѣленности нѣтъ. Для насъ особенно важно то, что смутный образъ, полученный Б., составляетъ также начальный пунктъ воспріятія А. Въ этомъ смыслѣ мы говорили, что у нихъ исходный пунктъ одинъ и тотъ же. Путемъ самонаблюденія легко подмѣтить, что первоначальныя стадіи воспріятія всегда бываютъ смутными, недостаточно индивидуализированными. Это явленіе еще недостаточно полно изслѣдовано, но и то, что есть, говоритъ въ нашу пользу. Сошлемся, напримѣръ, на интересное изслѣдованіе проф. Н. Ланге по этому вопросу. Конечные результаты воспріятія также могутъ оказаться очень сходными, если попросить Б. разсмотрѣть растеніе во всѣхъ подробностяхъ и дать ему на это много времени. Итакъ, повидимому, разница между этими двумя воспріятіями заключается не въ основномъ «данномъ» матеріалѣ, а въ обработкѣ его, въ перемѣнахъ, возникающихъ подъ вліяніемъ вниманія и другихъ «моихъ» дѣятельностей. Какія же это дѣятельности? Если попросить Б. разсмотрѣть растеніе хорошенько и подробно описать его, то онъ начнетъ, обращая вниманіе на разныя части растенія, различать ихъ, что возможно не иначе, какъ путемъ нахожденія и сходствъ, и различій, и дастъ дѣйствительно хорошее описаніе разныхъ частностей, напр., формы волосковъ, только въ томъ случаѣ, если раз-

смотритъ нѣсколько другихъ растеній: иначе положительно невозможно охватить массу мелкихъ подробностей. А. чрезвычайно быстро производитъ это различеніе, въ его сознаніи какъ-будто безъ труда возникаетъ отчетливый образъ растенія. Однако эта легкость не должна вводить насъ въ заблужденіе: такой образъ растенія не самъ собою существуетъ въ его знаніи; до пріобрѣтенія этой способности онъ внимательно и настойчиво разсматривалъ сотни растеній и обогатилъ свою память множествомъ формъ. Эти дѣятельности сравненія относились къ числу «моихъ», и результаты ихъ настолько усвоены памятью, что нерѣдко всплываютъ въ сознаніи, какъ «данные»; потому-то, воспринимая отчетливый образъ растенія, А. затрачиваетъ теперь очень мало усилій. Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ различіяхъ, которыя происходятъ отъ присоединенія идей, по существу далекихъ отъ образа растенія, но связанныхъ по ассоціаціи съ нимъ, напр., не о словахъ полушаровидный, описывающихъ форму цвѣтоложа, а о самомъ *образѣ* Leucanthemum, который послѣ многочисленныхъ дѣятельностей сравненія и различенія рисуется иначе, чѣмъ до этихъ дѣятельностей. Это измѣненіе образа тоже нужно объяснять обогащеніемъ его различными идеями, ассоціированными благодаря процессамъ сравненія, но эти ассоціаціи имѣютъ вовсе не внѣшній характеръ; онѣ не присоединяются такъ поверхностно, какъ слово полушаровидный, а органически срастаются съ образомъ. Если пользоваться терминологіею Вундта, то ихъ нужно отнести къ числу ассимилированныхъ идей.

Ту же самую мысль можно подтвердить еще слѣдующими соображеніями. Даже и самое примитивное состояніе, напр., воспріятіе бѣлаго цвѣта, если оно относится къ числу интеллектуальныхъ состояній, именно если мы воспринимаемъ его, какъ «этотъ опредѣленный цвѣтъ», необходимо должно быть уже состояніемъ сложнымъ: чтобы воспринимать цвѣтъ, какъ «этотъ опредѣленный цвѣтъ», отличать его отъ всѣхъ другихъ содержаній сознанія и цвѣтовъ; но различеніе можетъ производиться не иначе, какъ тогда, если въ сознаніи есть нѣсколько состояній, отличаемое и то, отъ чего оно отличается.

Однако эти другія состоянія, на фонѣ которыхъ *выдѣляется* нами воспринимаемое, остаются въ туманѣ, да это и не удиви-

тельно: мы заняты познаваніемъ не ихъ, а того, что̀ выдѣляемъ изъ среды ихъ. Но если этотъ фонъ исчезнетъ, если одно какое-либо состояніе сознанія овладѣетъ всею областью душевной жизни, оно совершенно утрачиваетъ характеръ познанія. Такъ бываетъ въ случаяхъ экстаза или тогда, когда какая-либо сильная эмоція, напр. гнѣвъ, овладѣваетъ нами всецѣло.

Пока гнѣвъ не вытѣснилъ всѣхъ другихъ состояній, мы все еще воспринимаемъ его такъ же, какъ воспринимаемъ, напр., бѣлый цвѣтъ, мы сознаемъ свое состояніе, какъ «это опредѣленное состояніе»; но когда онъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ, когда всякая интеллектуальная дѣятельная обработка состояній сознанія исчезаетъ, мы теряемъ всякое *представленіе* о томъ бурномъ состояніи, которое переживаемъ. Мало того, и при наличности другихъ душевныхъ явленій мы съ большимъ трудомъ познаемъ тѣ содержанія сознанія, условія возникновенія которыхъ не благопріятствуютъ ихъ различенію, напр., осязая мокрый, холодный и твердый предметъ, трудно различить эти ощущенія, и вообще трудно отдѣлить осязательныя ощущенія отъ температурныхъ, потому что они всегда сопутствуютъ другъ другу. Точно также трудно распознать психическія состоянія, чрезвычайно распространенныя въ нашей душевной жизни и не сопутствуемыя контрастирующими явленіями; таково, напр., чувствованіе активности, всегда одинаковое по качеству и измѣняющееся лишь по интенсивности. До тѣхъ поръ, пока мы не обратимъ вниманія на эти состоянія сознанія, пока мы не выдѣлимъ ихъ, т.-е. не *произведемъ работу* различенія и отожествленія, нельзя сказать, что у насъ есть знаніе о нихъ, что мы воспринимаемъ такія ощущенія и чувствованія такъ же, какъ «этотъ опредѣленный цвѣтъ».

Въ психологіи давно уже укоренилось ученіе о томъ, что знаніе возникаетъ лишь, какъ результатъ сравненія, т.-е. различенія и отожествленія, для которыхъ, конечно, нужна еще и память, т.-е. воспроизведеніе прежде пережитыхъ состояній, служащихъ матеріаломъ для сравненія. Однако, прямой выводъ отсюда, что всякое знаніе должно быть *не первичнымъ*, а *вторичнымъ* состояніемъ сознанія, что оно должно заключать въ себѣ познаваемый матеріалъ и знаніе о немъ, какъ результатъ сравненія, недостаточно обращаетъ на себя вниманіе, недоста-

точно использованъ въ психологіи. Еще когда идетъ рѣчь о такихъ состояніяхъ, какъ эмоціи, напр., гнѣвъ, легко соглашаются съ тѣмъ, что переживаніе гнѣва и знаніе о немъ не одно и то же. Не вызываютъ особенныхъ сомнѣній въ этомъ отношеніи и смутныя органическія ощущенія, напр., ощущенія въ пищеводѣ, желудкѣ, сердцѣ и т. п. Но примѣнить этотъ выводъ къ ощущеніямъ органовъ высшихъ чувствъ рѣшится уже не всякій психологъ: въ очень многихъ психологіяхъ, напр., *ощущеніе* бѣлаго цвѣта, какъ простое состояніе сознанія, относится къ разряду познавательныхъ состояній, между тѣмъ, если мы правы, надобно признать, что всякое такое ощущеніе, подобно эмоціи гнѣва или чувствованію удовольствія, есть *не интеллектуальная переливна* въ сознаніи, но она можетъ послужить *матеріаломъ* для знанія, можетъ войти въ познавательный процессъ, если сдѣлается предметомъ вниманія, сравненія и т. п.

Мы полагаемъ, что эта мысль недостаточно распространена въ психологіи по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, опознаніе ощущеній органовъ высшихъ чувствъ сдѣлалось для насъ настолько *привычнымъ* актомъ, что мы не замѣчаемъ усилій, затрачиваемыхъ на него, и воспріятіе «этого опредѣленнаго ощущенія» кажется намъ состояніемъ простымъ; къ тому же у взрослаго человѣка это опознаніе, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ происходитъ за предѣлами его я, такъ что результаты его кажутся «данными», и только въ исключительныхъ случаяхъ этотъ актъ распадается на рядъ процессовъ въ сферѣ я, доступныхъ наблюденію. Намъ случилось произвести такое наблюденіе, участвуя въ опытахъ надъ цвѣтовыми контрастами; опыты состояли въ томъ, что испытуемый субъектъ воспринималъ въ теченіе очень короткаго времени вращающійся дискъ, на периферіи и въ центрѣ котораго находился индуцирующій цвѣтъ большей или меньшей интенсивности, а посрединѣ чистый бѣлый цвѣтъ большей или меньшей интенсивности или же бѣлый цвѣтъ съ примѣсью индуцирующаго; фиксируя какую-либо среднюю точку средней полосы, нужно было опредѣлить ея цвѣтъ; такъ какъ оттѣнки цвѣтовъ получались при этомъ довольно непривычные, и воспріятіе продолжалось очень короткое время, то ясно было, что сознаваніе «этого опредѣленнаго состоянія» — мы говоримъ объ опредѣленности зрительнаго образа, а не о появленіи въ

сознаніи названія и т. п. внѣшнихъ для образа идей,—есть явленіе вторичное, возникающее вслѣдъ за появленіемъ просто состоянія сознанія, которое мало-по-малу путемъ сознаваемыхъ усилій опредѣляется нами. Во-вторыхъ, ощущенія органовъ высшихъ чувствъ *имѣютъ въ нашемъ душевномъ обиходѣ смыслъ* только постольку, *поскольку служатъ матеріаломъ для знанія*, тогда какъ другія состоянія, напр., гнѣвъ, имѣютъ смыслъ и помимо знанія; поэтому намъ трудно согласиться, что ощущенія, какъ и эмоціи, вовсе не суть познавательныя состоянія. Наконецъ, въ-третьихъ, психологія и до сихъ поръ сохраняетъ чрезмѣрную склонность къ интеллектуализму. Впрочемъ, объ интеллектуализмѣ въ современной психологіи и причинахъ распространенности его мы поговоримъ подробнѣе въ концѣ этого отдѣла.

Если мы правы, то сфера сознанія далеко не исчерпывается познавательными процессами. Каждое познавательное состояніе есть результатъ опознанія состояній сознанія, которыя до этого не заключали въ себѣ знанія, значитъ, такихъ неопознанныхъ состояній сознанія во всякомъ случаѣ есть столько, сколько есть актовъ опознанія; но этого мало: многія состоянія остаются вовсе неопознанными, и кромѣ того, всякое опознанное состояніе должно заключать въ себѣ неопознанные элементы уже потому, что самый актъ опознанія есть *новое состояніе сознанія*, которое требуетъ *спеціальнаго акта* для того, чтобы быть опознаннымъ, а если такой актъ опознанія совершившагося процесса опознанія и совершится, то для этого новаго акта нужно спеціальное опознаніе и т. д. Такого новаго акта не нужно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы былъ правъ крайній интеллектуалистъ Спиноза, утверждающій, что всякое состояніе сознанія есть не только *idea*, но и *idea ideae*. Возражать противъ насъ можетъ лишь тотъ, кто думаетъ, что всякое состояніе сознанія есть само по себѣ уже знаніе, т.-е. тотъ, кто отожествляетъ сознаніе и знаніе; наоборотъ, всякій, кто согласенъ съ тѣмъ, что въ актѣ знанія нужно различать матеріалъ для знанія (состояніе сознанія) и опознаніе его, долженъ допускать существованіе неопознанныхъ состояній сознанія, такъ какъ опознаніе по самому характету своему (различеніе, отожествленіе) есть явленіе вторичное, надстраивающееся надъ матеріаломъ, который

и безъ него можетъ и долженъ существовать. Для поясненія этого мы воспользуемся второю частью своего примѣра, приведеннаго раньше. Ботаникъ А., спрятавъ растеніе, задумался о причинахъ ненормальнаго развитія листьевъ его; у него явилось нѣсколько неправильныхъ догадокъ, которыми онъ не удовлетворился, какая-то эмоція; онъ сталъ безотчетно оглядываться, увидѣлъ канаву, рѣшилъ вопросъ, успокоился, задумался о помѣщикѣ, о его взглядахъ на сельское хозяйство въ Россіи, потомъ перешелъ къ мысли о дворянствѣ и т. д. Въ его душѣ явился рядъ состояній сознанія, рядъ мыслей, эмоцій, чувствованій (неудовлетвореніе, удовлетвореніе), стремленій (напр., во время исканія отвѣта) и т. д. Мало того, этотъ рядъ вовсе не состоитъ изъ разрозненныхъ членовъ, внѣшне присоединенныхъ другъ къ другу, какъ колья частокола; это *непрерывный процессъ*, подобный, напр., процессу движенія какой-нибудь вѣточки дерева, увлеченной стремительнымъ ручьемъ; нѣкоторыя положенія этой вѣточки, то всплывающей на поверхность, то погружающейся подъ воду, особенно обращаютъ на себя вниманіе, выдѣляются нами, но никто не скажетъ, что промежутки между этими состояніями не связаны тѣмъ же процессомъ движенія. То же самое необходимо сказать и о процессѣ въ сознаніи: выдающіяся точки его (напр., разныя догадки о причинахъ ощущенія, воспріятіе канавы и т. п.) всѣ связаны съ однимъ и тѣмъ же приводящимъ къ отвѣту на вопросъ токомъ промежуточными звеньями, состоящими изъ чувствованій исканія, согласія или противорѣчія, неудовлетворенія, заставляющаго отвлечь опять вниманіе отъ всплывшей идеи и т. п., при чемъ самое возниканіе или потуханіе состоянія сознанія (догадки, воспріятія канавы) также есть процессъ, пробѣгающій рядъ стадій развитія. Между тѣмъ очень немногіе люди знаютъ о существованіи такого непрерывнаго процесса и подмѣчаютъ связующія звенья. Можно сказать, что на это способны только спеціалисты-психологи, постоянно сравнивающіе и сопоставляющіе ихъ, да и то, обыкновенно, процессъ въ цѣломъ опознается не одновременно съ теченіемъ его, а по свѣжему воспоминанію. Напр., если ботаникъ-психологъ А. интересуется неожиданными переходами мысли отъ одного предмета къ другому и привыкъ уже дѣлать наблюденія въ этомъ родѣ, онъ, дойдя до мысли о дворянствѣ, почти навѣрное спо-

хватится, почувствуетъ, что въ его сознаніи разыгрался процессъ, интересный для него, и мысленно вернется назадъ, чтобы повторить его въ воспоминаніи. При этомъ онъ будетъ воспринимать весь процессъ, какъ «этотъ опредѣленный процессъ», т.-е. какъ процессъ, состоящій изъ «этихъ опредѣленныхъ членовъ» (чтобы ясно себѣ представить, что это значитъ, нужно особенно обратить вниманіе на перемѣну, которая произойдетъ при этомъ съ эмоціями и чувствованіями), находящихся въ такомъ-то временномъ порядкѣ (мы говоримъ опять не объ опредѣленіяхъ порядка словами, а о самомъ *образѣ* этого порядка) и цѣпляющихся другъ за друга такъ-то. Несомнѣнно этотъ процессъ существовалъ въ сознаніи психолога А. до акта воспоминанія и опознанія; точно также несомнѣнно подобные процессы развиваются постоянно въ сознаніи не-психологовъ, которые однако въ теченіе всей своей жизни, обыкновенно, ни разу не *воспринимаютъ ихъ, какъ такой непрерывный процессъ*. Слѣдовательно, такой процессъ есть состояніе сознанія, не сопровождающееся знаніемъ, и если знаніе о немъ возникаетъ, то оно заключаетъ въ себѣ это состояніе сознанія, дополненное нѣкоторыми новыми состояніями, результатами акта опознанія.

Однако и это познавательное состояніе опять заключаетъ въ себѣ неопознанныя состоянія сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, опознавая процессы своего сознанія, ботаникъ А. почти навѣрное обращалъ вниманіе только на *содержаніе* опознаваемыхъ явленій, а не на самый *актъ* опознанія, который остался такимъ образомъ неопознаннымъ; для того, чтобы опознать и его, т.-е. чтобы знать о своей дѣятельности сосредоточенія вниманія, сравненія, различенія и т. п., нужно въ свою очередь и на ней сосредоточить вниманіе, отличить ее отъ другихъ дѣятельностей и т. д. Очевидно, эти акты пришлось бы повторять безъ конца, если бы мы захотѣли опознать каждый актъ опознанія. Такъ какъ это невозможно, то уже по этой причинѣ необходимо признать, что въ каждомъ познавательномъ состояніи есть неопознанные элементы. Впрочемъ, кромѣ этого есть еще гораздо болѣе важныя причины существованія неопознанныхъ состояній, обусловливающія чрезвычайную распространенность ихъ.

Мы уже говорили о нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., о томъ, что опознаніе возможно лишь тогда, если въ сознаніи есть нѣ-

сколько состояній, а также о томъ, что оно облегчается присутствіемъ контрастирующихъ состояній. Эти причины можно было бы перечислить съ исчерпывающею полнотою, если бы въ психологіи существовало полное ученіе о процессѣ опознанія, особенно о томъ, *изъ какихъ актовъ* онъ складывается. Вѣроятно, онъ состоитъ не только изъ актовъ сосредоточенія вниманія, припоминанія (сходныхъ случаевъ), различенія и отожествленія. Однако этотъ вопросъ составляетъ тему спеціальнаго отдѣла психологіи, и потому мы не будемъ разрабатывать его. Укажемъ лишь на одну изъ причинъ недостаточности опознанія, интересную съ волюнтаристической точки зрѣнія. Опознаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно совершается въ отношеніи къ необычнымъ явленіямъ, есть типичный «мой актъ», заключающій въ себѣ стремленія (сравнить, вспомнить и т. п.), чувствованіе активности и перемѣну, связанную съ чувствованіемъ удовлетворенія. Конечно, очень знакомыя явленія, опознаваемыя нами ежедневно, не требуютъ такого труда: достаточно бываетъ сосредоточить на нихъ вниманіе, чтобы они явились уже въ фиксаціонной точкѣ сознанія въ опознанномъ видѣ; изъ этого однако не слѣдуетъ, что *вначалѣ* опознаніе ихъ не было также «моимъ актомъ». Если такъ, то опознанными должны оказываться тѣ состоянія, къ опознанію которыхъ мы *стремимся*, опознаніе которыхъ представляетъ *интересъ* на теперешней ступени нашего развитія. Первоначальныя настоятельныя потребности нашей жизни требуютъ умѣнія быстро опознавать данныя сознанія, относящіяся къ внѣшнему физическому міру, цвѣта, звуки, формы и т. п. Гораздо менѣе важно для практическихъ повседневныхъ цѣлей опознаніе психическихъ состояній, *какъ таковыхъ*. Соотвѣтственно этому и знаніе о нихъ гораздо менѣе распространено. Очень многіе люди, можно сказать, не знаютъ о томъ, что у нихъ есть душевныя состоянія, и склонны къ матеріализму именно потому, что знаютъ только физическій міръ. Мало того, всякое явленіе въ сознаніи развивается, какъ сплошной непрерывный процессъ (стадіи развитія воспріятія, воспоминанія, умозаключенія и т. п.); для повседневныхъ цѣлей важны главнымъ образомъ заключительныя стадіи этихъ процессовъ (отчетливое воспріятіе, результатъ припоминанія, выводъ и т. п.) и можно сказать, что только эти заключительныя стадіи процессовъ и опознаются нами. Самое же

развитіе этихъ процессовъ опознается только спеціалистами-психологами, да и то далеко не всѣми. Можно сказать, что и среди психологовъ только геніальные наблюдатели способны бываютъ впервые опознать нѣкоторыя явленія сознанія и указать на нихъ, послѣ чего, конечно, уже не трудно и другимъ спеціалистамъ совершить этотъ актъ опознанія. Здѣсь достаточно указать, напр., на отмѣченные Джемсомъ «обертоны», смутныя состоянія сознанія, предшествующія всякой фразѣ, заготовляемой нами въ отвѣтъ на поставленный вопросъ, всякой мысли, умозаключенію и т. д. Такую же трудную работу опознанія нужно будетъ произвести въ отношеніи наиболѣе абстрактныхъ понятій, относительно которыхъ психологи, обыкновенно, придерживаются номиналистическаго ученія, именно утверждаютъ, что имъ не соотвѣтствуетъ специфическое содержаніе сознанія, что, мысля этими понятіями, мы имѣемъ въ сознаніи лишь обозначающія ихъ слова, которыя управляютъ дальнѣйшимъ теченіемъ идей по ассоціаціи. Между тѣмъ несомнѣнно, что слово, имѣющее для насъ значеніе, хотя бы оно обозначало самое абстрактное понятіе, и слово, лишенное значенія, воспринимаются нами совершенно различно, и это различіе приходится объяснить добавочными, въ первомъ случаѣ, состояніями сознанія, которыя чрезвычайно трудно опознать. Если принять въ расчетъ, какъ много есть такихъ состояній, сопровождающихъ чувственный образъ слова, или какъ много есть состояній въ родѣ обертоновъ Джемса, то придется согласиться, что наше сознаніе есть въ каждый данный моментъ цѣлый океанъ состояній, въ которомъ намъ извѣстны только небольшіе островки, и работа опознанія извлечетъ изъ нѣдръ этого океана такія чудеса, какія и не снятся мудрецамъ, несмотря на то, что многія изъ этихъ чудесъ разыгрываются въ самомъ нашемъ я и создаются самимъ этимъ я, однако создаются въ процессѣ жизни я, не освѣщенной знаніемъ.

Итакъ, на вопросъ, поставленный въ началѣ главы, полученъ слѣдующій отвѣтъ: сознаніе и знаніе не тожественны, такъ какъ возможны неопознанныя состоянія сознанія. При томъ неопознанными могутъ быть какъ непсихическія, такъ и психическія содержанія сознанія.

Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ тотчасъ же возникаетъ новый вопросъ. Многіе психологи утверждаютъ, что существуютъ без-

сознательныя психическія явленія. Нельзя ли обойтись безъ страннаго понятія «психическаго безсознательнаго»? Нельзя ли утверждать, что вся психическая жизнь состоитъ изъ двухъ разрядовъ явленій, изъ опознанныхъ и неопознанныхъ состояній сознанія, причемъ неопознанныя состоянія и составляютъ ту область, о которой упомянутые психологи говорятъ, какъ о психическомъ безсознательномъ? На этотъ вопросъ тѣмъ легче отвѣтить утвердительно, что главная отличительная черта предполагаемыхъ безсознательныхъ психическихъ состояній также заключается въ ихъ неопознанности, и потому естественно возникаетъ предположеніе, не называютъ ли многіе психологи безсознательнымъ психическимъ процессомъ то, что мы называемъ словомъ неопознанный психическій процессъ.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы разсмотримъ различныя ученія о психической безсознательной жизни и постараемся показать, что они въ самомъ дѣлѣ охватываются нашимъ понятіемъ неопознанныхъ психическихъ процессовъ и что въ большинствѣ случаевъ они фактически имѣютъ въ виду разницу между опознанными и неопознанными психическими состояніями, но опредѣляютъ ее сбивчиво и неясно, потому что исходятъ изъ ложнаго отожествленія сознанія и знанія.

II. Ученія о психическомъ безсознательномъ.

Многочисленныя ученія о психическомъ безсознательномъ возникли потому, что причинная цѣпь опознанныхъ психическихъ явленій заключаетъ въ себѣ пробѣлы. Всѣ эти ученія перескакиваютъ черезъ понятіе неопознаннаго состоянія сознанія, потому что не различаютъ понятій знанія и сознанія. Вслѣдствіе этого въ нихъ является сбивчивость и неясность, затрудняющая ихъ классификацію. Однако разсматривать ихъ всѣ нѣтъ никакой возможности, и потому мы, хотя бы и насильственно, попытаемся систематизировать ихъ.

Такъ какъ въ опытѣ даны только сознаваемыя психическія явленія, то a priori можно предвидѣть, что ученія о психическомъ безсознательномъ могутъ имѣть какое-нибудь положительное содержаніе, т.-е. построить понятіе безсознательнаго, хотя сколько-нибудь соотвѣтствующее опыту и полезное для объясненія явленій, только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ.

I. Если подъ безсознательными психическими явленіями они разумѣютъ *такія же по составу* явленія, какъ и всѣ сознательныя, но въ нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ; или:

II. Если подъ безсознательными психическими явленіями они разумѣютъ, какъ и мы, неопознанныя состоянія сознанія (но не развиваютъ во всѣхъ подробностяхъ ученія, отстаиваемаемаго нами, такъ какъ все же продолжаютъ смѣшивать сознаніе и знаніе).

Первый классъ можетъ заключать въ себѣ только слѣдующія двѣ группы:

1. Ученія, разумѣющія подъ безсознательными состояніями психическіе процессы, совершенно такіе же по составу, какъ и сознательные процессы какого-либо я, но разыгрывающіеся въ другомъ я (напр., въ спинномъ мозгу и т. п.) и потому не сознаваемые первымъ я; иными словами, это относительно безсознательные процессы: они сознательны для того я, въ которомъ происходятъ, но не сознаются другимъ я (о такомъ относительно безсознательномъ говорятъ, напр., Горвицъ, Гартманъ, Вундтъ).

2. Ученія, разумѣющія подъ безсознательными состояніями психическіе процессы, совершенно такіе же по составу, какъ и сознательные, но отличающіеся отъ нихъ по интенсивности, именно слишкомъ мало интенсивные (напр., ученіе Лейбница, Бенеке).

Ко второму классу относятся ученія, разумѣющія подъ безсознательнымъ неопознанное, но все же смѣшивающія знаніе и сознаніе; поэтому въ нихъ отдѣленіе неопознанныхъ состояній отъ опознанныхъ производится почти всегда сбивчиво и неполно: обыкновенно, берется какая-либо группа психическихъ явленій, явно не заключающихъ въ себѣ знанія, и заносится въ разрядъ безсознательнаго, а все остальное причисляется къ области сознанія. Поэтому ихъ можно разбить на слѣдующія двѣ группы:

1. Ученія, разумѣющія подъ безсознательнымъ всѣ неопознанныя состоянія сознанія.

2. Ученія, разумѣющія подъ безсознательнымъ какой-либо видъ неопознанныхъ состояній сознанія.

Само собою разумѣется, ученій, входящихъ въ послѣднюю группу, очень много и они очень разнообразны. Напр., одни разумѣютъ подъ безсознательнымъ первоначальныя стремленія, если

они развиваются, не встрѣчая препятствій (Фортлаге), другіе относятъ къ области безсознательнаго первоначальные акты духа, служащіе условіемъ знанія и потому не заключающіе его въ себѣ (Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауеръ), третьи разумѣютъ подъ безсознательнымъ различныя формы творческой активности вообще (Гартманъ, Дильти, I. Г. Фихте) и т. п.

Слѣдующая таблица выражаетъ эту классификацію.

I. Безсознательное качественно одинаково съ сознательнымъ.	1. Безсознательное = сознаніе другихъ я. 2. Безсознательное = мало интенсивное сознательное.
II. Безсознательное качественно отличается отъ сознательнаго.	1. Безсознательное = всѣ неопознанныя состоянія сознанія. 2. Безсознательное = какой-либо видъ неопознанныхъ состояній сознанія.

Конечно, многіе психологи признаютъ нѣсколько видовъ безсознательнаго и потому комбинируютъ ученія, относящіяся къ различнымъ отдѣламъ. Напр., Гартманъ различаетъ относительно и абсолютно безсознательное.

Ученіе объ относительно безсознательномъ, т.-е. попытка заполнить пробѣлы въ причинной цѣпи опознанныхъ явленій нашей душевной жизни состояніями сознанія другихъ я, имѣетъ, конечно, полное право на существованіе и должна входить во всякое ученіе о психической жизни. Однако она достигаетъ своей цѣли только въ томъ случаѣ, если осложняется ученіемъ о неопознанныхъ состояніяхъ сознанія, т.-е. различеніемъ сознанія и знанія. Въ самомъ дѣлѣ тотъ, кто признаетъ существованіе только опознанныхъ состояній сознанія, не можетъ пользоваться гипотезою относительно безсознательнаго какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда больше всего нуждается въ ней, напр. тогда когда нужно объяснить возникновеніе воспріятій, воспоминаній, или различныхъ чувствованій и стремленій, обусловленныхъ состояніемъ симпатической нервной системы и внутренностей: такому психологу пришлось бы допустить существованіе знанія въ такихъ низшихъ центрахъ, какъ спинной мозгъ, узлы симпати-

ческой нервной системы и т. п. Такъ какъ это невозможно, то пользоваться гипотезою относительно безсознательнаго въ подобныхъ случаяхъ можетъ лишь тотъ психологъ, который допускаетъ болѣе примитивныя состоянія, чѣмъ наши познавательныя, именно состоянія сознанія, не сопровождающіяся знаніемъ о нихъ: въ большинствѣ случаевъ только такія неопознанныя состоянія и можно допустить въ низшихъ центрахъ. Но разъ сдѣланъ этотъ шагъ, то нѣтъ никакихъ основаній не допускать существованія неопознанныхъ психическихъ состояній также и въ высшемъ центрѣ, т.-е. въ человѣческомъ я.

Ученіе о томъ, что безсознательное есть мало интенсивное сознаніе, не выдерживаетъ критики какъ въ томъ случаѣ, если подъ сознаніемъ разумѣть знаніе, такъ и въ томъ случаѣ, если расширить это понятіе. Въ первомъ случаѣ стоитъ только замѣнить терминъ сознаніе терминомъ знаніе, т.-е. сказать «безсознательное есть мало интенсивное знаніе», чтобы тотчасъ же почувствовать, что это нелѣпое утвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, знаніе есть результатъ сосредоточенія вниманія, сопоставленія, различенія и т. п.; эти акты и матеріалъ, обрабатываемый ими, могутъ быть неполными, ошибочными, болѣе или менѣе интенсивными и т. п., но во всякомъ случаѣ, *если они осуществились*, то возникаетъ та соотнесенность состояній сознанія, которая составляетъ специфическую черту знанія; если же они не осуществились, то мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ то отличающимся отъ знанія по составу, а не по интенсивности только. Если же въ понятіе сознанія включать и неопознанныя состоянія, то тогда мало интенсивныя состоянія, относимыя къ области безсознательнаго, окажутся не чѣмъ инымъ, какъ мало интенсивными неопознанными состояніями сознанія. Таковы примѣры, приводимые Лейбницемъ,—шумъ отдѣльныхъ капель моря, привычный шумъ мельничнаго колеса, *не привлекающій* больше къ себѣ *вниманія* и т. п. При этомъ совершенно непонятно, зачѣмъ выдѣлять мало интенсивныя неопознанныя состоянія въ особую группу отъ интенсивныхъ (напр. отъ неопознанныхъ состояній сильнаго гнѣва, экстаза, полового чувства и т. п.). Впрочемъ, такого раздѣленія и не станетъ дѣлать тотъ, кто въ понятіи сознанія отчетливо различаетъ знаніе и неопознанныя состоянія. Разсматриваемое нами ученіе возникаетъ именно тогда, когда психологъ, обративъ

вниманіе на классъ неопознанныхъ состояній, не замѣчаетъ, что отличительная черта его заключается въ неопознанности, а ищетъ ее въ чемъ-либо другомъ и находитъ ее, напр., въ слабой интенсивности, такъ какъ дѣйствительно мало интенсивныя состоянія *очень часто* остаются неосвѣщенными знаніемъ. Таково происхожденіе ученія о безсознательномъ у Лейбница. Къ области безсознательнаго онъ относитъ perceptions petites, мало интенсивныя психическія состоянія, которыхъ въ нашей душѣ всегда безчисленное количество, во-первыхъ потому, что ежесекундно *весь міръ* со всѣми его явленіями присутствуетъ въ нашей душѣ, однако апперципируется лишь незначительная часть его, а, во-вторыхъ, потому что grandes perceptions и appetits сложены изъ petites perceptions и inclinations [1]). Если perceptions petites слагаются, напр., если слабыя дѣйствія лучей солнца или отдѣльныхъ колебаній воздуха сконцентрировываются благодаря приспособленіямъ въ такихъ органахъ, какъ глазъ или ухо, то дѣйствіе ихъ усиливается и они становятся сознательными [2]). Основываясь на этихъ разсужденіяхъ и примѣрахъ Лейбница, можно подумать, будто бы онъ видитъ разницу между сознательнымъ и безсознательнымъ *лишь въ интенсивности*. Но на самомъ дѣлѣ это было бы невѣрно: говоря о безсознательныхъ перцепціяхъ, онъ постоянно прибавляетъ, что это состоянія, которыхъ мы не замѣчаемъ, на которыя не обращаемъ вниманія, которыя не вспоминаются и не заключаютъ въ себѣ connaissance reflexive, составляющаго характерную особенность апперцепціи [3]). Слѣдовательно, кромѣ разницы въ интенсивности, есть еще гораздо болѣе важное качественное различіе. Недостатокъ интенсивности есть лишь условіе, затрудняющее вниманіе, но и то оно не единственное: очень часто Лейбницъ говоритъ о безсознательномъ, какъ о спутанномъ, неразличенномъ, вовсе не упоминая объ интенсивности, такъ что для него существенный признакъ безсознательнаго, повидимому, заключается въ томъ, что оно не опознано монадою. Впрочемъ, это ученіе изложено у Лейбница сбивчиво, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ раціоналистъ, проявлялъ наклонность

---

[1]) Lettre à M-eur de Montmort, II.
[2]) Principias de la Nature et de la Grace, 25.
[3]) Principia philosophiae, 14.

разумѣть подъ всякимъ состояніемъ сознанія знаніе. Однако замѣчательно, что именно его отдаленные послѣдователи, связанные съ нимъ посредствомъ Лотце, развили ученіе о различіи между сознаніемъ и знаніемъ. Мы имѣемъ въ виду Тейхмюллера, Козлова и Аскольдова [1]); впрочемъ они развивали свои взгляды на этотъ вопросъ для цѣлей теоріи знанія и потому мы не будемъ заниматься здѣсь разсмотрѣніемъ ихъ.

Утвержденіе, что сознаніе отличается отъ безсознательнаго только интенсивностью, гораздо опредѣленнѣе выражено въ психологіи Бенеке. По его мнѣнію ощущенія, напр., возникаютъ такимъ образомъ: сначала подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій возникаютъ однородныя безсознательныя психическія состоянія; при каждомъ новомъ соотвѣтствующемъ раздраженіи эти прежнія безсознательныя состоянія воспроизводятся, комбинируясь, и, слѣдовательно, становясь болѣе интенсивными; это увеличеніе интенсивности и приводитъ рано или поздно къ сознательности ихъ. Для Бенеке сознаніе есть лишь «Stärke des psychischen Seins» [2]).

Возраженія, приведенныя нами выше противъ всякаго ученія о томъ, что безсознательное есть мало интенсивное сознательное, имѣютъ силу, конечно, и противъ Бенеке.

Гораздо болѣе распространены въ психологіи ученія о томъ, что безсознательное отличается отъ сознанія по качеству. Но мы уже говорили, что эти ученія могутъ дать какія-либо *положительныя свѣдѣнія* о безсознательномъ и не выходятъ *за сферу опыта* только въ томъ случаѣ, если разумѣть подъ безсознательнымъ неопознанныя *состоянія сознанія* или какую-либо наиболѣе распространенную группу ихъ. Конечно, терминъ бозсознательное является на сцену потому, что эти ученія болѣе или менѣе явно отождествляютъ сознаніе съ знаніемъ. Сюда относятся всѣ ученія, утверждающія, что сознаніе есть возвращеніе къ себѣ, сосредоточеніе на себѣ, что сознаніе существуетъ тогда, когда я существую для себя или міръ существуетъ для меня, что

---

[1]) Teichmüller. Die wirkliche und die scheinbare Welt. — 1882.

Козловъ. Свое Слово, 5 вып. Статья «Сознаніе Бога и знаніе о Немъ». Вопр. фил. кн. 29, 30.

Аскольдовъ. Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи. 1900.

[2]) Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft, 1877, 4 изд.

всякое сознаніе есть сознаніе объекта въ соотношеніи съ субъектомъ, что сознаніе есть вернувшаяся къ себѣ изъ инобытія идея, ставшая существовать не только въ себѣ, но и для себя и т. п. (напр., Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауеръ). Всѣ эти опредѣленія имѣютъ въ виду ту сопоставленность и опредѣленность психическихъ явленій, которою характеризуется знаніе, и всѣ они *предполагаютъ* существованіе болѣе простыхъ состояній—состоянія не вернувшагося къ себѣ, не сосредоточеннаго на себѣ, идеи въ себѣ, идеи въ формѣ инобытія и т. п., которыя мы называемъ неопознанными.

Въ большинствѣ случаевъ къ области безсознательнаго психологи относятъ творческую активность (въ особенности акты, составляющіе условіе знанія, напр., синтезъ, заключающійся въ категоріяхъ) и стремленія (Іоганнъ Германъ Фихте, Фортлаге, Фолькманнъ, Гартманъ). Съ нашей точки зрѣнія этого и слѣдуетъ ожидать, такъ какъ первоначальныя стадіи дѣйствія или рѣдко опознаются или даже совсѣмъ не могутъ быть опознаны, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда они значительно предшествуютъ акту опознанія. Примѣромъ можетъ служить ученіе Фортлаге: по его мнѣнію, сознаніе отличается отъ безсознательнаго не степенью, а качествомъ: его можно сравнить съ свѣтомъ, а безсознательное съ тьмою, но tertium comparationis заключается здѣсь не въ чувствѣ Helligkeit, а въ существованіи различенности и вниманія; дѣятельности различенія и вниманія возникаютъ по поводу *задержаннаго* стремленія, влекущаго за собою колебаніе, сомнѣніе, сопоставленіе. Если же стремленіе ничѣмъ не задерживается, то оно безъ колебаній осуществляется, и весь процессъ остается безсознательнымъ [1]), т.-е. неопознаннымъ, сказали бы мы.

Гартманъ болѣе всего настаиваетъ на рѣзкомъ различіи между сознаніемъ и безсознательнымъ, а потому долженъ былъ бы указать какую-либо форму безсознательнаго, неподходящую подъ понятіе *неопознаннаго* состоянія *сознанія*: однако и онъ какъ Фортлаге, утверждаетъ, что сознаніе возникаетъ только тогда, когда воля встрѣчаетъ препятствіе [2]); «только стѣсненная, за-

[1]) Fortlage, System der Psychologie, I, § 7. Frage nach dem Wesen des Bewusstseins.—§ 11. Entcheidung der Bewusstseinsfrage.

[2]) Philosophie des Unbewussten, 10 изд., II, т., стр. 37.

держанная, повернутая назадъ, отброшенная къ себѣ, отраженная дѣятельность становится сознательною для себя» [1]), говоритъ онъ.

Термины Helligkeit, различенность, задержка стремленія, возвратъ его къ себѣ и т. п., примѣры, приводимые этими авторами, или, напр., у Гартмана опредѣленіе цѣнности сознанія для человѣческой жизни (предотвращеніе ошибокъ знанія, производимыхъ аффектами, устраненіе неосмотрительности и нерѣшительности, правильный выборъ средствъ для осуществленія цѣли, опредѣленіе воли соотвѣтственно не минутному аффекту, а принципу наибольшаго общаго личнаго счастія, правильный выборъ призванія и т. д. и т. д.) [2]) показываютъ, что подъ сознаніемъ они разумѣютъ знаніе и потому, строя понятіе безсознательнаго, они включаютъ въ него все то, что мы отнесли отчасти къ области неопознаннаго сознанія, напр., стремленія, процессы дѣятельности и т. п.

Намъ могутъ замѣтить, что сторонники ученій о безсознательномъ можетъ быть дѣйствительно включаютъ въ это понятіе неопознанныя состоянія сознанія, но кромѣ того еще указываютъ и на такія явленія, которыя совсѣмъ не похожи на сознаніе, хотя и относятся къ области психической жизни. Естественнѣе всего искать указанія на такія явленія у Гартмана, такъ какъ онъ чрезвычайно подробно перечисляетъ всѣ формы безсознательнаго. Однако всѣ указанныя имъ явленія, напр., безсознательное въ построеніи тѣла, въ инстинктѣ, въ половой любви, въ характерѣ и нравственности, въ эстетическомъ творчествѣ и т. д. [3]) не заключаетъ въ себѣ ничего *специфически* отличающагося отъ дѣятельности по опознаннымъ стремленіямъ, съ тою только разницею, что въ нихъ нѣтъ этой опознанности. Только одно качество, нерѣдко встрѣчающееся въ такъ называемыхъ безсознательныхъ процессахъ, можетъ побуждать къ признанію ихъ специфическаго отличія отъ сознанія: они совершаются какъ бы внѣ времени и составляютъ абсолютное сплошное единство, напр., въ

[1]) Die moderne Psychologie, стр. 81. См. также Philosophie des Unbewussten, 10 изд., II, стр. 494—496.

[2]) Philosophie des Unbewussten, 10 изд., I, отд. B. гл. XI, стр. 346—360.

[3]) Philosophie des Unbewussten, I. Theil Phänomenologie des Unbewussten.

интуитивныхъ умозаключеніяхъ посылки и выводы не слѣдуютъ другъ за другомъ, а какъ бы даны вмѣстѣ. Однако и это свойство безсознательнаго принадлежитъ тому, что мы называемъ сознаніемъ. Да мы и не имѣли бы объ этомъ свойствѣ никакого представленія, если бы состоянія сознанія, составляющія содержаніе знанія, не обладали имъ совсѣмъ. Правда, по мѣрѣ того, какъ цѣльное сплошное состояніе сознанія опознается, оно все болѣе утрачиваетъ свою цѣльность; подъ вліяніемъ процессовъ различенія оно все болѣе становится дискурсивнымъ и какъ бы растягивается во времени; однако тотъ, кто наблюдалъ за процессомъ опознанія, напр., умозаключенія, сначала совершившагося интуитивно (а, вѣрнѣе, они всѣ бываютъ сначала интуитивными), тотъ знаетъ что въ результатѣ получается въ дискурсивной формѣ содержаніе, не заключающее въ себѣ ничего специфически новаго. Мало того, если мы привыкнемъ къ какой-либо длинной цѣпи построеній, напр., хорошо знаемъ философскую систему Спинозы, мы пріобрѣтаемъ со временемъ способность охватывать ее мысленно почти мгновенно цѣликомъ, такъ что это цѣлое остается опознаннымъ, но въ то же время опять приближается по своимъ свойствамъ къ цѣльному безсознательному Гартмана. Поэтому у насъ нѣтъ никакихъ основаній допускать еще какую-либо форму психическихъ явленій, кромѣ неопознанныхъ и опознанныхъ *состояній сознанія*.

Сравнивая наши взгляды съ нѣкоторыми ученіями о безсознательномъ, намъ можетъ быть скажутъ, что мы занимаемся лишь перестановкою терминовъ: называемъ неопознаннымъ состояніемъ сознанія то, что другіе психологи окрестили именемъ безсознательное. На это можно отвѣтить, что даже и простая перестановка этихъ терминовъ была бы уже полезнымъ предпріятіемъ, такъ какъ она устраняетъ неудачный терминъ безсознательное: психическая жизнь извѣстна намъ непосредственно лишь въ формѣ сознанія (т.-е. принадлежности къ я) и потому, говоря о безсознательныхъ психическихъ процессахъ, мы какъ бы говоримъ о безсознательномъ сознаніи. Но, само собою разумѣется, мы занимались не одною перестановкою словъ. Она явилась у насъ результатомъ *различенія* двухъ группъ психическихъ явленій, опознанныхъ и неопознанныхъ, которыя въ послѣднее время, по мѣрѣ постепеннаго освобожденія отъ интеллектуализма, не смѣ-

шиваются цѣликомъ, но и не различаются отчетливо. Благодаря этому различенію возможно положительное ученіе о неопознанныхъ психическихъ явленіяхъ, и такъ какъ открывается опредѣленный методъ для изученія ихъ, именно наблюденіе надъ опознанными состояніями, сосредоточивающееся на содержаніи ихъ, помимо интеллектуальныхъ элементовъ, и опредѣленіе тѣхъ измѣненій, которыя вносятся въ это содержаніе актами опознанія. Наоборотъ, ученія, не основывающіяся на нашемъ различеніи и потому не имѣющія права на нашу перестановку терминовъ, не могутъ дать никакого положительнаго ученія о безсознательномъ (даже и въ томъ случаѣ, если оно относится къ области непсихическаго) и метода для изслѣдованія его; они могутъ говорить о безсознательныхъ психическихъ процессахъ лишь, какъ о какихъ то нематеріальныхъ процессахъ, которые ближе неизвѣстны. Впрочемъ подробное разсмотрѣніе этого вопроса и многочисленные гносеологическіе выводы отсюда выходятъ за предѣлы психологіи, а потому мы минуемъ ихъ.

Въ заключеніе укажемъ еще на нѣкоторыя неправильныя ученія о сознаніи, распространенныя въ психологіи вслѣдствіе отожествленія его съ знаніемъ, именно на ученія о непродуктивности, полной пассивности сознанія и относительности его.

Многіе сторонники ученія о безсознательномъ, качественно отличающемся отъ сознанія, напр., Имм. Германнъ Фихте, Фолькманнъ, Фортлаге, Гартманъ утверждаютъ, что сознаніе совершенно непродуктивно, что активность совершается всегда за предѣлами сознанія, которое въ этомъ смыслѣ можно назвать «паразитомъ», какъ это дѣлаетъ Фортлаге. И дѣйствительно, если разумѣть подъ сознаніемъ знаніе, то съ этимъ до извѣстной степени можно согласиться. Такъ какъ опознаніе состоитъ изъ актовъ вниманія, различенія, отожествленія и т. п. по поводу уже даннаго матеріала, то можно утверждать, что оно не создаетъ специфически новаго содержанія. Вслѣдъ за Гартманномъ можно сказать, что «сознательный разумъ только отрицаетъ, критикуетъ, контролируетъ, исправляетъ, измѣряетъ, сравниваетъ, комбинируетъ, со-и подчиняетъ, получаетъ путемъ наведенія общее изъ частнаго, согласуетъ частный случай съ общимъ правиломъ, но никогда не бываетъ творчески продуктивнымъ, ни-

когда не бываетъ изобрѣтательнымъ» [1]). Однако даже и здѣсь нужно сдѣлать важное ограниченіе. Въ процессахъ опознанія нужно различать результаты опознанія и самую дѣятельность опознанія, результаты этой дѣятельности и самую дѣятельность. Результаты дѣятельности совершенно пассивны, но самыя дѣятельности, порождающія ихъ, во-первыхъ, конечно, не пассивны, а во-вторыхъ, не лишены творчески продуктивнаго характера, который сказывается и въ результатахъ опознанія. Такова, напр., дѣятельность опознанія, подводящая паденіе камня и обращеніе луны вокругъ земли подъ одно и то же понятіе и, слѣдовательно, опирающемся на совершенно новыя, неожиданныя сопоставленія. Но такая оригинальная познавательная дѣятельность сама въ свою очередь бываетъ неопознанною; только простѣйшіе, часто повторяющіеся и потому не творческіе акты сравненія, различенія могутъ быть въ моментъ своего осуществленія опознанными. Поэтому можно установить слѣдующія положенія: дѣятельность познанія бываетъ опознанною и неопознанною, первая не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго, вторая—можетъ быть творческою; *результаты* опознанія, т.-е. знаніе, всегда пассивны, какъ и всѣ результаты дѣятельностей.

То же самое относится и къ ученію объ относительности сознанія. Оно заключаетъ въ себѣ истину, если прилагать его къ знанію, но не къ неопознаннымъ состояніямъ сознанія. Дѣйствительно, состоянія знанія могутъ существовать, какъ знаніе, только постольку, поскольку они находятся въ ряду другихъ состояній, потому что знаніе возможно лишь тамъ, гдѣ есть различеніе. Но нельзя распространить это правило на всѣ состоянія сознанія: нельзя сказать, что, напр., неопознанный гнѣвъ или состояніе экстаза только въ отношеніи къ другимъ состояніямъ обладаютъ качествами, которыя заставляютъ насъ называть ихъ состояніями сознанія. Конечно, гнѣвъ и экстазъ, какъ и всякій процессъ, возможны лишь въ причинномъ ряду другихъ явленій и въ этомъ смыслѣ относительны, но это совершенно иная относительность, чѣмъ та, которая необходима для возникновенія знанія и которую несправедливо подъ вліяніемъ несознаннаго

[1]) Phil. des Unb., 10 изд., I, отд. B. гл. XI, стр. 358.

интеллектуализма распространяютъ на всю область психическихъ явленій (напр., Бенъ).

Наконецъ, остается еще поговорить о томъ, почему въ психологіи и философіи такъ распространена наклонность къ отожествленію сознанія и знанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ явному или скрытому интеллектуализму. Мы уже не разъ намекали на причины этого явленія. Опытъ, на которомъ основывается знаніе о мірѣ, складывается не иначе, какъ изъ опознанныхъ состояній сознанія: въ составъ изучаемыхъ явленій могутъ войти только тѣ состоянія, которыя наблюдаются нами, т.-е. опознаны. Для того, чтобы пріобрѣсти знаніе о свойствахъ неопознанныхъ состояній, необходимо воспользоваться опять таки опознанными состояніями и мысленно отвлечься отъ интеллектуальныхъ элементовъ. Само собою разумѣется, такое абстрагированіе, такое различеніе составляетъ довольно трудную задачу и можетъ явиться лишь довольно поздно въ психологіи. Поэтому психологія, не прибѣгая къ этому искусственному пріему, должна была вначалѣ видѣть вездѣ и изслѣдовать лишь интеллектуальные процессы, считая ихъ болѣе доступными изученію, чѣмъ чувство или волю, но при этомъ она должна была, конечно, на каждомъ шагу смѣшивать самыя разнородныя понятія, такъ какъ страдала отъ недостатка анализа.

Это и подтверждается ходомъ развитія психологіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Порядокъ смѣны душевныхъ процессовъ.

I. Порядокъ смѣны стремленій.

Всякое «мое» состояніе причиняется «моими» стремленіями, слѣдовательно, для того, чтобы установить законы теченія душевныхъ процессовъ, нужно узнать, какъ возникаютъ стремленія.

Въ психической жизни очень часто встрѣчаются цѣлые болѣе или менѣе длинные ряды дѣятельностей, которыя относятся

другъ къ другу, какъ средство къ цѣли. Напримѣръ, если мы отдѣлываемъ квартиру и хотимъ оклеить ее обоями, мы осматриваемъ обивку мебели, предназначенной для разныхъ комнатъ, чтобы выбрать обои, соотвѣтственные ей, узнаемъ у компетентнаго человѣка, гдѣ можно купить хорошіе обои, пишемъ письмо, чтобы намъ прислали образцы, наконецъ, ѣдемъ въ магазинъ, нанимаемъ рабочихъ и т. д. Узнаваніе адреса магазина есть средство для того, чтобы написать письмо, отправленіе письма средство для полученія образцовъ и т. д. Каждая изъ этихъ дѣятельностей предшествуется и причиняется соотвѣтствующимъ стремленіемъ. Но чѣмъ причиняются стремленія? Стремленіе узнать адресъ магазина возникаетъ не иначе, какъ въ томъ случаѣ, когда есть уже стремленіе вступить въ сношенія съ магазиномъ, причемъ знаніе адреса есть средство для осуществленія этого стремленія. Стремленіе написать письмо возникаетъ не иначе, какъ въ томъ случаѣ, если есть желаніе получить образцы обоевъ и т. п. Итакъ, стремленіе возникаетъ благодаря другому болѣе первоначальному стремленію, относящемуся къ первому, какъ цѣль къ средству; не узнаваніе адреса есть причина желанія написать письмо, а наоборотъ. Обусловливающее стремленіе мы будемъ называть *относительно первоначальнымъ*, а стремленія, вытекающія изъ него и относящіяся къ нему, какъ средства къ цѣли, *производными*. Тѣ стремленія, которыя, повидимому, ничѣмъ не обусловлены и составляютъ какъ бы коренное достояніе я, мы будемъ называть абсолютно первоначальными или просто первоначальными. Содержаніе первоначальнаго стремленія назовемъ конечною цѣлью, а содержаніе производнаго стремленія—относительною цѣлью.

Задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы показать, что отношенія между стремленіями, найденныя въ предыдущемъ примѣрѣ, всеобщи: иными словами, нужно доказать, что *всякое «мое» стремленіе есть или первоначальное, т.-е. искони принадлежащее данному я, или производное, т.-е. причиняется (отчасти) какимъ-либо другимъ «моимъ» стремленіемъ, къ которому оно относится, какъ средство къ цѣли.* Найти безчисленное количество примѣровъ, подобныхъ предыдущему, было бы нетрудно, но это не привело бы къ цѣли, такъ какъ всегда можно возразить, что приведенное правило дѣйствительно осу-

ществляется въ этихъ случаяхъ, но все же приложимо не ко всѣмъ явленіямъ. Поэтому цѣлесообразнѣе вмѣсто нагроможденія самоочевидныхъ примѣровъ изъ различныхъ областей жизни приступить прямо къ разбору тѣхъ случаевъ, которые могутъ на первый взглядъ показаться отрицательными инстанціями.

Можно представить два рода такихъ случаевъ: во-первыхъ, иногда новый рядъ стремленій вдругъ возникаетъ вслѣдъ за воздѣйствіемъ со стороны внѣшняго міра (вслѣдъ за воспріятіемъ) или вообще вслѣдъ за какимъ-либо «даннымъ» состояніемъ, такъ что, повидимому, единственною причиною этихъ стремленій было явленіе во внѣшнемъ мірѣ или «данное» состояніе; во-вторыхъ, иногда, повидимому, единственною причиною стремленія служитъ предыдущее «мое» состояніе. Особенно легко найти убѣдительные примѣры перваго рода. Мальчикъ, гуляющій безъ опредѣленной цѣли, проходитъ мимо орѣховаго куста и вслѣдъ за воспріятіемъ спѣлыхъ орѣховъ у него вдругъ возникаетъ стремленіе набрать ихъ и принести домой; прохожій, замѣтившій на дорогѣ оброненный кошелекъ, поднимаетъ его; неожиданно всплывшее въ умѣ воспоминаніе о письмахъ друга побуждаетъ перечитать ихъ и т. п. Нерѣдко подъ вліяніемъ новаго воспріятія начавшійся рядъ дѣятельностей измѣняется или прекращается совершенно; человѣкъ, съ большимъ интересомъ принявшійся за чтеніе книги и рѣшившій непремѣнно дочитать ее до конца, прекращаетъ это занятіе, если приходятъ гости; отправляясь къ врачу, но услышавъ, что онъ беретъ за совѣтъ слишкомъ много, бѣдный или скупой человѣкъ избираетъ другого врача и т. п. Казалось бы, во всѣхъ этихъ случаяхъ новыя «мои» стремленія обусловлены исключительно воздѣйствіями извнѣ и возникаютъ безъ всякаго посредства другихъ «моихъ» стремленій. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ воспріятіе приводитъ къ той или иной дѣятельности не иначе, какъ комбинируясь съ предыдущими наклонностями, способностями, потребностями, т.-е. стремленіями. Это становится вполнѣ яснымъ, если разсмотрѣть, какимъ образомъ одно и то же воспріятіе приводитъ разныхъ людей къ различнымъ дѣятельностямъ. Увидѣвъ орѣховый кустъ, мальчикъ можетъ нарвать орѣховъ, чтобы съѣсть ихъ самому, можетъ снести ихъ домой, чтобы угостить своихъ младшихъ братьевъ и т. п. Актъ собиранія орѣховъ обу-

словленъ интересомъ къ нимъ и при томъ интересомъ, который совершенно не могъ бы возникнуть теперь, еслибы въ прошломъ не было интересовъ, изъ которыхъ онъ вытекаетъ. Видъ кошелька можетъ быть поводомъ къ стремленію спрятать его и утаить деньги, къ стремленію отыскать владѣльца, къ стремленію пройти поскорѣе мимо, чтобы не впутаться какъ-нибудь въ грязную исторію и т. п. Точно такъ же одно и то же оскорбленіе можетъ привести къ совершенно различнымъ результатамъ: самолюбивый и смѣлый человѣкъ тотчасъ же дастъ отпоръ; самолюбивый, но трусливый человѣкъ обратитъ обиду въ шутку, затаитъ въ себѣ чувство злобы и отомститъ какъ-либо потомъ; человѣкъ, свободный отъ мелочнаго самолюбія и дорожащій прежде всего нравственнымъ достоинствомъ своего обидчика, не станетъ запугивать его, а постарается пробудить въ немъ раскаяніе и т. п. Даже и болѣе простыя положенія, какъ, напр., пожаръ въ театрѣ, вызываютъ различныя реакціи: одни изъ зрителей совершаютъ рядъ инстинктивныхъ, нецѣлесообразныхъ въ данномъ случаѣ дѣйствій, напр. кричатъ и плачутъ, сжимая руки, другіе бѣгутъ, сбивая съ ногъ встрѣчныхъ и давя ихъ, третій спасаетъ свою невѣсту, четвертый, видя, что выхода въ двери нѣтъ, останавливается, быстро осматриваетъ залъ и находитъ выходъ черезъ окно и т. д. и т. д.

Несомнѣнно, всѣ эти стремленія и дѣятельности не могли бы возникнуть подъ вліяніемъ одного только наличнаго воспріятія (орѣховъ, кошелька, головной боли, пожара и т. п.): они возникаютъ вслѣдствіе комбинаціи наличнаго воспріятія съ прошлымъ опытомъ человѣка. Къ сожалѣнію, это обстоятельство затрудняетъ нашу задачу. Противники волюнтаризма могутъ утверждать, что этотъ прошлый опытъ, обусловливающій новыя реакціи, можетъ не заключать въ себѣ стремленій. Напримѣръ, можно утверждать, что боязнь поднять кошелекъ обусловлена *знаніемъ* о какомъ-нибудь случаѣ, когда лицо, поднявшее найденную вещь, было принято за вора, что желаніе отыскать владѣльца обусловлено *воспоминаніемъ о похвалахъ* за подобные поступки или *воспоминаніемъ о наградѣ* или же *воспоминаніемъ о радости* какого-либо человѣка, которому вернули утраченную вещь. Однако, возражающіе такимъ образомъ упускаютъ изъ виду, что похвалы возбуждаютъ къ дѣятельности не всякаго че-

ловѣка, а честолюбца, ожиданіе награды побуждаетъ къ дѣятельности человѣка, жаднаго къ собственности или нуждающагося въ ней для удовлетворенія своихъ потребностей, возможность быть несправедливо принятымъ за вора запугиваетъ человѣка, дорожащаго прежде всего мнѣніемъ другихъ, и, наоборотъ, подстрекаетъ къ риску честную и гордую натуру, презирающую легкомысленный судъ людей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, прошлый опытъ, комбинируясь съ наличнымъ воспріятіемъ, вліяетъ на разныхъ лицъ различно въ зависимости отъ ихъ наклонностей и потребностей, такъ что реакція на воспріятіе всегда оказывается средствомъ для удовлетворенія уже ранѣе существовавшихъ влеченій. Опредѣляя причины различнаго по существу (а не по формѣ) поведенія разныхъ лицъ въ одномъ и томъ же положеніи, всегда приходиться ссылаться на разницу въ ихъ натурахъ, въ ихъ характерахъ и указывать на такія свойства, какъ самолюбіе, честолюбіе, трусость, лѣность, скупость, любознательность, эстетическій вкусъ и т. п., то-есть ссылаться на преобладающія стремленія.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ вліяніемъ опыта у человѣка выростаютъ новыя потребности и наклонности, онѣ все же оказываются производными, вытекающими изъ другихъ потребностей. Напримѣръ, если человѣкъ, постепенно расширяющій свою дѣятельность, заводитъ для большей быстроты сношеній своихъ лошадей и съ теченіемъ времени пристращается къ нимъ, то эта новая потребность вытекаетъ изъ старыхъ: началомъ ея послужило желаніе ускорить сношенія, а дальнѣйшее развитіе можетъ быть обусловлено самыми разнообразными склонностями и стремленіями, напр., любовью къ собственности, честолюбіемъ, эстетическимъ вкусомъ и т. п. Даже сторонники теоріи эвдемонистической мотиваціи, утверждающіе, что единственная цѣль человѣка всегда и вездѣ есть удовольствіе, и до крайности упрощающіе человѣческую натуру, принуждены согласиться съ нами: вѣдь они, обыкновенно, утверждаютъ, что всякое новое стремленіе есть болѣе или менѣе отдаленная производная изъ первоначальныхъ простѣйшихъ стремленій къ физическимъ удовольствіямъ.

Наличное воспріятіе не составляетъ полной причины возникновенія новаго стремленія. Но этого мало; въ главѣ о «Волѣ»

было показано, что *само воспріятіе,* какъ «мое» состояніе сознанія, можетъ возникнуть лишь въ томъ случаѣ, если существуетъ *«мое» стремленіе построить его* изъ «данныхъ» элементовъ или, по крайней мѣрѣ, *сосредоточить вниманіе* на «данномъ» матеріалѣ. Объ этихъ направленіяхъ вниманія и синтетической дѣятельности опять-таки нельзя сказать, что онѣ обусловлены исключительно явленіями внѣшняго міра, «даннымъ» матеріаломъ. Изъ необъятнаго волнующагося моря событій во внѣшнемъ мірѣ каждое я выбираетъ для воспріятія только то, что соотвѣтствуетъ его преобладающимъ интересамъ, такъ что стремленіе воспринять ту, а не иную вещь, оказывается всегда производнымъ изъ какого-либо болѣе первоначальнаго стремленія. Всякое я воспринимаетъ лишь то, что соотвѣтствуетъ его натурѣ, его характеру. Войдя въ залъ, полный гостей, одинъ замѣчаетъ тотчасъ же даму, въ которую онъ влюбленъ, другой сразу выдѣляетъ изъ толпы генерала, увѣшаннаго звѣздами, а третій подмѣчаетъ въ сосѣдней комнатѣ буфетъ съ закусками и водкой. Проходя мимо окна магазина, заставленнаго множествомъ вещей, одинъ тотчасъ выдѣляетъ изъ всей массы ихъ интересный для него научный инструментъ, а другой видитъ лишь карточку полуобнаженной балерины, поставленную позади большой лупы. Какъ это ни парадоксально, можно даже утверждать, что въ большинствѣ случаевъ стремленіе воспринять какую-либо вещь причиняется тѣмъ стремленіемъ, которое осуществляется вслѣдъ за воспріятіемъ, а не наоборотъ; напр., увидѣвъ грозно подступающую собаку, прохожій тотчасъ же воспринимаетъ и палку, которою можно защититься противъ нея; желая сказать человѣку что-либо пріятное, тотчасъ же замѣчаешь и тѣ измѣненія къ лучшему, которыя произошли въ немъ и т. п.

Нѣкоторыя явленія воспринимаются почти всегда всѣми людьми, но это значитъ лишь, что соотвѣтствуютъ какому-либо очень распространенному стремленію. Зубная боль, боль головы, раны и т. п. органическія состоянія, а также чрезвычайно интенсивныя раздраженія, вродѣ пушечнаго выстрѣла, моментально привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Точно также все необыкновенное, неожиданное или противорѣчащее законамъ природы воспринимается преимущественно передъ другими вещами; если человѣкъ

поглощенъ разговоромъ, и въ это время кто-либо пройдетъ за его спиною и хлопнетъ дверцами шкафа, онъ почти навѣрное не обратитъ на это вниманія; если же пройти за его спиною совершенно тихо на цыпочкахъ и хлопнуть дверцою съ такою же силою, то онъ почти навѣрное обернется. Какъ уже сказано раньше [1]), такія реакціи вытекаютъ изъ стремленія къ самосохраненію и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда вниманіе отвлечено въ другую сторону, конечно, также совершенно могутъ отсутствовать.

Въ огромномъ количествѣ случаевъ воспріятіе не приводитъ ни къ какимъ дальнѣйшимъ реакціямъ, однако это вовсе не значитъ, что воспріятіе не руководилось никакимъ интересомъ, а происходитъ отъ того, что дѣятельность, соотвѣтствующая воспринятому объекту, была бы несвоевременною или же отъ того, что объектъ оказывается неподходящимъ и т. п. и т. п.

Сказанное о воспріятіи относится также и ко всѣмъ другимъ «даннымъ» состояніямъ, напримѣръ, къ «даннымъ» воспоминаніямъ и комбинаціямъ идей. У человѣка, обдумывающаго, гдѣ и какъ напечатать свой научный трудъ, толпятся на порогѣ сознанія въ безчисленномъ количествѣ воспоминанія, стоящія въ связи съ этою цѣлью, вниманіе сосредоточивается то на одномъ, то на другомъ изъ нихъ, они входятъ такимъ образомъ въ сферу «моихъ» состояній, и какъ бы неправильно ни развивалась мысль, всегда при этомъ можно подмѣтить, что направленіе вниманія обусловлено интересами; въ сознаніи всплываютъ воспомананія о разныхъ типографіяхъ, о ихъ владѣльцахъ, о разныхъ формахъ шрифта, быть можетъ, по пути вниманіе остановится на секунду на какомъ-нибудь удивительномъ старинномъ нѣмецкомъ шрифтѣ; большинство изъ этихъ воспоминаній тотчасъ же отбрасываются за ненадобностью, и тѣмъ не менѣе весь этотъ процессъ колебаній вниманія вовсе не имѣетъ случайнаго характера, а вытекаетъ изъ цѣлей разсуждающаго лица; они напоминаютъ процессъ отыскиванія какой-либо вещи, напримѣръ, сундука въ амбарѣ желѣзнодорожной товарной станціи; по пути вниманіе сосредоточивается на самыхъ разнообразныхъ вещахъ; но преимущественно оно направляется на сундуки, напоминающіе отыскиваемую вещь по формѣ, цвѣту, величинѣ. Иногда во

[1]) См. стр. 33 с.

время процесса обдумыванія мысль отклоняется совершенно въ сторону отъ первоначально поставленной цѣли и на первый планъ выдвигается подъ вліяніемъ какого-либо воспоминанія новая цѣль. Однако именно эти случаи даютъ превосходное подтвержденіе того, что не воспоминанія сами по себѣ вліяютъ на постановку цѣлей, а комбинація ихъ со стремленіями, существовавшими уже раньше и даже, обыкновенно, обусловливающими предпочтеніе къ самому этому воспоминанію. Напримѣръ, обдумываніе, сколько будетъ стоить печатаніе книги, легко можетъ привести къ воспоминанію о какомъ-либо неуплаченномъ еще векселѣ, и къ стремленію пойти посмотрѣть въ записную книгу, когда истекаетъ срокъ его. Интересъ къ векселю существовалъ, конечно, уже давно, и не воспоминаніе возбудило его, а скорѣе, наоборотъ, при мысли о денежныхъ отношеніяхъ изъ числа всевозможныхъ идей, относящихся сюда, была выдѣлена и возведена въ фокусъ сознанія идея о векселѣ вслѣдствіе этого прежняго интереса къ ней.

Связь между производными и первоначальными стремленіями чувствуется непосредственно, такъ же, какъ и связь между стремленіемъ и соотвѣтствующею ему перемѣною. Однако по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ отъ производныхъ къ все болѣе первоначальнымъ стремленіямъ, опредѣлить, какое побужденіе привело къ тому, а не иному поступку становится все труднѣе. Воспитатель, узнающій, гдѣ находится директоръ гимназіи, и идущій затѣмъ къ нему, чтобы доложить о проступкѣ гимназиста, вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, по какому побужденію онъ узналъ, гдѣ директоръ, и по какому побужденію шелъ къ нему, но не всякій воспитатель и не всегда можетъ опредѣлить, почему онъ дѣлаетъ докладъ, потому ли, что хочетъ, чтобы проступокъ былъ наказанъ, или просто потому, что старается свалить съ себя отвѣтственность, и, наконецъ, хочетъ ли онъ наказанія, потому что лично задѣтъ проступкомъ гимназиста, потому что хочетъ нагнать страхъ на свой классъ, или же потому, что огорченъ нравственною негодностью своего питомца и надѣется, что наказаніе принесетъ ему пользу. Въ главѣ «Сознаніе и знаніе» было уже указано на то, что эти затрудненія обусловливаются не отсутствіемъ побужденій, а неопознанностью ихъ.

Впрочемъ, цѣпь побужденій не безконечна: въ ряду стремленій, обусловливающихъ другъ друга и относящихся другъ къ другу, какъ цѣль къ средству, рано или поздно всегда встрѣчается такое, которое *и для непосредственнаго самонаблюденія* кажется ничѣмъ не обусловленнымъ, *и въ самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ средствомъ,* а всегда оказывается для даннаго лица самодовлѣющею цѣлью. Напримѣръ, для нѣкоторыхъ людей жизненныя удобства, хорошая картина, вкусная пища составляютъ самодовлѣющую цѣль, наоборотъ, для другихъ людей эти же самыя стороны жизни служатъ цѣлью лишь постольку, поскольку они стремятся удовлетворить своему честолюбію, блеснуть передъ знакомыми своимъ умѣніемъ устраиваться, вызвать ихъ зависть и т. п.; для этихъ людей жизненныя удобства сами по себѣ не имѣютъ большой цѣны; они питаются зачастую очень плохо, когда нѣтъ гостей, живутъ въ комнатахъ, прескверно убранныхъ, но зато у нихъ есть другія самодовлѣющія цѣли, напримѣръ, стремленіе къ превосходству передъ остальными людьми, удовлетвореніе честолюбія. Нѣкоторыя изъ такихъ самодовлѣющихъ цѣлей въ болѣе ранній періодъ жизни человѣка относятся къ числу производныхъ и только впослѣдствіи пріобрѣтаютъ самостоятельность; напримѣръ, у человѣка, копящаго первоначально деньги для какой-нибудь цѣли, жадность къ деньгамъ можетъ стать современемъ самостоятельною. Однако не всѣ самостоятельныя цѣли могутъ быть объяснены такимъ образомъ; этимъ объясненіемъ предполагается уже существованіе другихъ самодовлѣющихъ цѣлей, и такъ какъ процессъ происхожденія ихъ другъ изъ друга не можетъ идти въ безконечность, то необходимо предположить, что каждому человѣку присущи нѣкоторыя самодовлѣющія цѣли, вовсе не происходящія изъ другихъ стремленій. Относительно такихъ самодовлѣющихъ стремленій приходится признать, что они составляютъ первоначальную исконную принадлежность я, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что не причиняются другими «моими» состояніями, и для того, чтобы опредѣлить причины ихъ происхожденія, нужно найти источникъ происхожденія я. Этого вопроса мы еще коснемся въ изслѣдованіи о «Личности».

Всѣ результаты предыдущихъ изслѣдованій порядка возникновенія психическихъ явленій можно выразить въ слѣдующемъ

положеніи: *всякая «моя» перемѣна причиняется (отчасти) «моими» стремленіями, а всякое «мое» стремленіе или принадлежитъ къ числу первоначальныхъ или же причиняется (отчасти) какимъ либо болѣе первоначальнымъ стремленіемъ и относится къ нему, какъ средство къ цѣли.* Это положеніе въ особенности утвержденіе, что среди «моихъ» состояній сознанія должны существовать стремленія первоначальныя (или, по крайней мѣрѣ, одно такое стремленіе), т.-е. не обусловленныя никакимъ другимъ «моимъ» состояніемъ сознанія, можетъ быть отчасти подтверждено еще слѣдующимъ путемъ. Всякое «мое» состояніе сознанія причиняется «моимъ» стремленіемъ, слѣдовательно, во-первыхъ, среди «моихъ» состояній сознанія должно быть хотя одно «мое» стремленіе, независящее отъ другихъ «моихъ» состояній сознанія; во-вторыхъ, всѣ остальныя стремленія, т.-е. зависящія отъ другихъ «моихъ» состояній сознанія, причиняются (отчасти) входящими въ нихъ «моими» стремленіями.

Итакъ, всѣ дѣятельности каждаго я вытекаютъ изъ нѣсколькихъ (или одного) первоначальныхъ стремленій, относясь къ нимъ, какъ средство къ цѣлямъ. Быть можетъ, и эти первоначальныя стремленія какъ-либо связаны между собою, но они всегда бываютъ опознаны такъ плохо, что отношеніе между ними прослѣдить очень трудно. Рѣдкій человѣкъ можетъ сказать о себѣ съ увѣренностью, изъ какихъ источниковъ у него вытекаетъ жажда къ знанію, интересъ къ другимъ людямъ, стремленіе къ общественной дѣятельности и т. п.; немногіе люди могутъ опредѣлить, насколько они честолюбивы, честны, боязливы, насколько они дорожатъ имуществомъ, различными благами личной жизни и т. п. Когда отношенія между стремленіями будутъ хорошо изслѣдованы, быть можетъ, окажется, что всѣ дѣятельности каждаго лица вытекаютъ изъ одного какого-либо первоначальнаго стремленія. Это значило бы, что жизнь каждаго человѣка есть не что иное, какъ постепенное осуществленіе одной какой-либо цѣли. Пока это не доказано, приходится ограничиваться утвержденіемъ, что жизнь я есть осуществленіе нѣсколькихъ первоначальныхъ цѣлей.

Итакъ, вся жизнь я развивается изнутри, всякое новое звено въ немъ обусловлено прежними его стремленіями, а не поро-

ждено прямо вліяніемъ внѣшняго міра, за исключеніемъ можетъ быть, первоначальныхъ стремленій; однако это не значитъ, что прежнія стремленія суть полная причина возникновенія новыхъ стремленій: внѣшній міръ и осуществленныя раньше перемѣны («мои» состоянія) также принимаютъ участіе въ этомъ процессѣ, и роль ихъ намъ предстоитъ опредѣлить теперь.

Если человѣкъ, къ которому подходитъ рыча собака, оглядывается вокругъ и тотчасъ же замѣчаетъ и схватываетъ палку или камень, которыми можно защититься, или подзываетъ хозяина, который можетъ успокоить собаку, то эти дѣйствія несомнѣнно обусловлены не только внутренними стремленіями, но еще и внѣшнимъ міромъ, именно присутствіемъ палки, камня и т. п., а также прежде осуществленными перемѣнами, напримѣръ, воспоминаніемъ о тѣхъ случаяхъ, когда камень удачно приводилъ къ цѣли. Въ особенности порядокъ осуществленія стремленій зависитъ отъ осуществленія средствъ (напримѣръ, отправленіе письма на почту осуществляется не раньше, чѣмъ узнанъ адресъ и т. п.). Безъ внѣшнихъ условій не можетъ возникнуть «мое» стремленіе и «моя» дѣятельность (напримѣръ, стремленіе бросить камень), однако связь между этими условіями и слѣдующимъ за ними стремленіемъ имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ связь между первоначальными и производными стремленіями. Когда изъ стремленія защититься возникаетъ стремленіе схватить палку, а отсюда стремленіе разворотить заборъ, если изъ него можно вытащить жердь, у насъ есть непосредственное сознаніе того, что эти стремленія какъ бы вытекаютъ другъ изъ друга, мало того, они какъ бы съ какою-то силою порождаютъ другъ друга. Это чувствованіе аналогично чувствованію активности, связывающему стремленіе и соотвѣтствующую перемѣну. Чувствованіе активности оказалось не иллюзіею, а дѣйствительнымъ показателемъ причинной зависимости; точно то же мы находимъ теперь и относительно чувствованія связи между стремленіями. Другія условія возникновенія стремленій вовсе не сопровождаются такимъ чувствованіемъ, намъ не кажется, что палка, камень или воспоминаніе *сами по себѣ вынуждаютъ* насъ къ дѣятельности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, повидимому, объектъ или воспоминаніе вліяютъ, побуждаютъ и т. п., всегда при болѣе тщательномъ анализѣ оказывается, что этими

чувствованіями сопровождаются стремленія, связанныя съ объектами и воспоминаніями, а не самые объекты и воспоминанія. Занятый человѣкъ, увидѣвъ знакомаго, который имѣетъ привычку, поздоровавшись, останавливаться и заводить нескончаемо длинные разговоры, старается пройти мимо незамѣченнымъ, это стараніе связано не съ самымъ видомъ объекта и не съ воспоминаніемъ о прежнихъ разговорахъ самихъ по себѣ, а съ опасеніемъ быть задержаннымъ. Чувствованіе связи между стремленіями наводитъ на мысль, что стремленія суть настоящій дѣятельный факторъ, настоящая *причина* возникновенія новыхъ стремленій, а остальныя условія играютъ лишь роль *поводовъ*, по которымъ приходятъ въ дѣйствіе стремленія. И, въ самомъ дѣлѣ, исключительная роль стремленій въ процессѣ возникновенія новыхъ стремленій сказывается, во-первыхъ, въ томъ, что объекты не оказываютъ никакого вліянія на жизнь я, если они вовсе не интересны, т.-е. если у даннаго я нѣтъ никакихъ относящихся къ нимъ прямо или косвенно стремленій, а во-вторыхъ, въ томъ, что одинъ и тотъ же объектъ можетъ привести различныхъ людей къ прямо противоположнымъ реакціямъ въ зависимости отъ ихъ стремленій; слѣдовательно, возникновеніе реакціи окончательно опредѣляется не объектомъ, а стремленіями. Въ логикахъ часто дѣлаются попытки различать среди условій возникновенія явленій двѣ категоріи, именно причины и поводы; однако это различеніе, обыкновенно, имѣетъ расплывчатый характеръ и потому вызываетъ противъ себя множество возраженій [1]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что оно имѣетъ серьезныя основанія и можетъ быть точно установлено, по крайней мѣрѣ, въ психологіи; однако этимъ вопросомъ мы заниматься не будемъ, такъ какъ онъ относится къ теоріи знанія.

Въ душевной жизни есть только одна категорія случаевъ, когда новое стремленіе не имѣетъ въ прошломъ я никакихъ прецедентовъ, какъ бы вовсе не вытекаетъ изъ прошлаго я, а должно быть объяснено исключительно давленіемъ извнѣ: таковы упомянутые уже выше вынужденные стремленія и поступки [2]). Они врываются въ непрерывную цѣпь «моихъ» первоначальныхъ

---

[1]) См., напримѣръ, Липпсъ, Основы логики, гл. XXI, стр. 109.

[2]) См. стр. 12.

и производныхъ стремленій, какъ бы разрушая ее, и часто оказываются настолько несоотвѣтствующими всему прошлому я и его основнымъ стремленіямъ, что для нихъ и въ самомъ дѣлѣ нельзя подыскать причины въ самомъ я. Отъ первоначальныхъ стремленій они отличаются своимъ характеромъ вынужденности. Происхожденіе этихъ сравнительно рѣдкихъ явленій мы попытаемся опредѣлить значительно позже послѣ изслѣдованія о «Личности».

Устанавливаемый нами законъ смѣны стремленій, а вмѣстѣ съ ними и перемѣнъ имѣетъ слишкомъ общій характеръ. Спеціальныя изслѣдованія должны показать безчисленныя подробности и осложненія въ этомъ порядкѣ, не нарушающія однако общаго закона, а только маскирующія его иногда. Напримѣръ, очень часто средства, соотвѣтствующія какому-либо относительно первоначальному стремленію, осуществляются въ формѣ психорефлекторнаго акта или даже нѣкоторыя звенья такихъ актовъ (ходьбы, воспріятія пищи и т. п.) относятся къ числу автоматическихъ. Очень часто рядъ дѣятельностей, развивающихся изъ какого-либо первоначальнаго стремленія, вслѣдъ за какимъ-либо воспріятіемъ или соображеніемъ вдругъ прекращается и дальнѣйшая дѣятельность направляется по другому руслу, сообразно другимъ стремленіямъ. Ученый, пишущій научную работу и переводящій какую-нибудь цитату, встрѣтивъ незнакомое слово, встаетъ, подходитъ къ полкѣ съ книгами и достаетъ словарь, чтобы найти слово. Встрѣтившееся въ работѣ затрудненіе послужило поводомъ къ возникновенію новаго ряда дѣятельностей, вытекающаго однако изъ раньше поставленной имъ цѣли. Если, доставая книгу съ верхней полки шкафа, онъ очень больно ушибетъ колѣно, то почти навѣрное его работа на время совершенно прекратится, и онъ займется совершенно инымъ дѣломъ, напримѣръ, примачиваніемъ колѣна. Эта новая дѣятельность вытекаетъ изъ инстинкта самосохраненія, изъ отвращенія ко всякому физическому страданію; этотъ инстинктъ настолько интенсивенъ, что почти всегда какъ только являются поводы, пробуждающіе его, человѣкъ бросаетъ всѣ другія дѣятельности и слѣдуетъ этому инстинкту. Впрочемъ и въ приведенномъ примѣрѣ нельзя рѣшительно утверждать, что новый рядъ дѣятельностей есть отклоненіе въ сторону отъ предшествующей работы: из-

вѣстно, что сильная боль сопровождается глубокими измѣненіями въ біеніи сердца, дыханіи, кровообращеніи, а слѣдовательно и дѣятельности мозга; поэтому процессъ мышленія, поскольку онъ зависитъ отъ «данныхъ» состояній, между прочимъ отъ состояній, обусловленныхъ дѣятельностями тѣла, нарушается, и у насъ должна была выработаться привычка заботиться объ устраненіи непріятныхъ физическихъ состояній также и для того, чтобы безпрепятственно мыслить. Однако, случаевъ болѣе несомнѣннаго скачка отъ однихъ стремленій къ другимъ можно найти очень много; ряды дѣятельностей, соотвѣтствующихъ различнымъ стремленіямъ и потребностямъ, на каждомъ шагу самымъ прихотливымъ образомъ переплетаются, перебиваютъ другъ друга, содѣйствуютъ другъ другу и такимъ образомъ маскируютъ ту простую схему смѣны психическихъ состояній, которую мы установили.

Спеціальное изслѣдованіе должно опредѣлить сложныя взаимоотношенія между стремленіями различныхъ порядковъ, а также между производными и относительно первоначальными, стремленіями; оно должно выяснить также зависимость стремленій отъ внѣшней среды и опыта; рѣшенію всѣхъ этихъ задачъ въ особенности будетъ способствовать изслѣдованіе первоначальныхъ стремленій. Когда всѣ такія изслѣдованія будутъ произведены, не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что схема смѣны порядка психическихъ дѣятельностей, устанавливаемая нами, имѣетъ всеобщее значеніе, что въ самомъ дѣлѣ всякая «моя» перемѣна причиняется (отчасти) «моими» стремленіями, а всякое «мое» стремленіе или принадлежитъ къ числу первоначальныхъ или же причиняется (отчасти) какимъ-либо болѣе первоначальнымъ «моимъ» стремленіемъ и относится къ нему, какъ средство къ цѣли. Впрочемъ, примѣры нагляднаго осуществленія этой схемы очень многочисленны, и во многихъ болѣе запутанныхъ случаяхъ анализъ очень легко приводитъ все къ ней же; поэтому мы полагаемъ, что ее можно признать *гипотетическимъ индуктивнымъ обобщеніемъ*, которымъ слѣдуетъ воспользоваться, какъ руководящимъ началомъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи порядка психическихъ явленій. Детальное изслѣдованіе или окончательно обоснуетъ ее, или ограничитъ, но во всякомъ случаѣ не можетъ ниспровергнуть совсѣмъ.

II. Законъ ассоціаціи идей.

Согласно предыдущему вся жизнь я развивается изнутри, событія внѣшняго міра служатъ лишь поводомъ для реакцій я. Прямую противоположность этому ученію составляютъ тѣ теоріи душевной жизни, которыя утверждаютъ, что новыя звенья въ жизни я и порядокъ ихъ возникновенія вполнѣ и исключительно обусловливаются воздѣйствіями извнѣ. Таковы прежде всего ученія, признающія психическую жизнь за пассивный продуктъ матеріальныхъ процессовъ, и, во-вторыхъ, нѣкоторыя формы чистаго ассоціаціонизма, который, обыкновенно, бываетъ связанъ съ матеріализмомъ, но можетъ существовать и самостоятельно или, по крайней мѣрѣ, скрывать эту связь. Перваго рода ученіями мы заниматься не будемъ, такъ какъ принципіально отвергли ихъ, но ассоціаціонизма нельзя пройти молчаніемъ, такъ какъ это направленіе строитъ картину психической жизни, опираясь на обобщеніе, которое кажется достаточно обоснованнымъ и легко можетъ быть истолковано въ духѣ, противорѣчащемъ волюнтаризму. Къ тому же и психологи, вовсе не склонные сводить весь порядокъ психической жизни къ ассоціаціи, все же могутъ утверждать, что нѣкоторыя явленія ея возникаютъ согласно законамъ ассоціаціи и не подходятъ подъ схему волюнтаризма. Итакъ, намъ предстоитъ разсмотрѣть законъ ассоціаціи.

Два основные закона ассоціаціи Бенъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «дѣйствія, ощущенія и чувства, возникающія одновременно или въ непосредственной преемственности, стремятся соединяться или связываться такъ, что какъ только впослѣдствіи одно изъ нихъ появится въ умѣ, и остальныя бываютъ готовы возстановиться въ видѣ идеи». «Наличныя (или реальныя) дѣйствія, ощущенія, мысли, эмоціи, стремятся оживлять, т.-е. возстановлять въ памяти сходныя съ ними прежнія духовныя состоянія» [1]). Эти два закона указываютъ на зависимость порядка душевныхъ явленій отъ причинъ, лежащихъ внѣ я: отъ порядка явленій во внѣшнемъ мірѣ и отъ сходства между ними. Такъ какъ каждое состояніе появлялось въ нашемъ сознаніи въ прошломъ одновременно со многими другими состояніями и заклю-

[1]) Бенъ, Психологія, перев. подъ редакціей Бѣлкина, стр. 245, 300.

чаетъ въ себѣ черты сходства со многими другими состояніями, то приведенные выше законы дополняются еще другими болѣе частными законами, устанавливающими, какія именно изъ ассоціированныхъ или сходныхъ состояній имѣютъ въ каждомъ данномъ случаѣ больше шансовъ на воспроизведеніе. Нѣкоторые изъ этихъ законовъ указываютъ опять-таки на зависимость воспроизведенія отъ внѣшнихъ условій, сопутствующихъ моменту запоминанія и моменту воспроизведенія. Сюда относятся слѣдующія утвержденія: состоянія, чаще возникавшія вмѣстѣ съ наличнымъ состояніемъ, имѣютъ больше шансовъ на воспроизведеніе; состоянія, недавно повторявшіяся вмѣстѣ съ наличнымъ состояніемъ, имѣютъ больше шансовъ на воспроизведеніе; тѣ изъ ассоціированныхъ состояній, которыя были болѣе интенсивны, имѣютъ больше шансовъ на воспроизведеніе (мы имѣемъ здѣсь въ виду интенсивность, поскольку она зависитъ отъ интенсивности раздраженія); наиболѣе интенсивныя (мы опять имѣемъ въ виду интенсивность въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ) изъ наличныхъ состояній обладаютъ наибольшею воспроизводящею силою; если нѣсколько наличныхъ состояній ассоціированы съ однимъ и тѣмъ же состояніемъ, то оно обладаетъ большимъ количествомъ шансовъ на воспроизведеніе въ сравненіи съ другими состояніями. Если признать, что только этими и подобными имъ законами управляется теченіе душевныхъ процессовъ, то это значило бы, что весь порядокъ ихъ болѣе или менѣе прямымъ путемъ зависитъ отъ порядка, частоты и свойствъ (интенсивности) событій во внѣшнемъ мірѣ. При этомъ, обыкновенно, представляютъ себѣ, будто бы психическія состоянія дѣйствуютъ сами, какъ какія-либо вещи внѣшняго міра, сами воспроизводятъ другъ друга, стремятся другъ къ другу и т. д., такъ что объ участіи я въ этихъ дѣятельностяхъ ничего не упоминается; мало того, самое я съ этой точки зрѣнія считается, обыкновенно, продуктомъ ассоціацій, пучкомъ ассоціированныхъ состояній. Взамѣнъ постоянства я предполагается постоянство этихъ ассоціированныхъ состояній; представленія какъ бы овеществляются и разсматриваются, какъ постоянно пребывающія послѣ своего рожденія сущности, скрывающіяся гдѣ-то за предѣлами сознанія въ моментъ забвенія и вытаскиваемыя наружу другими такими же сущностями въ моментъ воспроизведенія.

Въ наше время болѣе утонченнаго наблюденія надъ душевными процессами подобный ассоціаціонизмъ немыслимъ. Воспроизведенное переживаніе, какъ и всякій другой фактъ сознанія, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: содержаніе сознанія и отнесенность этого содержанія къ я [1]). Въ воспроизведенныхъ переживаніяхъ содержаніе воспоминанія, быть можетъ, вполнѣ тожественно съ содержаніемъ прошлаго переживанія, но отнесенность этого содержанія къ я въ настоящій моментъ есть *новый фактъ*. Эта сторона воспоминанія есть не воспроизведеніе прошлаго, а новое обнаруженіе дѣятельности я. Поскольку воспоминаніе невозможно безъ этой связи съ я, постольку воспроизведеніе не можетъ быть объяснено одною лишь ссылкою на такіе факторы, какъ порядокъ событій во внѣшнемъ мірѣ или какъ *содержаніе* наличныхъ «ассоціированныхъ» состояній. Объясненіе связи воспоминанія съ я можно найти только во внутреннихъ факторахъ сознанія, именно въ томъ, что переживается, какъ «мое», въ особенности въ той сторонѣ сознанія, которая уже признана нами за дѣятельное начало въ жизни я и которая объединяетъ отдѣльныя совершающіяся въ сферѣ я перемѣны, именно въ системѣ «моихъ» стремленій. И въ самомъ дѣлѣ, вліяніе внутреннихъ факторовъ сознанія на воспроизведеніе признается въ той или иной формѣ въ большинствѣ случаевъ даже и тѣми психологами, которые приписываютъ закону ассоціаціи крупную роль въ душевной жизни. Къ числу такихъ внутреннихъ факторовъ относится, напр. вниманіе. Вышеприведенные частные законы воспроизведенія часто дополняются слѣдующими двумя: изъ состояній, ассоціированныхъ съ наличнымъ состояніемъ, большими шансами на воспроизведеніе пользуется то, которое привлекало къ себѣ больше вниманія въ прошломъ; изъ наличныхъ состояній наибольшею воспроизводящею силою обладаетъ то, на которомъ сильнѣе всего сосредоточено вниманіе. Наряду съ вниманіемъ упоминаются очень часто такіе факторы, какъ интересъ, эмоціональная окраска, стремленія и т. п. Джемсъ говоритъ, что наиболѣе вліятельнымъ факторомъ при самопроизвольномъ теченіи мыслей служатъ психическіе элементы, представлявшіе для насъ наибольшій интересъ, и что, «въ большинствѣ случаевъ данное представленіе вызоветъ

[1]) См. гл. I стр. 76 с.

за собою по ассоціаціи привычное, недавнее, живое или эмоціонально сходное представленіе» [1]). Точно также оцѣниваетъ вліяніе интереса и эмоцій на воспроизведеніе и Геффдингъ. Даже Ціэнъ въ своей «Физіологической психологіи» признаетъ, что чувственный тонъ представленій оказывается еще важнѣе интенсивности при ассоціативномъ выборѣ, и замѣчаетъ далѣе: «короче сказать, представленіямъ, которыя насъ затрогиваютъ, отдается преимущество» [2]).

Объ одномъ изъ этихъ внутреннихъ факторовъ, именно о вниманіи, было уже сказано, что онъ входитъ во всѣ «мои» познавательныя состоянія и заключаетъ въ себѣ «мои» стремленія; въ частности было уже указано на то, что въ процессахъ припоминанія не только воспроизводящая, но и воспроизводимая идея, идея всплывающая въ сознаніи, какъ нѣчто «данное», готовое, можетъ войти въ сферу «моихъ» состояній не иначе, какъ постольку, поскольку на ней сосредоточено вниманіе, т.-е. поскольку мы хотимъ воспринять ее [3]). Слѣдовательно, формулированные выше законы зависимости воспроизведенія отъ вниманія, нужно дополнить еще слѣдующимъ закономъ, не отмѣченнымъ пока въ психологіи: *изъ числа состояній, ассоціированныхъ съ наличными состояніями, воспроизводится то, на которомъ вниманіе сосредоточивается преимущественно.* Если намъ возразятъ, что вниманіе не можетъ быть направлено на еще не существующія состоянія, то мы въ отвѣтъ на это напомнимъ о своемъ различеніи «моихъ» и «данныхъ» состояній: съ точки зрѣнія этого различенія «данныя» ассоціированныя съ наличными «моими» идеями состоянія, конечно, не находятся еще въ «моемъ» сознаніи въ началѣ акта припоминанія, еще не «даны» мнѣ, но они, можетъ быть, уже существуютъ гдѣ-либо *за предѣлами* «моей» душевной жизни и потому могутъ стать предметомъ вниманія. И въ самомъ дѣлѣ, нетрудно показать, что въ актахъ припоминанія вниманіе зачастую бываетъ направлено на идеи, еще не вошедшія въ кругъ «моей» душевной жизни. Припоминая какую-нибудь забытую фамилію, напр. фамилію автора пьесы

---

[1]) См. Джемсъ, Психологія, перев. И. Лапшина, 1 изд., стр. 207 — 211.
[2]) Физіологическая психологія, 2 изд., стр. 129—130.
[3]) См. выше стр. 38 с.

«Свадьба Кречинскаго», мы еще до появленія ея въ фокусѣ сознанія чувствуемъ, дѣлая усилія припомнить ее, приближаемся ли къ цѣли или удаляемся отъ нея; что-то «вертится у насъ на языкѣ», и успѣхъ припоминанія зависитъ отъ того, сосредоточимъ ли мы свое вниманіе на *этомъ* «что-то» или же въ поспѣшныхъ торопливыхъ поискахъ бросимся въ сторону какого-нибудь *другого* «что-то» и, напавъ на ложный слѣдъ, припомнимъ не ту фамилію, какую надо, напр. возведемъ въ фокусъ своего сознанія фамилію Корвинъ-Круковской вмѣсто Сухово-Кобылинъ.

Такъ какъ «моего» состоянія безъ «моего» вниманія быть не можетъ, и такъ какъ вниманіе не вынуждается одними внѣшними условіями, а всегда зависитъ также отъ интересовъ, отъ болѣе первоначальныхъ стремленій я [1]), то формулированный выше законъ нельзя поставить на одну доску съ другими законами воспроизведенія: онъ дѣйствуетъ не «при прочихъ равныхъ условіяхъ», а независимо отъ этихъ другихъ условій. Напр., какъ бы часто ни повторялась въ прошломъ какая-либо идея, какъ бы она ни была интенсивна и т. п., она не воспроизводится въ сознаніи, если интересы я сосредоточиваютъ его вниманіе на другихъ идеяхъ, хотя бы рѣдко повторявшихся и мало интенсивныхъ. Поэтому законъ ассоціаціи идей вовсе не противорѣчитъ указанному выше закону порядка душевныхъ явленій, согласно которому каждое явленіе «моей» душевной жизни обусловлено, во-первыхъ, внѣшнею средою и прежними «моими» переживаніями и, во-вторыхъ, «моими» стремленіями. Именно такъ совершается возникновеніе новыхъ перемѣнъ и по закону ассоціаціи. Внѣшнія условія подготовляютъ на порогѣ сознанія обширныя группы состояній, смежныхъ болѣе или менѣе съ наличными, а господствующія стремленія опредѣляютъ, какія изъ этихъ подготовленныхъ идей войдутъ въ кругъ «моихъ» состояній сознанія, такъ что воспроизведеніе въ большинствѣ случаевъ есть внѣшній волевой актъ или психо-рефлекторный актъ. Такъ какъ этотъ выборъ опредѣляется вовсе не *степенью смежности* между всплывающими состояніями сознанія, то весьма возможно,

---

[1]) См. предыдущій отдѣлъ настоящей главы.

что во многихъ случаяхъ смежность и *вовсе не играетъ никакой роли,* а существуетъ только потому, что *всѣ состоянія въ нашей душѣ и всѣ явленія въ мірѣ болѣе или менѣе смежны.* Впрочемъ, не будемъ настаивать на этой мысли, такъ какъ доказать ее было бы слишкомъ трудно, а между тѣмъ для цѣлей нашего труда она не необходима.

Мало того, что выборъ идеи, на которой сосредоточивается вниманіе, обусловленъ цѣлестремительною дѣятельностью я, а не внѣшними условіями, въ очень многихъ случаяхъ сами эти внѣшнія условія при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются вовсе не внѣшними, а внутренними событіями, продуктомъ цѣлестремительной дѣятельности. Такова, напр., во многихъ случаяхъ смежность. Нужно отличать смежность событій во внѣшнемъ мірѣ отъ смежности во внутреннемъ мірѣ; послѣдняя вовсе не есть точная копія первой, а получается путемъ выборки изъ необъятнаго моря наличной дѣйствительности нѣкоторой ограниченной группы явленій, интересныхъ для воспринимающаго лица. Такимъ образомъ зачастую отдаленно смежное во внѣшнемъ мірѣ становится непосредственно смежнымъ въ сознаніи наблюдателя. Къ тому же эта смежность вовсе не есть внѣшнее присоединеніе одного психическаго состоянія къ другому: содержаніе каждаго воспріятія, а также послѣдовательный рядъ событій въ душевной жизни образуютъ всегда тѣсно сплоченное единство; правда, огромное количество связей въ такомъ единствѣ всегда бываетъ «дано», и о нихъ мы поговоримъ позже, но не малое число ихъ возникаетъ, какъ результатъ активно произведеннаго синтеза, и составляетъ продуктъ типичнаго цѣлестремительнаго акта. Напр., если во время бури помѣщикъ смотритъ на барометръ и замѣчаетъ, насколько онъ опустился, эти двѣ идеи оказываются смежными и объединенными не потому, что соотвѣтствующіе объекты болѣе смежны, чѣмъ всѣ остальные,—шторы въ кабинетѣ, гдѣ виситъ барометръ, въ такой же мѣрѣ смежны съ бурею,—а потому, что въ умѣ наблюдателя показаніе барометра и буря непосредственно соотнесены другъ съ другомъ. Въ такихъ случаяхъ ассоціація есть результатъ *ассоціированія,* которое очень часто относится даже къ числу опознанныхъ волевыхъ актовъ; напр., заучивая слова чужого языка, мы нарочно всѣми возможными способами сопоставляемъ слова родного языка

съ иностранными, заглядывая въ словарь, прочитывая, произнося и записывая ихъ рядомъ другъ съ другомъ.

Какъ уже сказано выше въ главѣ о волѣ, очень часто синтезы, анализы и т. п. продукты волевыхъ актовъ, произведенные первоначально «моею» дѣятельностью, впослѣдствіи всплываютъ въ сознаніи, какъ нѣчто «данное», произведенное гдѣ-то за предѣлами я (быть можетъ, въ низшихъ центрахъ). Точно то же наблюдается и въ случаяхъ ассоціированія, объединенія наличнаго разнообразнаго содержанія сознанія въ единство: это единство впослѣдствіи возстановляется гдѣ-то за предѣлами я, и изъ него путемъ сосредоточенія вниманія выбираются тѣ элементы, которые оказываются соотвѣтствующими новымъ цѣлямъ, новымъ интересамъ, и выносятся въ сферу «моихъ» состояній. Слѣдовательно, ассоціированіе есть въ высшей степени цѣлесообразный актъ: оно въ силу какого-то неизвѣстнаго намъ взаимоотношенія между я и не-я подготовляетъ матеріалъ, облегчающій дѣятельности я. Большою приспособленностью къ жизни должно отличаться то я, которое обладаетъ умѣньемъ ассоціировать возможно большее количество самыхъ разнообразныхъ состояній съ такою силою, чтобы впослѣдствіи за предѣлами я подготовлялись на порогѣ сознанія по малѣйшему поводу (напр., по поводу воспріятія) сложные, вполнѣ сформировавшіеся ряды такихъ состояній, какъ нѣчто «данное», такъ, чтобы на долю я оставалась лишь сравнительно легкая задача выбрать изъ этихъ состояній подходящія и сосредоточеніемъ на нихъ вниманія ввести ихъ въ кругъ «моихъ» состояній. Въ особенности очевидна эта цѣлесообразность ассоціированія въ тѣхъ случаяхъ, когда объединяются особенно тѣсно не какіе попало элементы прошлаго, а наиболѣе необходимые для будущихъ дѣятельностей, напр., если ассоціируются цѣли и средства, сходныя явленія, наиболѣе выдающіяся интенсивныя состоянія, состоянія, отличающіяся наибольшимъ чувственнымъ тономъ и т. п. Это именно и наблюдается въ дѣйствительности.

Многіе, хотя, конечно, далеко не всѣ случаи ассоціаціи по сходству также могутъ быть объяснены подобнымъ ассоціированіемъ. Намъ въ высшей степени полезно запоминать сходныя другъ съ другомъ явленія, такъ какъ выборъ средствъ для достиженія цѣлей чрезвычайно облегчается этимъ. Если у насъ

нѣтъ подъ руками молотка съ раздвоеннымъ концомъ, чтобы вытащить гвоздь, можно сдѣлать это ножомъ; если нѣтъ линейки, можно замѣнить ее переплетомъ книги, и т. п. Вообще, во всякомъ случаѣ, когда обычно употребляемое средство для достиженія цѣли отсутствуетъ, стоитъ только вспомнить рядъ сходныхъ съ нимъ предметовъ, и среди нихъ тотчасъ же найдется что-нибудь вполнѣ пригодное для достиженія той же цѣли. Поэтому у насъ должна существовать склонность обращать вниманіе на сходные предметы и ассоціировать ихъ въ особыя группы. Эта склонность между прочимъ обнаруживается въ томъ удовольствіи, которое доставляетъ нахожденіе сходствъ между различными предметами. Огромное количество остротъ, загадокъ и задачъ-шутокъ построены на этой склонности. При изученіи систематики растеній и животныхъ умѣніе безъ помощи опредѣлителя правильно установить семейство или даже родъ, къ которому относится данный видъ, служитъ источникомъ громаднаго удовольствія. По поводу приведенныхъ примѣровъ ассоціированія по сходству можно возразить, что это случаи сравнительно экстраординарные, между тѣмъ ассоціація по сходству есть явленіе чрезвычайно распространенное. Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ напомнить объ одномъ необычайно распространенномъ случаѣ ассоціированія по сходству. Каждый актъ опознанія, слѣдовательно, всякое воспріятіе, всякое сознаваніе внѣшняго объекта или внутренняго состоянія, какъ «этого опредѣленнаго» явленія, возможны не иначе, какъ на основаніи различенія, а всякое различеніе возможно не иначе, какъ путемъ нахожденія и сходствъ и различій. Если такъ, то всякое ассоціированіе опознанныхъ состояній должно сопровождаться между прочимъ и ассоціированіемъ по сходству и контрасту [1]).

Очень часто въ сознаніи всплываютъ подъ вліяніемъ сходства идеи, никогда не встрѣчавшіяся прежде рядомъ, слѣдовательно, не могшія послужить матеріаломъ для ассоціированія. Какъ извѣстно, и въ такихъ случаяхъ ассоціація по сходству можетъ быть сведена къ ассоціаціи по смежности, если сходныя состоянія сложны. Если одно состояніе складывается изъ частей abc, а другое изъ ade, то вслѣдъ за состояніемъ abc мы можемъ

[1]) См. гл. «Сознаніе и знаніе».

вспомнить ade потому, что a ассоціировано по смежности и съ bc и съ de. Наконецъ, надобно замѣтить, что ассоціація по сходству часто бываетъ опосредствована чувствованіями, настроеніями и стремленіями; если принять ихъ въ расчетъ, то такія воспроизведенія опять-таки сведутся къ ассоціаціи по смежности. Сюда относится, напр., такой случай: любуясь пейзажемъ въ туманный осенній день, мы испытываемъ сложное мистическое настроеніе и вслѣдъ за этимъ вспоминаемъ картины художника, отличающіяся такимъ же мрачнымъ тономъ и неопредѣленностью силуэтовъ и вызывающія подобное же мистическое настроеніе.

Не всѣ случаи ассоціаціи по сходству могутъ быть сведены къ ассоціаціи по смежности, и въ свою очередь не всякой ассоціаціи по смежности предшествуютъ ассоціированіе, обусловленное человѣческимъ я. Соотвѣтственно наличному состоянію на порогѣ сознанія всегда толпится безчисленное количество самыхъ разнообразныхъ идей, связанныхъ съ наличною иногда очень отдаленно; трудно допустить, чтобы всѣ такія связи были подготовлены предшествующимъ ассоціированіемъ, которое произведено человѣческимъ я. Такое появленіе прошлаго на порогѣ «моего» сознанія скорѣе слѣдуетъ объяснять какимъ-нибудь всеобщимъ свойствомъ міра, напр., цѣльностью и единствомъ его, цѣльностью, которая доходитъ до такихъ размѣровъ, что вмѣстѣ съ частью всегда дано и цѣлое, хотя бы и въ зачаточномъ состояніи. Съ этой точки зрѣнія ассоціированіе, производимое человѣческимъ я, есть лишь частный случай цѣльности міра [1]). Впрочемъ, мы не имѣемъ никакого права высказывать подобную гипотезу, да и вовсе не нуждаемся въ ней, такъ какъ вопросъ о томъ, что происходитъ за предѣлами я, какимъ образомъ подготовляется «данный» матеріалъ, состоящій изъ элементовъ болѣе или менѣе смежныхъ, совершенно не касается насъ въ этомъ сочиненіи. Ссылка на цѣльность міра *и даже ссылка на ассоціированіе*, производимое предварительно человѣческимъ я, была сдѣлана исключительно съ цѣлью какъ либо *иллюстрировать* также и ту сторону процесса воспроизведенія, которая совершается за предѣлами человѣческаго я; иначе разсужденія о сторонѣ процесса, зависящей отъ я, могутъ показаться черезъ чуръ туман-

[1]) См. Геффдингъ, Очерки Психологіи. 3 изд., стр. 134.

ными. Наша задача была вполнѣ разрѣшена уже тогда, когда мы показали, что появленіе воспроизведенной идеи въ «моемъ» сознаніи не опредѣляется одними внѣшними обстоятельствами, что они подготовляютъ какимъ-то образомъ «данный» матеріалъ, а проникновеніе его въ «мое» сознаніе всецѣло обусловлено «моимъ» вниманіемъ, т.-е. «моими» интересами.

Остается разобрать еще нѣкоторые частные случаи, какъ бы опровергающіе насъ, какъ бы указывающіе на то, что, по крайней мѣрѣ иногда, внѣшнія условія, напр., чрезвычайно частое повтореніе какой-нибудь идеи въ прошломъ, всецѣло обусловливаютъ вторженіе этой идеи въ «мое» сознаніе, независимо отъ «моихъ» интересовъ и даже вопреки имъ. Если студентъ въ теченіе двухъ-трехъ недѣль упорно готовится къ экзамену изъ органической химіи, то послѣ экзамена его долго могутъ осаждать отрывки воспоминаній, касающихся этой науки, и явленіе это принимаетъ иногда патологическій характеръ: стоитъ только произнести какое-нибудь слово, хотя бы отдаленно напоминающее какой-либо терминъ химіи, чтобы этотъ терминъ тотчасъ всплылъ въ сознаніи, напр., за словомъ «хлѣбъ» тотчасъ же слѣдуетъ воспоминаніе о «хлорѣ». Подобныя воспоминанія могутъ быть почти постоянно на порогѣ сознанія, такъ что всякая попытка подумать о чемъ бы то ни было начинается всплываніемъ въ сознаніи такихъ неотвязныхъ идей. Конечно, это вовсе не значитъ, будто ихъ появленіе не есть цѣлестремительный актъ. Не слѣдуетъ смѣшивать цѣлестремительность съ цѣлесообразностью, т.-е. съ удачнымъ выборомъ средствъ. Когда мы обдумываемъ какую бы то ни было мысль, собираемся отвѣчать на вопросъ и т. п., всѣ эти дѣятельности почти всегда начинаются поспѣшнымъ исканіемъ подходящихъ матеріаловъ, въ сознаніи появляются хаотическіе обрывки мыслей, на которыхъ вниманіе на минуту останавливается, но тотчасъ же покидаетъ многія изъ нихъ, такъ какъ онѣ оказываются неподходящими. Во многихъ случаяхъ мысли, наиболѣе подготовленныя внѣшними условіями, напр., частымъ повтореніемъ, къ тому, чтобы, вполнѣ сформировавшись, стоять на порогѣ сознанія, быть можетъ, только потому привлекаютъ въ себѣ вниманіе, что вполнѣ развиты, такъ что малѣйшаго отклоненія въ ихъ сторону совершенно достаточно, чтобы онѣ вошли въ сферу «моей» душевной жизни, и

въ моментъ исканія и затрудненія невольно удѣляешь имъ хоть долю вниманія въ надеждѣ найти что-либо подходящее. Точно такъ, если упадетъ лампа и загорится керосинъ, присутствующіе, растерявшись, начинаютъ или, по крайней мѣрѣ, собираются бросать на пламя всякую попавшуюся подъ руки вещь.

Наконецъ, намъ могутъ еще возразить, что сами стремленія, даже и стремленія въ актѣ вниманія возникаютъ по законамъ ассоціаціи. Съ этимъ и въ самомъ дѣлѣ необходимо согласиться, но лишь до извѣстной степени, именно поскольку сложныя высоко развитыя стремленія бываютъ опознанными, заключаютъ въ себѣ представленія, воспоминанія и т. п., т.-е. требуютъ обработки путемъ сравненія, различенія, припоминанія и складываются послѣ такой обработки не изъ однихъ «моихъ», но и еще изъ «данныхъ» состояній сознанія. Таково, напр., стремленіе красиво разставить мебель въ комнатѣ по опредѣленному плану. Подобныя стремленія въ законченной формѣ составляютъ какъ и всякое опознанное состояніе, вторичное явленіе въ душевной жизни, развивающееся вслѣдъ за первоначальнымъ болѣе простымъ неопознаннымъ стремленіемъ къ красивому цѣлому. Многія сложныя цѣли могутъ быть достигнуты не иначе, какъ при помощи такъ обработанныхъ стремленій; поскольку эта обработка основывается на прошломъ опытѣ и требуетъ припоминанія, постольку и самыя стремленія въ конечномъ, дифференцированномъ видѣ могутъ подлежать закону ассоціаціи. Правильнѣе, конечно, было бы выразиться, что закону ассоціаціи подчиняются не самыя стремленія, а выработка представленій, выражающихъ содержаніе стремленій. Такъ какъ мы знаемъ свое стремленіе только тогда, когда этотъ актъ опознанія его совершенъ, то мы не различаемъ этихъ двухъ стадій развитія стремленія и потому подвергаемся опасности перенести на самое стремленіе тѣ законы, которымъ подчиняется актъ опознанія стремленія. Эта опасность еще увеличивается тѣмъ, что мы склонны относить къ области стремленій также и болѣе сложные внутренніе акты, возникающіе по поводу первоначально смутнаго стремленія; напр., если вслѣдъ за смутнымъ влеченіемъ сдѣлать пріятный сюрпризъ другу по случаю его именинъ, тотчасъ же приходитъ въ голову остроумное средство для достиженія этой цѣли, то само-собою разумѣется придумываніе сред-

ства подчинено закону ассоціаціи идей, но зависимость отъ припоминаемаго матеріала распространяется лишь на *актъ нахожденія* средства для удовлетворенія первоначальнаго смутнаго влеченія, а не на *самое* это *влеченіе*.

Опознанное стремленіе часто можетъ быть предметомъ воспоминанія, и, слѣдовательно, возникать соотвѣтственно закону ассоціаціи идей. Однако *вспоминаемое стремленіе* вовсе не есть *дѣйствительное хотѣніе, желаніе*. Впрочемъ, оно легко можетъ послужить поводомъ къ возникновенію дѣйствительнаго стремленія, и это обстоятельство всего болѣе способствуетъ мысли, будто самыя стремленія подчиняются закону ассоціаціи идей. Несостоятельность этой мысли становится тотчасъ же ясною, если сопоставить воспоминаніе о какомъ-нибудь отжившемъ стремленіи (которое не служитъ теперь поводомъ къ пробужденію дѣйствительнаго стремленія) съ живымъ, дѣйствительнымъ хотѣніемъ; хотѣть и припоминать хотѣніе — это значитъ переживать два психическія состоянія въ такой же мѣрѣ различныя, какъ наличное воспріятіе Исаакіевскаго собора и воспоминаніе о немъ. Утверждать, что дѣйствительное хотѣніе есть воспроизведеніе прошлыхъ хотѣній, возникающее по ассоціаціи идей, это все равно, что говорить, будто наличное воспріятіе возникаетъ путемъ воспроизведенія. Кромѣ этого возраженія, основаннаго на различіи между воспроизведеннымъ и дѣйствительнымъ хотѣніемъ, можно сослаться еще на явленіе умиранія стремленій. Какъ бы часто ни повторялось какое-нибудь стремленіе, какъ бы интенсивно оно ни было, все равно, если оно изжито, т.-е. если цѣль вполнѣ достигнута, оно умираетъ и можетъ воскреснуть только въ видѣ припоминанія или въ видѣ «даннаго» стремленія, но не какъ «мое» стремленіе. Напримѣръ, если ученый, написавшій сочиненіе и печатающій его, въ теченіе цѣлаго года съ большимъ интересомъ ходитъ въ типографію, наблюдая за печатаніемъ иллюстрацій и т. п., то какъ бы часто и интенсивно ни повторялись въ прошломъ стремленія посѣтить типографію, они тотчасъ же исчезаютъ, какъ только трудъ вполнѣ оконченъ. Хорошій примѣръ этого рода есть въ Крейцеровой сонатѣ Толстого. Позднышевъ очень часто хотѣлъ совершить самоубійство изъ ненависти къ женѣ, жедая потрясти ее, причинить ей сильное страданіе. Тяжело ранивъ ее, онъ идетъ въ свой кабинетъ,

беретъ въ руки револьверъ, сознаетъ, что самоубійство необходимо, но чувствуетъ, что теперь у него нѣтъ въ дѣйствительности ни малѣйшаго желанія покончить съ собою.

Если всякое воспроизведеніе опирается на «данный» матеріалъ, подготовленный на порогѣ сознанія соотвѣтственно закону ассоціаціи, но окончательный выборъ изъ этого матеріала тѣхъ элементовъ, которые дѣйствительно должны всплыть въ «моемъ» сознаніи, зависитъ отъ «моихъ» интересовъ, и въ частности отъ «моего» вниманія, то надобно ожидать, что индивидуальныя различія въ области воспроизведенія и вообще памяти чрезвычайно велики какъ между различными лицами, такъ и у одного и того же лица въ отношеніи къ разнымъ предметамъ; между тѣмъ, экспериментальныя изслѣдованія показываютъ, что существуютъ сравнительно однообразныя зависимости припоминанія отъ различныхъ внѣшнихъ факторовъ. Однако болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ изслѣдованій показываетъ, что они вовсе не противорѣчатъ развитымъ здѣсь взглядамъ. Экспериментальная психологія не можетъ браться за изслѣдованіе явленій припоминанія во всей ихъ конкретной сложности. Она выдѣляетъ одну какую-нибудь сторону, одинъ факторъ изслѣдуемаго явленія и изучаетъ его съ помощью искусственнаго упрощенія дѣйствительности. При этомъ прежде всего изучаются объективные факторы, потому что ихъ легче всего учесть, но значеніе субъективныхъ индивидуальныхъ факторовъ при этомъ вовсе не отрицается: наоборотъ, ихъ тщательно приводятъ къ равенству въ различныхъ сравниваемыхъ случаяхъ, такъ какъ безъ этой предосторожности ряды опытовъ оказываются несравнимыми. Сошлемся, напр., на изслѣдованія Мюллера и Пильцекера, которые между прочимъ опредѣляли зависимость припоминанія отъ количества повтореній при запоминаніи. Для запоминанія они брали ряды безсмысленныхъ слоговъ; безсмысленность необходима для того, чтобы всѣ слоги представляли для испытуемаго субъекта одинаковую степень интереса. Читать эти слоги, наклеенные на равномѣрно вращающійся барабанъ, необходимо было съ одинаковымъ вниманіемъ, затрачивая на каждый слогъ одинаковое время, и по возможности не думать о нихъ въ промежуткѣ между запоминаніемъ и воспроизведеніемъ. Во время чтенія на слогахъ дѣлались трохаическія ударенія (одинъ слогъ съ удареніемъ, другой безъ ударенія);

спустя нѣкоторое время послѣ чтенія испытуемому субъекту показывали слоги, прочтенные съ удареніемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ припоминалъ слѣдующій слогъ безъ ударенія. Количество правильно припоминаемыхъ слоговъ, быстрота воспроизведенія и т. п. особенности припоминанія оказываются зависящими отъ числа повтореній при запоминаніи. Этотъ результатъ нисколько не противорѣчитъ нашему утвержденію, что переходъ идеи въ сферу «моего» сознанія вполнѣ зависитъ отъ «моихъ» стремленій. Но, конечно, при относительномъ равенствѣ субъективныхъ условій припоминанія должно обнаруживаться также и вліяніе объективныхъ факторовъ. Впрочемъ, и здѣсь вліяніе объективнаго фактора обнаруживается лишь благодаря еще одному упрощенію наблюденія, необходимостью котораго особенно подтверждаются наши взгляды. Если мы правы, то припоминаніе есть всегда выборъ нужной идеи изъ числа «данныхъ» идей, подготовленныхъ на порогѣ сознанія; слѣдовательно, всякое припоминаніе есть исканіе приводящее къ удачному результату, обыкновенно, не сразу; если бы изслѣдователь принималъ въ расчетъ самыя *первыя стадіи исканія*, то каждый случай припоминанія оказался бы настолько своеобразнымъ, что почти невозможно было бы установить связь между припоминаніемъ и числомъ повтореній идеи въ прошломъ. Когда испытуемому субъекту показываютъ одинъ изъ прочитанныхъ слоговъ, ему, обыкновенно, вовсе не сразу припоминается слѣдующій слогъ: очень часто сначала припоминается только то мѣсто, гдѣ находится слогъ, или же припоминается цѣлый соотвѣтствующій рядъ слоговъ и путемъ реконструкціи его получается искомый слогъ; иногда для припоминанія слога дѣлаются движенія губами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ припоминается прежде всего, что искомый слогъ относится къ числу легко произносимыхъ, что онъ похожъ на какое-нибудь осмысленное слово и т. п.; очень часто сначала припоминаются какіе-нибудь другіе слоги, но испытуемый субъектъ знаетъ, что они не нужны и роется въ памяти до тѣхъ поръ, пока не найдетъ нужный слогъ [1]). Если сюда присоединить еще различныя чувствованія, сопровождающія этотъ процессъ исканія, всевоз-

[1]) Müller und Pilzeçker, Experimentelle Beiträge zur Lehre vom Gedächtniss. S. 13—19.

можные обертоны въ родѣ тѣхъ, что описаны Джемсомъ и т. п., то первоначальныя стадіи припоминанія окажутся безконечно разнообразными, и при томъ разнообразіе это окажется неописуемымъ, не подлежащимъ точному учету. Поэтому, для цѣлей экспериментальнаго изслѣдованія приходится еще болѣе упростить задачу, именно, оставить въ сторонѣ то, что возникаетъ въ сознаніи *непосредственно* вслѣдъ за узнаваніемъ показаннаго слога, а отмѣчать лишь конечный результатъ исканія, т.-е. удачу или неудачу его. Неудивительно, если упрощенная такимъ образомъ дѣйствительность не даетъ никакихъ указаній на самый механизмъ припоминанія, на важнѣйшій дѣятельный факторъ его, именно на «мои» стремленія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Личность.

I. Понятія духа, личности и я.

Все содержаніе индивидуальнаго сознанія или, вѣрнѣе, даже каждое явленіе въ немъ можетъ быть подраздѣлено на двѣ стороны, на «мое» и «данное мнѣ». До сихъ поръ подъ словомъ я мы разумѣли просто совокупность «моихъ» состояній сознанія, но теперь пора придать болѣе спеціальное значеніе этому термину. Обыкновенно, этимъ словомъ обозначается не та или иная группа состояній сознанія, а болѣе высокое начало, гипотетически допускаемое для объясненія нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ «моей» психической жизни. Впрочемъ, слѣдуя общему феноменалистическому теченію современной науки, подъ терминомъ я можно разумѣть также «мои» *состоянія сознанія или часть ихъ, поскольку они отличаются нѣкоторыми особенными свойствами.* Мы будемъ строить свои опредѣленія такъ, чтобы они соотвѣтствовали феноменалистическимъ тенденціямъ современнаго эмпирическаго изслѣдованія.

Особенныя свойства совокупности «моихъ» состояній сознанія, заслуживающія того, чтобы выразить ихъ въ особомъ поня-

тіи, суть единство и творческая активность этихъ состояній. Оба эти свойства пріурочены къ «моимъ» стремленіямъ. Перемѣны въ «моей» жизни всегда причиняются стремленіями, и эти стремленія не разрознены, а причиняютъ другъ друга, образуя системы, въ которыхъ производныя звенья относятся къ болѣе первоначальнымъ, какъ средство къ цѣли. Слѣдовательно, стремленія въ самомъ дѣлѣ суть не только активное начало, но и начало, связывающее «мои» состоянія въ систематическое цѣлое. Поэтому, мы будемъ обозначать терминомъ я систему «моихъ» стремленій.

Ходъ развитія самопознанія подтверждаетъ, что словомъ я обозначается объединяющее активное начало въ индивидуальномъ сознаніи [1]). Такъ какъ разграничить данное и произведенное нами содержаніе сознанія трудно, то первоначально словомъ я обозначаются не только стремленія, но и вызываемыя ими перемѣны (мысли, эмоціи и т. п.) и даже тѣло, т.-е. та часть внѣшняго міра, которая наиболѣе зависитъ отъ нашей активности; впослѣдствіи тѣло уже не включается нами въ значеніе слова я: своимъ я мы начинаемъ называть лишь наши акты и ихъ психическое содержаніе. При этомъ психическія состоянія, разыгрывающіяся на периферіи сознанія, тоже не включаются въ сферу я. Если на периферіи сознанія промелькнетъ, не оставивъ никакого слѣда, совершенно «*помимо нашей воли*» какая-либо дурная едва сформировавшаяся мысль, мы чувствуемъ себя въ такой мѣрѣ неповинными въ ней, настолько же не относимъ ее къ своему я, какъ и судорогу въ ногѣ.

Наконецъ, при дальнѣйшемъ самоанализѣ является потребность произвести еще болѣе глубокое разграниченіе въ оставшемся содержаніи я. Содержаніе акта (воспріятіе, мысль, картина фантазіи) представляются чѣмъ-то болѣе далекимъ отъ я въ сравненіи со стремленіями, давшими начало этимъ актамъ. Если кто-либо коситъ глаза, чтобы заглянуть въ чужое письмо или настораживаетъ ухо, чтобы подслушать чужой разговоръ, то для характеристики его я не важно, видѣлъ ли онъ что-нибудь или слышалъ, а важно то, что ему хотѣлось видѣть и слышать. Если остановиться на этой ступени самоанализа, то подъ сло-

[1]) См. Вундтъ. Очеркъ психологіи, перев. подъ ред. Грота, стр. 261.

вомъ я нужно разумѣть совокупность стремленій, встрѣчающихся въ индивидуальномъ сознаніи.

Однако и на этомъ нельзя остановиться: стремленія, быть можетъ, стоятъ ближе всего къ я, но они еще не составляютъ самого я: о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, мы говоримъ «мое стремленіе» но не «я—стремленіе». Итакъ, позади «моихъ» стремленій или среди нихъ нужно еще отыскать отличное отъ нихъ я. Выполняя эту задачу, мы можемъ придти лишь къ очень неопредѣленному результату, именно принуждены лишь ограничиться констатированіемъ факта, что всѣ мои стремленія сознаются связанными съ какимъ-то однимъ и тѣмъ же ближе неопредѣлимымъ центромъ; иными словами, они, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перемѣны, производимыя ими, составляютъ единство, *непосредственно сознаваемое, какъ единство.* Нѣкоторыя группы стремленій, относящихся другъ къ другу, какъ средства къ цѣлямъ, особенно тѣсно сплочены и непосредственно сознаются, какъ *обусловленныя* лежащимъ въ основѣ ихъ *первоначальнымъ* стремленіемъ. Поэтому можно сказать, что каждое я выражается въ видѣ единства нѣсколькихъ первоначальныхъ стремленій, изъ которыхъ вытекаютъ ряды производныхъ стремленій. Быть можетъ, и эти опознанныя первоначальныя стремленія составляютъ единство также потому, что они суть производныя стремленія, возникающія изъ какого-либо одного неопознаннаго, наиболѣе глубокаго «моего» стремленія. Повидимому, я есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ отдѣльныя стремленія; однако для нашего познанія оно ближе неопредѣлимо и выражается для насъ лишь въ видѣ единства стремленій и соотвѣтствующихъ имъ перемѣнъ. Поэтому намъ остается лишь заняться изученіемъ свойствъ этого единства.

Самое замѣчательное свойство этого единства—это его *относительная самостоятельность, непроизводность*, въ томъ смыслѣ, что оно не есть сумма своихъ элементовъ (представленій, чувствъ и т. п.), что его элементы не существуютъ раньше его: оно возникаетъ не такъ, какъ куча камней, которая складывается изъ частей, лежавшихъ прежде отдѣльно. Новые члены въ единствѣ я не присоединяются извнѣ, а какъ бы вырастаютъ изъ самого этого единства, хотя и при участіи внѣшнихъ воздѣйствій, такъ что въ немъ цѣлое существуетъ раньше частей. Эта мысль под-

робно подтверждается всею предыдущей главой, въ которой показано, что всякая перемѣна въ жизни я, даже и возникающая по поводу внѣшнихъ явленій, есть реакція я, обусловленная его внутреннею природою, его стремленіями. Поэтому-то и возможно единство я: оно можетъ сохраняться лишь въ томъ случаѣ, если внѣшніе факторы перемѣнъ играютъ не одинаковую роль съ внутренними, если я реагируетъ не на всякій внѣшній поводъ, а лишь на тотъ, который соотвѣтствуетъ его природѣ, и лишь такъ, какъ это соотвѣтствуетъ его природѣ.

Развертываніе жизни я изъ внутренней природы его нарушается только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно тогда, когда перемѣна возникаетъ на основаніи стремленій, которыя мы назвали вынужденными. Однако, именно эти исключительные случаи, объясненія которыхъ мы поищемъ въ концѣ настоящей главы, подчеркиваютъ нашу мысль о непроизводности я изъ элементовъ, входящихъ въ него, о томъ, что эти элементы возникаютъ изъ я, а не складываютъ я. Въ самомъ дѣлѣ, перемѣны, насильственно вторгающіяся извнѣ, вовсе не составляютъ того, что мы называемъ нашимъ я, онѣ сознаются, какъ нѣчто нарушающее нормальный ходъ жизни я, и вызываютъ сопротивленіе, кончающееся рано или поздно побѣдою я.

Въ отвѣтъ на соображенія о зависимости реакцій я отъ его внутренней природы, часто говорятъ, что сама внутренняя природа я складывается постепенно подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, въ родѣ наслѣдственности (вліяніе организаціи родителей), воспитанія, климата, пищи и т. п. Поэтому хотя перемѣны въ развитомъ я и обусловливаются преимущественно внутреннимъ факторомъ, все же это не указываетъ на самостоятельность и непроизводность я и реакцій, изъ которыхъ складывается его жизнь: своеобразіе его реакцій есть результатъ своеобразной совокупности прежнихъ внѣшнихъ вліяній. Однако возражающіе такимъ образомъ упускаютъ изъ виду, что и прежнія вліянія, *насколько мы знаемъ жизнь я на основаніи опыта*, вызывали перемѣны въ я не сами по себѣ, а при столкновеніи съ внутреннимъ факторомъ и соотвѣтственно ему. Слѣдовательно, реакціи развитого я дѣйствительно зависятъ отъ его прошлаго, однако подъ словомъ прошлое нужно разумѣть не совокупность внѣшнихъ условій, а совокупность внутреннихъ переживаній, которыя,

правда, возникали по поводу внѣшнихъ условій, но имѣли своеобразную форму въ зависимости отъ стремленій я. Такъ, напр., два ребенка могутъ въ дѣтствѣ подвергаться несправедливостямъ и жестокому обращенію, но реакціи ихъ на эти воздѣйствія могутъ быть настолько различными, что изъ одного выйдетъ отъявленный негодяй, а изъ другого—святой. Мы не можемъ здѣсь отказать себѣ въ удовольствіи привести образное выраженіе этой мысли изъ статьи Геффдинга «Ueber Wiedererkennen, Association und psychische Activität»: «Какъ небесныя тѣла нашей солнечной системы, по канто-лапласовской гипотезѣ, имѣли нѣкоторую начальную скорость и начальное направленіе, когда оторвались отъ огромной туманности, такъ и наша сознательная жизнь,—въ тотъ моментъ, когда она пробуждается изъ мрака, не освѣщеннаго сознаніемъ,—начинается съ активности, сообразной съ законами, которымъ она подчиняется и впослѣдствіи. Она начинается съ предрасположеній, не только обусловливающихъ то, что изъ нея можетъ выйти впослѣдствіи, но и сообщающихъ ей въ отношеніи внѣшнихъ вліяній извѣстную самостоятельность. Развитіе начинается не съ абсолютнаго покоя, а переходитъ отъ болѣе элементарныхъ къ болѣе сложнымъ формамъ активности. Индивидуальныя различія основываются на степени активности и направленіи, въ которомъ она движется съ самаго начала» [1]).

Не соглашаться съ этимъ разсужденіемъ, это значитъ утверждать, что всевозможныя условія въ родѣ кислорода, мяса, кофе и т. п. обладаютъ до извѣстной степени самостоятельною, непроизводною активностью, за исключеніемъ только я, которое первоначально вполнѣ пассивно и реагируетъ впослѣдствіи лишь соотвѣтственно тому, что въ него вложили внѣшнія условія. Точнѣе говоря, это значитъ, что я первоначально вовсе не существовало (поэтому-то оно и было абсолютно пассивно), а впослѣдствіи оно возникло, какъ сумма явленій, которыя относятся къ различнымъ субстанціальнымъ (непроизводнымъ) единствамъ (напр., къ различнымъ клѣточкамъ тѣла), и составляютъ въ свою очередь вмѣстѣ нѣкоторое единство, однако это единство *не субстанціальное* (не непроизводное изъ своихъ частей), а *внѣшне* сложившееся, подобное, напр., единству спора въ на-

[1]) Vierteljahrsschrift für wiss. Philosophie, XIV, III, стр. 316.

учномъ обществѣ, въ томъ смыслѣ, что отдѣльныя явленія, изъ которыхъ складывается такой споръ или такое я, относятся къ различнымъ субстанціямъ. Именно такъ и смотрятъ на единство я матеріалисты; этотъ взглядъ необходимо вытекаетъ изъ основъ ихъ міровоззрѣнія, и потому хотя онъ противорѣчитъ непосредственному сознанію и приводитъ къ натяжкамъ, имъ приходится держаться его.

Въ иномъ положеніи находятся психологи, признающіе самостоятельность психическихъ явленій. Никакія внѣшнія для психологіи соображенія не препятствуютъ имъ признать, согласно съ непосредственнымъ свидѣтельствомъ опыта, относительную непроизводность я; поэтому для нихъ отрицать эту непроизводность значитъ впадать въ противорѣчія и натяжки, ничѣмъ неизвиняемыя. Къ тому же они слѣдуютъ при этомъ всеобщему закону нашей познавательной дѣятельности, а можетъ быть и самой познаваемой дѣйствительности, согласно которому ни одно явленіе намъ не представляется самостоятельно существующимъ: каждое изъ нихъ не только причиняется другими явленіями, но еще и представляется существующимъ въ какомъ-либо единствѣ явленій, которое, какъ единство, относительно своихъ частей непроизводно, т.-е. не складывается изъ нихъ, а существуетъ раньше ихъ, носитъ ихъ въ себѣ. Иными словами, каждое явленіе составляетъ принадлежность какой-либо *субстанціи*, такъ какъ подъ словомъ субстанція современная эмпирическая наука, старающаяся не выходить за предѣлы даннаго во времени и пространствѣ, разумѣетъ не что иное, какъ относительно замкнутое и относительно непроизводное единство возможныхъ и дѣйствительныхъ явленій. Если психическія явленія не выводимы изъ физическихъ, то они должны, согласно этому закону, распадаться на такія единства, которыя можно назвать *духовными субстанціями*. При этомъ въ отношеніи единства я логически возможны двѣ гипотезы, во-первыхъ, можно считать единство я духовною субстанціею, которая или абсолютно непроизводна, или входитъ, какъ часть, въ какую-либо высшую духовную субстанцію, напр., есть единство какой-либо частной группы дѣятельностей абсолютнаго субъекта, или же отпочковывается отъ равнаго ему единства, т.-е. отъ другого подобнаго ему, частнаго я (въ такомъ случаѣ въ параллель положенію omnis cellula e cellula можно

было бы сказать: «всякое я изъ я»); во-вторыхъ, можно считать я не субстанціальнымъ, а *сборнымъ единствомъ*, именно, предполагать, что оно складывается изъ болѣе простыхъ, но зато субстанціальныхъ духовныхъ единствъ, входящихъ въ него цѣликомъ, или же изъ отдѣльныхъ явленій, относящихся къ болѣе простымъ или болѣе сложнымъ, чѣмъ я, субстанціальнымъ духовнымъ единствамъ. Это вторая гипотеза въ высшей степени непослѣдовательна. Она допускаетъ существованіе духовныхъ субстанцій, но подводитъ подъ это понятіе не я, а какія-то другія группы психическихъ явленій. Между тѣмъ единство и относительная самостоятельность жизни нашего я живѣе чувствуется нами, чѣмъ единство и самостоятельность какихъ бы то ни было другихъ группъ явленій. Какъ извѣстно, многіе философы предполагаютъ даже, что самая идея субстанціи явилась исключительно на почвѣ самонаблюденія и прилагается къ другимъ явленіямъ не только духовнаго, но и физическаго міра лишь по аналогіи, такъ сказать, путемъ полусознательнаго теоретизированія. Быть можетъ, эта мысль въ цѣломъ невѣрна, но ужъ во всякомъ случаѣ нужно согласиться, что въ мірѣ духовныхъ явленій наше я составляетъ единственный, хорошо намъ извѣстный примѣръ относительно самостоятельнаго сплошного единства духовныхъ явленій; поэтому надѣлять такими свойствами какія-то другія группы духовныхъ явленій, не данныя въ нашемъ непосредственномъ опытѣ въ такой полной формѣ, и отказывать въ нихъ нашему я, это значитъ противорѣчить основнымъ требованіямъ эмпирической науки. Психологъ, признающій самостоятельность психической жизни вообще, можетъ принять вторую гипотезу, развѣ только подчиняясь какимъ-либо побочнымъ теоретическимъ соображеніямъ. Въ данномъ случаѣ такія соображенія могутъ быть двоякаго рода. Во-первыхъ, несмотря на принципъ самостоятельности психологическаго изслѣдованія, такой психологъ можетъ все же невольно подчиняться даннымъ психофизіологіи, истолкованнымъ въ духѣ матеріализма, и подъ вліяніемъ ихъ считать субстанціальнымъ единствомъ не я, а какую-нибудь болѣе простую группу психическихъ явленій. Во-вторыхъ, скептическое отношеніе къ субстанціальности я можетъ быть подсказано и нѣкоторыми фактами, указывающими на отсутствіе полной самостоятельности я; между прочимъ къ такому сомнѣ-

нію могутъ приводить явленія рожденія и смерти, хотя они и не даны въ непосредственномъ опытѣ въ видѣ возникновенія или полнаго уничтоженія я, а изучаются только объективнымъ методомъ, крайне ненадежнымъ именно въ этомъ экстраординарномъ случаѣ. Нечего и говорить, что данныхъ, говорящихъ противъ самостоятельности я, очень много. Но вѣдь никто и не обязываетъ насъ даже и въ наукахъ о физическомъ мірѣ разумѣть подъ субстанціею абсолютно самостоятельное, абсолютно замкнутое единство [1]). Достаточно, если мы признаемъ въ психологіи непроизводность я изъ явленій, входящихъ въ него, и предоставимъ другой наукѣ, именно метафизикѣ, рѣшать вопросъ, не слѣдуетъ ли признать, что я есть единство производное, возникающее, напр., изъ абсолютнаго субъекта или изъ другого такого же я. Такое ученіе объ относительной самостоятельности я и производности его изъ болѣе высокаго единства довольно широко распространено въ современной психологіи. Его, напр., придерживаются въ различныхъ видоизмѣненіяхъ Лотце, Имм. Герм. Фихте, Ремке, Гартманнъ, Паульсенъ, Вундтъ, Липпсъ.

Проявленія единства сознанія настолько сложны и такъ настойчиво переводятъ изъ области психологіи въ область метафизики, что невозможно ограничиться разсмотрѣніемъ ихъ съ одной какой-либо точки зрѣнія, укладывающейся въ одномъ какомъ-либо понятіи. Поэтому многіе современные психологи, занимаясь этимъ вопросомъ, различаютъ понятія я и личности, души и я и т. п.

Значеніе этихъ терминовъ и характеръ этихъ различеній еще далеко не установились. Однако разбираться въ подробностяхъ намъ незачѣмъ. Мы занимаемся основными ученіями волюнтаристической психологіи, лишь поскольку они руководятъ эмпирическою психологіею; поэтому намъ достаточно двухъ понятій, одного психологическаго, соотвѣтственно данному въ опытѣ единству стремленій, и другого метафизическаго, соотвѣтственно предполагаемому высшему началу, лежащему въ основѣ этого единства. Первое понятіе мы обозначимъ терминомъ личность, а второе терминами духъ, душа, я. Впрочемъ этими послѣдними терминами мы будемъ пользоваться и вмѣсто термина личность,

---

[1]) См. Логику Липпса, стр. 119 с.

но не наоборотъ. Недоразумѣній отъ этого не произойдетъ, такъ какъ мы почти не будемъ заниматься метафизическимъ понятіемъ духа и его отношеніемъ къ личности, а будемъ изслѣдовать лишь данное въ опытѣ относительно самостоятельное единство стремленій. Даже вопросъ о томъ, не есть ли каждое индивидуальное единство стремленій, т.-е. личность, одна изъ стадій развитія соотвѣтствующаго ей духа, такъ что духъ вѣченъ, но на разныхъ ступеняхъ своего развитія выражается въ видѣ различныхъ личностей, не занимаетъ насъ: доказывать, что личность, возникающая и исчезающая во времени, есть фаза развитія чего-то вѣчнаго, намъ вовсе не нужно, такъ какъ говоря о непроизводности и самостоятельности личности, мы имѣемъ въ виду лишь непроизводность ея изъ ея элементовъ (представленій, чувствъ и т. п.).

Какъ мы уже говорили, развиваемое нами ученіе о я заключаетъ въ себѣ лишь примѣненіе къ душевной жизни понятій, съ которыми мы оперируемъ на каждомъ шагу, разсуждая о физическомъ мірѣ. Всѣ явленія его распадаются для нашего воспріятія на субстанціальныя (непроизводныя изъ своихъ частей) единства, и каждый новый членъ такого единства возникаетъ по поводу воздѣйствія извнѣ, но опредѣляется по существу природою того единства, въ которомъ возникаетъ. Однако физическій міръ мы познаемъ лишь отрывочно въ сравненіи съ міромъ нашего я, поэтому нужно ожидать, что понятіе субстанціи въ психологіи окажется болѣе содержательнымъ, чѣмъ въ наукахъ, о физическомъ мірѣ. И это въ самомъ дѣлѣ такъ: мы назвали я не просто единствомъ явленій, а единствомъ стремленій; значитъ оно есть единство *дѣятельностей,* именно *цѣлестремительныхъ актовъ.* Въ болѣе общемъ смыслѣ признакъ дѣятельности, активнаго порожденія явленій мы невольно вводимъ во всякое понятіе субстанціи: измѣненія въ тѣлахъ подъ вліяніемъ воздѣйствій извнѣ мы склонны считать также *реакціями* тѣла. Обыкновенно, такое представленіе о физическомъ мірѣ принимаютъ за проявленіе нашей склонности къ антропоморфизму и стараются искоренить его въ ученіи о физическомъ мірѣ, а затѣмъ изгнать понятіе активности также и изъ психологіи. Быть можетъ, въ ученіи о физическомъ мірѣ такое направленіе имѣетъ серьезныя основанія, но въ психологіи оно приводитъ къ заблужденію: оно

игнорируетъ чувствованіе активности или же дѣлаетъ его, а также понятіе силы вообще необъяснимымъ безъ натяжекъ. Возстановляя права этихъ важныхъ элементовъ всякаго міросозерцанія и утверждая, что *я есть субстанція, непосредственно сознающая всѣ свои состоянія, какъ свои акты, производимые ею сообразно своимъ стремленіямъ,* мы, такъ сказать, лишь пытаемся вновь *ввести антропоморфизмъ въ антропологію.* Самые эти термины уже указываютъ на законность нашего предпріятія.

Ученіе о личности, какъ о единствѣ стремленій, въ той формѣ, какъ оно развито до сихъ поръ, можетъ подать поводъ къ сопоставленію его съ извѣстною сценою изъ комедіи Мольера, съ разсужденіемъ доктора, который на вопросъ, почему усыпляетъ опіумъ, отвѣтилъ, что у опіума есть «усыпляющая способность». Намъ могутъ сказать, что мы, слѣдуя рецепту этого доктора, очень легко справляемся съ задачею объясненія явленій. Передъ нами разыгрывается какой-либо рядъ событій, напр., арестуютъ преступника, но онъ сначала пытается выскочить черезъ окно, а потомъ выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ; мы утверждаемъ, что личность преступника заключаетъ въ себѣ стремленіе къ свободѣ, стремленіе выскочить черезъ окно, выхватить револьверъ, прицѣлиться и нажать курокъ, находимъ такимъ образомъ причину всѣхъ этихъ явленій и успокаиваемся на этомъ.

Такое комическое изображеніе изложеннаго нами ученія было бы несправедливымъ. Во-первыхъ, огромная разница, между «усыпляющею способностью» и человѣческими стремленіями, на которыя мы дѣйствительно *между прочимъ* сослались бы въ данномъ случаѣ, состоитъ въ томъ, что способность, указываемая докторомъ, есть *не новый фактъ* въ сравненіи съ усыпленіемъ, а лишь описаніе того же факта усыпленія, какъ возможнаго; наоборотъ, стремленіе къ свободѣ, стремленіе выскочить черезъ окно и даже стремленіе нажать курокъ суть *реальные факты иного порядка*, чѣмъ выскакиваніе, нажатіе курка и т. д. и при томъ факты, необходимо предшествующіе дѣйствительному сознательному выскакиванію и т. п. Во-вторыхъ, мы вовсе не утверждаемъ, что единство стремленій, составляющее личность, съ самаго начала дано цѣликомъ, такъ что преступникъ, уже при рожденіи на свѣтъ испытывалъ стремленіе

выскочить черезъ окно, нажавъ курокъ, и эти стремленія только таились до того момента, когда обстановка дала поводъ къ соотвѣтствующей имъ реакціи. Ссылкою на стремленіе мы дѣйствительно объясняемъ перемѣну и ея характеръ, но вслѣдъ за этимъ намъ предстоитъ гораздо болѣе трудная задача—объяснить, почему въ данномъ единствѣ возникло именно такое, а не иное стремленіе. Новое стремленіе есть новый членъ внутренняго фактора перемѣнъ въ жизни я; въ единствѣ я эти новые члены, новыя стремленія обусловлены всѣми предыдущими стремленіями вмѣстѣ съ переживаніями, соотвѣтствующими имъ. Слѣдовательно, для объясненія новыхъ явленій въ жизни личности нужно изучить порядокъ возникновенія новыхъ производныхъ стремленій въ зависимости отъ единства старыхъ стремленій и перемѣнъ, иными словами, узнать законы смѣны психическихъ явленій. Одинъ изъ самыхъ общихъ такихъ законовъ мы попытались установить въ предыдущей главѣ.

II. Не личные („данные") элементы индивидуальнаго сознанія.

Всѣ явленія индивидуальнаго сознанія мы подраздѣлили на «мои» и «данныя» мнѣ. Всеобщій законъ, согласно которому всякое явленіе есть членъ какого-либо субстанціальнаго единства, осуществляется для «моихъ» элементовъ индивидуальнаго сознанія чрезвычайно наглядно и опредѣленно въ томъ смыслѣ, что они непосредственно сознаются, какъ результаты дѣятельности я. Они составляютъ упорядоченную систему, въ которой всѣ члены зависятъ другъ отъ друга, а нѣкоторыя группы прямо-таки состоятъ изъ цѣпи производныхъ цѣлей, приноровленныхъ къ одной первоначальной цѣли.

Посмотримъ же теперь, какъ выполняется этотъ же всеобщій законъ для данныхъ явленій, т.-е. явленій «не моихъ», изъ которыхъ складывается міръ данныхъ мнѣ объектовъ. Къ числу «даннаго» относится или можетъ относиться все содержаніе воспріятій физическаго міра, именно и ощущенія, и связи между ними; далѣе къ этой же области относятся органическія ощущенія и, наконецъ, сюда же можетъ относиться всякое другое психическое состояніе, напр., «поступки во мнѣ» или какое бы то ни было воспоминаніе, поскольку оно всплываетъ въ готовомъ

видѣ, какъ нѣчто данное. Можно утверждать, что къ области даннаго относится все низшее, простѣйшее въ нашей душевной жизни (напр., всѣ ощущенія), а также, обыкновенно, все наивысшее; напр., неожиданныя вспышки творческой мысли въ моментъ зарожденія художественнаго произведенія или научнаго открытія совершаются, обыкновенно, такъ, какъ будто бы какой-то высшій геній сразу «даетъ», внушаетъ въ видѣ неяснаго клубка цѣлый новый міръ идей; таковы моменты вдохновенія. Слѣдовательно, область «моего» составляютъ продукты средняго достоинства: построенія изъ простѣйшихъ элементовъ, а также идеи и образы, полученные путемъ разработки по болѣе или менѣе сознательному и не особенно творческому плану изъ новыхъ творческихъ идей, «данныхъ» въ моментъ вдохновенія.

«Данныя» состоянія сознанія не принадлежатъ я, не принадлежатъ субъекту, слѣдовательно, они относятся къ транссубъективному міру. Такимъ образомъ, наше понятіе транссубъективнаго, существующаго внѣ меня міра отличается отъ общепринятаго понятія одною чрезвычайно существенною чертою: подъ транссубъективнымъ міромъ мы разумѣемъ не только чужія психическія состоянія, не данныя въ нашемъ опытѣ, *также не только воспріятія физическаго міра, но и данныя мнѣ психическія состоянія, ни въ какомъ смыслѣ не относимыя никѣмъ къ сферѣ физическаго міра.* Если принять во вниманіе этотъ транссубъективный данный въ опытѣ психическій міръ, то непроходимая пропасть между субъективнымъ и транссубъективнымъ совершено исчезаетъ: нѣкоторыя явленія, вполнѣ одинаковыя по содержанію (напр., страстное стремленіе выпить стаканъ вина и выпиваніе его), могутъ принадлежать то къ «моему» субъективному міру, то къ «*данному мнѣ*» *транссубъективному* міру, и вся разница при этомъ состоитъ лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ они окрашены чувствованіемъ принадлежности мнѣ («мое» стремленіе и «мой» поступокъ), а во второмъ случаѣ сознаются, какъ «данныя» («стремленіе во мнѣ» и «поступокъ во мнѣ»), и принадлежащія чему то, что чуждо нашему я, хотя и локализуется иногда въ нашемъ тѣлѣ. Хорошій примѣръ такого смутнаго представленія о принадлежности нѣкоторыхъ состояній индивидуальнаго сознанія не «моему» я, а какой-то другой субстанціи есть въ сочиненіи Левитова «Степная дорога днемъ», въ разсказѣ пьяницы о

томъ, какъ «запойный червь» заставляетъ его пить [1]). Психопатологія можетъ дать безчисленное количество примѣровъ этого рода; сюда, напр., относятся тѣ случаи, когда больной высказываетъ сложныя мысли или совершаетъ сложные поступки и увѣряетъ, что это дѣлаетъ не онъ, а другое лицо, вселившееся въ него. Въ виду аналогіи такихъ «данныхъ» состояній съ «моими» состояніями естественно предположить, что они образуютъ *единства*, непосредственно *сознаваемыя*, какъ «мои» (но, конечно, *не всегда опознаваемыя*) какими-либо *другими я*, и соотвѣтствуютъ «моимъ» стремленіямъ этихъ другихъ я.

Такъ какъ мы установили въ сферѣ я единственный видъ причинности — цѣлестремительную причинность и не нашли въ себѣ другихъ образцовъ причинности, то мы принуждены въ отношеніи къ этимъ «даннымъ» психическимъ явленіямъ или ограничиться внѣшнимъ изученіемъ отношеній ихъ во времени, слѣдовательно, отказаться отъ построенія связной картины міра, или сдѣлать указанное допущеніе и свести къ одинаковой формулѣ, по крайней мѣрѣ, *всѣ психическія явленія,* потому что не только «поступки во мнѣ», но и тѣ явленія, которыя мы назвали «состояніями» въ собственномъ смыслѣ этого слова [2]), напр., воспоминанія, всплывающія въ готовомъ видѣ, всевозможныя смутныя идеи, толпящіяся постоянно на периферіи сознанія, стремительно врывающіяся въ моментъ вдохновенія потоки «данныхъ» идей и т. п., слѣдуетъ истолковывать подобнымъ же образомъ. Они менѣе похожи на «мои» волевые акты, чѣмъ «поступки во мнѣ», потому что въ нихъ нельзя подмѣтить отчетливо выраженныхъ «стремленій во мнѣ», однако въ остальныхъ отношеніяхъ они организованы такъ же, какъ и перемѣны въ волевыхъ актахъ. Мало того, если всмотрѣться, то окажется, что и они заключаютъ въ себѣ какія-то смутныя «данныя» чувствованія, въ родѣ стремленій и активности, напр., это особенно замѣтно въ идеяхъ, данныхъ въ моментъ вдохновенія. Къ тому же всѣ эти «состоянія» тоже вовсе не неподвижны: они живутъ, разрастаются или съуживаются на нашихъ глазахъ, помимо нашей воли; это можно всегда подмѣтить на периферіи сознанія. Самостоятельная жизнь

---

[1]) Собр. соч. т. I, стр. 160.

[2]) См. выше стр. 26.

объективнаго даннаго въ непосредственномъ опытѣ психическаго міра особенно ярко обнаруживается въ сферѣ припоминаемаго: очень часто то, что̀ мы обдумываемъ или строимъ въ воображеніи, впослѣдствіи припоминается въ нѣсколько иной формѣ, нерѣдко болѣе организованной, какъ бы указывающей на цѣлестремительную самодѣятельность этого «даннаго» міра. Явленій такого рода очень много, они сильно говорятъ въ пользу нашей гипотезы, однако для подробнаго описанія ихъ пришлось бы дать рядъ монографій, потому что наблюденія надъ ними съ развиваемой здѣсь точки зрѣнія не производились, хотя указанія на нихъ встрѣчаются часто.

Впрочемъ, сколько бы мы такихъ фактовъ ни приводили, гипотеза наша все же осталась бы только гипотезою; она по существу принадлежитъ къ числу основныхъ вопросовъ, окончательное рѣшеніе которыхъ возможно не иначе, какъ въ связи со всѣми проблемами гносеологіи и въ частности въ связи съ проблемою познанія чужой душевной жизни. Здѣсь въ психологическомъ изслѣдованіи, гдѣ приходится стоять на почвѣ аналогій, она уже и теперь въ достаточной степени вѣроятна для тѣхъ, кто полагаетъ, что физическіе процессы не могутъ быть полною причиною психическихъ явленій, и соглашается съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ я. Подробное наблюденіе жизни «состояній» сознанія скорѣе должно слѣдовать за этою гипотезою, а не предшествовать ей. По крайней мѣрѣ, роль большинства гипотезъ въ томъ и состоитъ, что онѣ облегчаютъ дальнѣйшее наблюденіе фактовъ, указывая плодотворные пути для изслѣдованія.

Если наше допущеніе вѣрно, то это значитъ, что состоянія сознанія, пріурочиваемыя нами къ человѣческому тѣлу, составляютъ множество различныхъ единствъ, множество различныхъ я, подчиненныхъ одному высшему я, при этомъ «моя» душевная жизнь возможна не иначе, какъ путемъ кооперації моего я съ другими я, такъ какъ почти всякій «мой» актъ заключаетъ въ себѣ въ видѣ вкрапленій, какъ нѣчто «данное», результаты дѣятельности другихъ я. Мысль, что индивидуальное человѣческое сознаніе получается путемъ кооперації многихъ сознаній, не нова въ психологіи; въ числѣ сторонниковъ ея можно назвать, напр., Гартмана, Горвица, Фолькманна. Вообще, современное

естествознаніе даетъ удобную почву для нея, поскольку, изучая жизнь клѣтки или строеніе и отправленія нервныхъ центровъ, оно приводитъ къ мысли о существованіи клѣточныхъ сознаній или сознанія, напр., спинного мозга (Горвицъ, Вундтъ, Геффдингъ, Паульсенъ).

III. Самосознаніе и самопознаніе.

Противъ отнесенія «данныхъ мнѣ» психическихъ состояній къ сферѣ чужого я и вообще противъ дѣленія психическихъ состояній на два класса «моихъ» и «данныхъ мнѣ» можетъ быть поставлено одно важное возраженіе, котораго нельзя было разсмотрѣть раньше. Намъ могутъ замѣтить, что многія психическія состоянія не сознаются ни какъ «мои», ни какъ «данныя мнѣ»: многія изъ нихъ не относятся нами никуда и вообще *наше я сознается нами довольно рѣдко.* Глубоко задумавшійся человѣкъ вполнѣ сосредоточивается на содержаніи мыслей и совершенно не приписываетъ ихъ ни своему я, ни внѣшнему міру: представленіе о я въ этихъ случаяхъ, обыкновенно, совершенно отсутствуетъ. Точно то же можно сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда мы что-либо припоминаемъ, внимательно наблюдаемъ и т. п. Если такъ, то уже тѣмъ менѣе можно говорить о сознаваніи я въ спинномъ мозгу или въ какой-либо клѣточкѣ тѣла. Такимъ образомъ, повидимому, наблюдаемые факты противорѣчатъ ученію о данности единства я въ сознаніи, а также всѣмъ волюнтаристическимъ обобщеніямъ, изложеннымъ въ главѣ о волѣ.

На видъ это возраженіе кажется очень опаснымъ *для всѣхъ положительныхъ ученій о я.* На самомъ же дѣлѣ, если указать лежащую въ основѣ его ошибку, то ученія о я, стремящіяся опираться на непосредственный опытъ, чрезвычайно выигрываютъ. Ошибка заключается въ отожествленіи самосознанія съ самопознаніемъ; это частный и при томъ наиболѣе распространенный случай отожествленія сознанія съ знаніемъ [1]). «Мои» психическія состоянія могутъ чувствоваться, какъ «мои», но мы можемъ вовсе *не обращать вниманія* на этотъ оттѣнокъ ихъ, можемъ не опознавать его. Связи между психическими состояніями, характерно выражающія единство я, могутъ быть налицо, но мы можемъ

[1]) См. главу Сознаніе и знаніе.

не опознавать ихъ. Для того, чтобы мы знали свое я, нужно, чтобы наше я *не только жило*, но и еще, чтобы мы *опознавали* его жизнь, и притомъ не отрывочныя ея проявленія, а связь цѣлаго, что̀ очень трудно. Если какіе-нибудь сложные ряды психическихъ состояній кажутся вовсе не имѣющими отношенія ни къ я, ни къ не-я, то стоитъ только воспроизвести ихъ и обратить на нихъ вниманіе съ этой стороны, какъ тотчасъ же окажется, что одни изъ нихъ самымъ опредѣленнымъ образомъ чувствуются, какъ «мои», другіе чувствуются, какъ «данные мнѣ», но мы только не замѣчали раньше, не опознавали этихъ чувствованій. У насъ было *самосознаніе* (жизнь я, какъ я), но не было *самопознанія*. Замѣтимъ, что, говоря о самопознаніи, какъ явленіи, параллельномъ самосознанію и ошибочно отожествлявшемся съ нимъ, мы имѣемъ въ виду не знаніе о томъ, храбръ ли я, честолюбивъ ли я, честенъ ли я и т. п., а *воспріятіе* я, познаваніе въ непосредственномъ опытѣ *существованія я*, какъ единства «моихъ» состояній; это познаваніе состоитъ только въ томъ, что изъ необъятнаго моря состояній индивидуальнаго сознанія мы выдѣляемъ, отличаемъ «свои» состоянія и связи явленій, обусловленныя дѣятельностью я.

Итакъ, разногласіе между тѣми, кто говоритъ, что я и не-я сознаются очень рѣдко, и тѣми, кто утверждаетъ, что они сознаются всегда, примиряется слѣдующимъ образомъ: *я и не-я сознаются всегда, но опознаются рѣдко.* Иными словами, *въ психическомъ мірѣ самосознаніе* (сознаваніе связи въ каждомъ психическомъ единствѣ явленій) *есть явленіе всеобщее, а самопознаніе явленіе рѣдкое.*

Такъ и должно быть. Въ главѣ «Сознаніе и знаніе» мы указывали на нѣкоторыя изъ условій, затрудняющихъ опознаніе психическихъ состояній [1]). Всѣ эти условія препятствуютъ опознанію я. Я постоянно сознается нами: не можетъ быть такого момента, когда въ этомъ субстанціальномъ единствѣ на почвѣ прежнихъ состояній не выростало бы новое состояніе, окрашенное чувствованіемъ «принадлежности мнѣ». Такое постоянное присутствіе одного и того же чувствованія вовсе не благопріятствуетъ его опознанію. Къ счастію еще, одно изъ важныхъ условій опознанія,

[1]) См. стр. 78.

именно присутствіе контрастирующихъ состояній соблюдено: мы всегда сознаемъ на ряду съ «моими» состояніями «данныя мнѣ», на ряду съ «моимъ» единствомъ чуждыя мнѣ единства. Однако и это условіе осуществлено не въ достаточной мѣрѣ: единства психическихъ явленій, находящіяся внѣ насъ, сознаются нами не интенсивно, не полно и безъ достаточнаго вниманія для того, чтобы служить хорошимъ опорнымъ пунктомъ при опознаніи я. Наконецъ, въ-третьихъ, интересъ (потребность, стремленіе) къ опознанію я очень невеликъ на низшихъ и среднихъ ступеняхъ развитія: для успѣшнаго осуществленія стремленій достаточно опознать ихъ содержаніе, а не ихъ принадлежность нашему я. Если же для обезпеченія своихъ потребностей въ будущемъ или для управленія собою намъ и нужно «познать себя», то прежде всего у насъ развивается самопознаніе въ ходячемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ знанія *отдѣльныхъ* преобладающихъ коренныхъ стремленій, наклонностей, страстей и т. п., встрѣчающихся при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ нашемъ индивидуальномъ сознаніи, а не воспріятіе нашего я, какъ *непрерывнаго единства дѣятельностей.* Между тѣмъ только такое самопознаніе можетъ дать матеріалъ для философскихъ изслѣдованій и послужить исходнымъ пунктомъ для болѣе сложнаго точнаго самопознанія, именно для опредѣленія того, какія стремленія, подмѣченныя уже нами въ нашемъ индивидуальномъ сознаніи, исходятъ изъ самого нашего я, какія вынуждаются у него внѣшними обстоятельствами и какія относятся къ числу «стремленій во мнѣ». При этомъ можетъ оказаться, что стремленія, сваливаемыя въ одну кучу самопознаніемъ въ ходячемъ смыслѣ этого слова, на самомъ дѣлѣ суть явленія совершенно разнаго порядка. Какое-нибудь сильное половое возбужденіе сразу и окончательно подавляется у нѣкоторыхъ лицъ (если оно возникаетъ на почвѣ «стремленій во мнѣ») пріемомъ бромистаго натрія, тогда какъ честолюбивыя стремленія могутъ быть измѣнены не иначе, какъ сложнымъ и продолжительнымъ воздѣйствіемъ на самое я.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Интуиція.

I. Непосредственное воспріятіе внѣшняго міра.

«Мои» состоянія образуютъ единство я. «Данныя» состоянія образуютъ транссубъективный міръ, распадающійся также на субстанціальныя единства. Сознавая этотъ міръ, я не создаетъ его, а относится къ нему, какъ зритель. Слѣдовательно, я обладаетъ способностью непосредственно сознавать не только свои состоянія, но и состоянія, входящія въ другія субстанціальныя единства; опираясь на гипотезу, что эти другія единства суть тоже я, мы можемъ сказать еще опредѣленнѣе: *я обладаетъ способностью непосредственно сознавать не только свои состоянія, но и состоянія транссубъективнаго міра и, между прочимъ, состоянія другихъ я.* Назовемъ эту способность словомъ *интуиція*, а самый процессъ сознаванія чужихъ состояній словомъ непосредственное воспріятіе или непосредственное сознаваніе внѣшняго міра [1]).

Конечно, говоря объ интуиціи, какъ о способности, мы вовсе не думаемъ, что этотъ терминъ проливаетъ какой-либо свѣтъ на указанное свойство я; мы вводимъ его лишь, какъ средство для краткаго обозначенія фактовъ этой категоріи. Общее теченіе современной психологіи рѣзко противорѣчитъ нашему мнѣнію. Почти во всякой психологіи въ наше время на первыхъ же страницахъ болѣе или менѣе обстоятельно доказывается, что мы никогда и никоимъ образомъ не можемъ воспринимать чужихъ психическихъ состояній, что во внѣшнемъ опытѣ намъ даны только физическія явленія и, наблюдая ихъ, мы по аналогіи строимъ представленіе о чужой душевной жизни, пользуясь матеріаломъ, почерпнутымъ въ собственной душѣ. Однако мы не будемъ здѣсь бороться съ этими взглядами для болѣе прочнаго обоснованія своихъ мнѣній. Мы основывались на чисто психологическомъ, не

[1]) Терминъ мистическое воспріятіе, употребляемый професоромъ А. И. Введенскимъ въ статьѣ «О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева», былъ бы очень хорошъ, если бы слово мистическій не представляло опасности въ виду связанныхъ съ нимъ туманныхъ не философскихъ понятій.

использованномъ еще въ наукѣ различеніи между «моими» и «данными» мнѣ состояніями и, благодаря ему, установили, что́ нужно разумѣть подъ словомъ я; далѣе, исходя изъ своего опредѣленія я, мы уже принуждены утверждать, что я сознаетъ не только свои, но и чужія состоянія. Если принять въ расчетъ, что̀ мы разумѣемъ подъ словами чужія состоянія, то можно утверждать, что въ психологіи нѣтъ взглядовъ, противоположныхъ нашимъ, а потому намъ не съ кѣмъ бороться, намъ нужно лишь обосновывать свои утвержденія. Правда, мы склонны дѣлать безчисленныя примѣненія изъ ученія о непосредственномъ воспріятіи внѣшняго міра. Мы утверждаемъ, напримѣръ, что знаніе о другихъ человѣческихъ я тоже возможно первоначально не иначе, какъ путемъ непосредственнаго воспріятія, и знаніе по аналогіи можетъ присоединяться къ нему лишь, какъ вторичное явленіе. Мы утверждаемъ даже, что знаніе о внѣшнемъ мірѣ вообще безъ непосредственнаго воспріятія было бы абсолютно невозможно. Эти утвержденія дѣйствительно сталкиваются съ прямо противоположными теоріями, однако они относятся не къ психологіи, а къ теоріи знанія. Поэтому мы займемся опроверженіемъ ихъ въ другомъ изслѣдованіи, посвященномъ обоснованію непосредственнаго воспріятія съ гносеологической точки зрѣнія. [1]).

Опираться на частные факты, въ родѣ телепатическихъ явленій, ясновидѣнія и т. п., мы не считаемъ возможнымъ ни въ психологіи, ни въ гносеологіи, такъ какъ всякая частная ограниченная сфера явленій можетъ быть истолкована самыми разнообразными способами. Скорѣе наоборотъ, теорія непосредственнаго воспріятія, опирающаяся на самый общій психологическій анализъ или построенная гносеологіею, можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для методическаго изслѣдованія этихъ загадочныхъ явленій.

II. Взаимодѣйствіе между различными я.

Человѣческое я не есть лейбницевская монада «безъ оконъ и дверей»: оно можетъ сознавать и чужія душевныя состоянія. Однако эти чужія состоянія не врываются насильственно и не хозяйничаютъ по своему произволу въ другихъ душахъ; въ главѣ

[1]) См. Н. Лосскій, «Обоснованіе интуитивизма», 2 изд. 1908 г.

«Порядокъ смѣны душевныхъ явленій» было показано, что даже и воспринять ихъ мы можемъ лишь постольку, поскольку «мое» вниманіе направлено на нихъ, причемъ направленіе вниманія обусловливается «моими» интересами, а «данныя» состоянія играютъ только роль повода; дальнѣйшія реакціи на эти воспріятія и подавно обусловлены «моими» интересами.

Однако связь между различными я не ограничивается этимъ воспріятіемъ чужихъ душевныхъ состояній и реакціею на нихъ. Если я способно непосредственно сознавать не только себя, но и другія я, то весьма возможно, что при нѣкоторыхъ условіяхъ стремленіе одного я можетъ быть не только поводомъ, но и непосредственною причиною перемѣнъ въ другомъ я. И въ самомъ дѣлѣ, такіе случаи уже были найдены выше: таковы вынужденные стремленія и поступки.

Чтобы напомнить о нихъ, мы сошлемся на такъ называемыя навязчивыя идеи. Вынужденныя стремленія характеризуются тѣмъ, что врываются въ непрерывную цѣпь «моихъ» первоначальныхъ и производныхъ стремленій, нарушая до извѣстной степени единство я; при этомъ на основаніи непосредственнаго чувства мы находимъ, что дѣйствовали не свободно, а какъ бы подъ давленіемъ извнѣ. Нерѣдко эти дѣйствія оказываются настолько несоотвѣтствующими всему прошлому я или, по крайней мѣрѣ, его ближайшему прошлому, что для нихъ и въ самомъ дѣлѣ трудно найти причину въ самомъ я. Обыкновенно такимъ вынужденнымъ стремленіямъ непосредственно предшествуютъ сильныя «стремленія во мнѣ», при чемъ вынужденныя стремленія относятся къ этимъ стремленіямъ во мнѣ, какъ средство къ цѣли и такая связь между ними чувствуется непосредственно. На основаніи всѣхъ этихъ признаковъ приходится допустить, что такія стремленія и перемѣны и въ самомъ дѣлѣ причиняются въ нашемъ я стремленіями другихъ я, напр., стремленіями низшихъ субстанціальныхъ единствъ (случаи чувственныхъ влеченій, съ которыми мы боремся).

Допущеніе возможности непосредственнаго причиннаго воздѣйствія чужихъ стремленій на «мое» я становится еще болѣе обоснованнымъ, если принять въ расчетъ, что въ своемъ опытѣ мы можемъ наблюдать и обратную сторону такого взаимодѣйствія, именно тѣ случаи, когда другія я зависятъ отъ нашихъ стрем-

леній. Если мы правы, то должно существовать два типа воздѣйствія нашего я на внѣшній міръ: случаи, когда «мои» состоянія служатъ лишь *поводомъ* для перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ, и случаи, когда «мои» состоянія, именно «мои» стремленія, составляютъ непосредственную *причину* перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ. И въ самомъ дѣлѣ такіе два типа воздѣйствія на внѣшній міръ были уже описаны раньше: это психорефлекторные акты и мои внѣшніе волевые акты.

Примѣромъ внѣшнихъ волевыхъ актовъ могутъ служить произвольныя сокращенія мышцъ или намѣренное усиленное припоминаніе, а примѣромъ психорефлекторныхъ актовъ ненамѣренное воспоминаніе, вспыхиваніе въ сознаніи картинъ прошлаго, какъ «данныхъ» состояній, привлекающихъ къ себѣ «мое» вниманіе [1]).

Психорефлекторные акты вовсе не подходятъ подъ типъ «моихъ» волевыхъ актовъ; перемѣна во внѣшнемъ мірѣ въ этихъ актахъ возникаетъ, правда, не иначе, какъ вслѣдъ за какимъ-либо «моимъ» состояніемъ, но оно не должно быть непремѣнно стремленіемъ; къ тому же эта перемѣна не связана чувствованіемъ активности съ предшествующимъ ей «моимъ» состояніемъ, она сознается, какъ что-то случившееся независимо отъ нашей воли, и воспринимается такъ же, какъ рефлекторное сокращеніе мышцы [2]).

Все это становится понятнымъ, если предположить, что въ такихъ случаяхъ «мое» состояніе было лишь поводомъ для реакціи какого-либо другого я, и эта реакція обратила на себя «мое» вниманіе, а потому попала также и въ сферу «моего» сознанія, но могла бы пройти и незамѣченной мною. Совершенно иначе протекаютъ внѣшніе волевые акты. Всѣ они, напр., произвольное поднятіе руки или усиленное припоминаніе какой-либо забытой фамиліи, заканчивающееся тѣмъ, что она вдругъ всплываетъ въ сознаніи, какъ готовое «данное» цѣлое, характеризуются тѣмъ, что исходнымъ пунктомъ ихъ служитъ непремѣнно «мое» стремленіе, и перемѣна, слѣдующая за этимъ стремленіемъ, непосредственно связана съ нимъ чувствованіемъ активности, такъ что мы на основаніи непосредственнаго воспріятія увѣрены въ томъ,

---

[1]) Другіе примѣры см. выше стр. 21 с.

[2]) Тамъ же, стр. 23.

что имѣемъ дѣло съ явленіемъ, зависящимъ отъ нашей воли. Однако, если внимательно присмотрѣться къ перемѣнѣ, то оказывается, что она сама по себѣ состоитъ вовсе не изъ «моихъ» состояній сознанія (напр., изъ «данныхъ» ощущеній поднятія руки, изъ «даннаго» зрительнаго, слухового или моторнаго образа припоминаемой фамиліи и т. п.), за исключеніемъ того, поскольку на эти состоянія направлено «мое» вниманіе. Слѣдовательно, мы произвели перемѣну не въ своемъ я, а въ транссубъективномъ мірѣ, въ какомъ-то другомъ субстанціальномъ единствѣ; поэтому-то, когда мы обратили на нее вниманіе, она попала въ наше сознаніе, какъ нѣчто «данное»; мало того, она могла бы и вовсе не попасть въ наше сознаніе, напр., въ томъ случаѣ, если бы у насъ было какое-либо пораженіе чувствительныхъ нервовъ руки. Всѣ эти особенности внѣшнихъ волевыхъ актовъ становятся понятными, если предположить, что въ такихъ случаяхъ «мое» стремленіе было не поводомъ, а непосредственною *причиною* перемѣны во внѣшнемъ мірѣ (т.-е. въ моемъ тѣлѣ).

Въ случаяхъ автогипноза можно бываетъ наблюдать въ себѣ послѣдовательно обѣ стороны этого процесса, сначала дѣйствіе нашего я на низшія субстанціальныя единства, а потомъ подчиненіе нашего я имъ. Автогипнозъ является тогда, когда мы еще до наступленія какого-либо дѣйствія или положенія настойчиво убѣждаемъ себя, будто очень хотимъ этого положенія, причемъ мысленно мы готовимся осуществить его путемъ соотвѣтствующихъ актовъ. Подъ вліяніемъ этихъ «моихъ» стремленій въ насъ развиваются соотвѣтствующія стремленія «во мнѣ» и могутъ достигнуть такой силы, что въ рѣшительный моментъ, требующій дѣйствія, мы выполняемъ его даже и тогда, если «мои» стремленія исчезаютъ при столкновеніи съ дѣйствительностью, какъ это очень часто бываетъ; въ этихъ случаяхъ мы дѣйствуемъ какъ бы подъ вліяніемъ гипноза, мы вынуждены дѣйствовать подъ вліяніемъ «стремленій во мнѣ», которыя мы сами развили раньше въ себѣ. Нерѣшительный застѣнчивый человѣкъ иногда долго внутренно убѣждаетъ себя совершить какой-нибудь поступокъ, требующій нѣкотораго мужества, напр., высказать свое мнѣніе въ большомъ обществѣ, оборвать какого-нибудь импонирующаго своей дерзостью нахала или объясниться въ любви. Онъ вспоминаетъ, какъ часто онъ по нерѣшительности упускалъ самые

благопріятные моменты, оправдывая себя разными выдуманными соображеніями, и увѣряетъ себя, что теперь никакихъ отступленій дѣлать не будетъ, а совершитъ поступокъ, какъ только подвернется удобный случай. Ближайшій случай оказывается, наоборотъ, очень часто въ самомъ дѣлѣ неудобнымъ; загипнотизировавшее себя лицо чувствуетъ это, однако уже не можетъ задержать поступка; онъ совершается какъ бы противъ воли, что-то тянетъ за языкъ и заставляетъ его говорить; поступокъ совершается какъ-то неловко, автоматически, рѣчь глухо звучитъ и самъ говорящій слышитъ ее какъ бы въ полуснѣ. Онъ дѣйствуетъ на основаніи «стремленій во мнѣ» и слѣдующихъ за ними вынужденныхъ стремленій. Быть можетъ, такимъ образомъ совершаются многія задолго обдуманныя со всѣхъ сторонъ преступленія, такія, какъ, напр., преступленіе Раскольникова.

Для насъ особенно важно то, что усиленное уговариваніе себя приводитъ къ возникновенію «стремленій во мнѣ». Такъ какъ эти данныя состоянія принадлежатъ транссубъективному міру, въ настоящемъ случаѣ низшимъ сознаніямъ, которыя подчинены нашему я, то случаи автогипноза даютъ лучшее подтвержденіе того, что стремленія одного я могутъ быть причиною возникновенія стремленій въ другомъ я. Отсюда между прочимъ становится понятнымъ, какимъ образомъ синтезы, произведенные первоначально моимъ я, напр., синтезы воображенія или же простое обычное ассоціированіе различныхъ воспріятій (напр., словъ родного и чужого языка) могутъ впослѣдствіи воспроизводиться гдѣ-то за предѣлами я.

Такія же психическія состоянія, какъ и тѣ, изъ которыхъ складывается внѣшній волевой актъ (мое стремленіе, живое чувствованіе активности, сознаніе, что мы произвели перемѣну, но отсутствіе перемѣны въ *нашемъ* сознаніи), случается иногда переживать также при воздѣйствіи нашемъ не на свое тѣло, а на другихъ людей. Почти всякому лектору, учителю, проповѣднику, навѣрное, случалось переживать такіе моменты, когда вся аудиторія какъ будто замираетъ и превращается точно бы въ одно существо, непосредственно связанное съ лекторомъ; въ эти моменты у лектора является живое чувствованіе активности, но результаты ея не даны въ его сознаніи, она какъ бы осуществляетъ перемѣны *внѣ я*.

Наоборотъ, въ моменты разобщенности съ аудиторіею вся активность лектора тратится на развитіе мыслей и словъ, т.-е. на осуществленіе перемѣнъ въ *своемъ* сознаніи. Аудиторія въ это время также принуждена затрачивать силы на то, чтобы подавлять побочныя ассоціаціи идей и сосредоточивать вниманіе на словахъ оратора. Это вниманіе и пониманіе составляютъ въ сознаніи каждаго слушателя результатъ «моихъ» стремленій, часто борющихся съ другими «моими» стремленіями. Но какъ только наступаетъ моментъ объединенности лектора съ аудиторіею, положеніе сразу мѣняется: идеи оратора начинаютъ развиваться въ умахъ слушателей какъ бы безъ усилія съ ихъ стороны; мало того, можетъ даже случиться, что иной слушатель, желая отвлечься отъ нихъ, не въ состояніи будетъ достигнуть этого, будетъ слушать, подчиняясь *вынужденному* стремленію слушать.

Наблюдая такіе случаи, нельзя не придти къ мысли, что всевозможныя явленія *внушенія*, какъ въ гипнотическомъ, такъ и въ бодрственномъ состояніи, также могутъ быть объяснены непосредственнымъ воспріятіемъ, благодаря которому стремленія какого-либо я могутъ при нѣкоторыхъ условіяхъ стать причиною перемѣнъ не только въ немъ самомъ, но и внѣ его. Допуская эту гипотезу, мы утверждаемъ, слѣдовательно, что способность производить внушенія и способность производить «внѣшніе волевые акты», напр., произвольное поднятіе руки, суть явленія *одного и того же порядка*. Поэтому, желая опредѣлить, какія свойства даютъ гипнотизеру, или педагогу, или полководцу власть надъ другими людьми, полезно наблюдать для рѣшенія вопроса также и случаи особенно искуснаго управленія своимъ тѣломъ и подчиненія его волѣ [1]).

Впрочемъ вопросъ о внушеніи такъ обширенъ, что требуетъ спеціальной монографіи, разсматривающей явленія внушенія съ указанной точки зрѣнія, а потому мы оставимъ его въ сторонѣ.

---

[1]) См. между прочимъ по этому поводу взгляды Гегеля, высказанные въ его Encyklopädie III Th. § 405. Гегель говоритъ о магической дѣятельности духа, о непосредственномъ господствѣ одного духа надъ другимъ и затѣмъ прибавляетъ: «Самая непосредственная магія это та, которую индивидуальный духъ проявляетъ въ отношеніи собственнаго своего тѣла, превращая его въ подчиненнаго, покорнаго исполнителя своей воли».

Изслѣдованіе, произведенное въ настоящей главѣ, даетъ право расширить основное волюнтаристическое положеніе, обоснованное въ главѣ о «Волѣ»: въ самомъ дѣлѣ, раньше было установлено, что всѣ перемѣны *внутри* я протекаютъ по типу волевыхъ актовъ, а теперь можно утверждать, что и *дѣйствіе одного я на другое* совершается по тому же образцу.

III. Методологическіе выводы изъ ученія объ интуиціи.

1. Опредѣленіе психологіи.

Опредѣленія психологіи, отграниченія ея предмета отъ предметовъ другихъ наукъ всегда основываются на противоположеніи какой-либо пары понятій, чрезвычайно важныхъ для всего міросозерцанія. По мѣрѣ углубленія анализа старыя понятія оказываются слишкомъ расплывчатыми и замѣняются новыми, все болѣе поддающимися точному опредѣленію, все яснѣе очерчивающими кругъ предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію психологіи. У Аристотеля, напр., опредѣленіе психологіи основывалось на противоположности *живого и мертваго* (поэтому Аристотель относилъ къ психологіи между прочимъ изслѣдованіе такихъ явленій, какъ процессы роста, питанія и т. п.); въ новой философіи опредѣленіе психологіи основывается на различеніи *духа* и *матеріи* или еще чаще *психическихъ и физическихъ явленій,* причемъ къ сферѣ психическихъ явленій она относитъ всѣ содержанія сознанія [1]); наконецъ, въ самое послѣднее время намѣчается новое направленіе, основывающееся на различеніи *субъективнаго и транссубъективнаго* міра. Этимъ направленіемъ мы и займемся теперь и прежде всего посмотримъ, почему прежнее различеніе духовныхъ и физическихъ явленій оказалось неподходящимъ для установленія границъ психологіи.

Эмпирическая наука подъ вліяніемъ критической философіи старается освободиться отъ всякой инстинктивной метафизики и ограничиться лишь изученіемъ явленій, дѣйствительно данныхъ въ непосредственномъ опытѣ. Но въ этомъ опытѣ нѣтъ ничего, кромѣ содержаній сознанія, даже и матеріальный міръ въ опытѣ

---

[1]) О неправильности этого ученія см. выше стр. 76 с. См. также Н. Лосскій, Обоснованіе интуитивизма.

данъ лишь, какъ содержаніе воспріятія. Слѣдовательно, тотъ, кто утверждаетъ, что психологія должна изучать *всѣ состоянія сознанія,* принужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что *все содержаніе опыта,* даже и то, которое разсматривается въ наукахъ о неорганическомъ мірѣ, подлежитъ вѣдѣнію психологіи. Отсюда необходимо сдѣлать одинъ изъ слѣдующихъ выводовъ: или признать, что со временемъ всѣ частныя науки упразднятся и превратятся въ главы психологіи, или же признать что психологія и другія частныя науки разсматриваютъ въ самомъ дѣлѣ одни и тѣ же явленія, одно и то же содержаніе опыта, но съ разныхъ сторонъ или разныхъ точекъ зрѣнія. Такъ какъ первая мысль есть явный абсурдъ, то въ современной психологіи начинаетъ укореняться второе изъ этихъ утвержденій [1]).

Непосредственное содержаніе опыта, непосредственныя переживанія, служащія матеріаломъ для изслѣдованія во всевозможныхъ наукахъ, всѣ однородны по существу, но каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ двѣ стороны—объективную и субъективную, каждое есть продуктъ двухъ факторовъ — объекта и субъекта, и вотъ поэтому-то возможны двѣ различныя точки зрѣнія на каждое изслѣдуемое явленіе. Изслѣдованіе данныхъ опыта съ ихъ субъективной стороны составляетъ задачу психологіи, а изслѣдованіе данныхъ опыта съ ихъ объективной стороны составляетъ задачу естествознанія.

Необходимо признать, что эти взгляды на различіе между психологіею и естествознаніемъ должны все болѣе распространяться въ наукѣ по мѣрѣ того, какъ въ ней подъ вліяніемъ теоріи знанія распространяется убѣжденіе, что исходнымъ матеріаломъ для изслѣдованія могутъ служить только содержанія сознанія. Однако вслѣдъ за этимъ тотчасъ же возникаетъ трудный вопросъ: что же слѣдуетъ разумѣть подъ субъективною и транссубъективною стороною опыта? на какомъ критеріи основывается это различеніе? Въ этомъ вопросѣ существуютъ и долго еще будутъ существовать въ философіи коренныя разногласія, отражающіяся на всемъ изслѣдованіи психическихъ явленій.

---

[1]) См. по этому вопросу статью проф. Челпанова «Обзоръ новѣйшей литературы по психологіи» Кіевскія университетскія извѣстія, 1902 № 8

Правильное разграниченіе субъективнаго и транссубъективнаго служащее *исходнымъ пунктомъ* для психологіи, должно быть свободнымъ отъ психологическихъ гипотезъ: слѣдовательно, оно должно основываться, если возможно, не на *отношеніяхъ*, существующихъ между различными сторонами опыта (такія отношенія могутъ быть опредѣлены, да и то нерѣдко лишь гипотетически, только послѣ изслѣдованія), а на *качественномъ непосредственно воспринимаемомъ различіи*, присущемъ разнымъ сторонамъ опыта. Такое качественное различіе мы нашли въ окраскѣ опыта чувствованіями, на основаніи которыхъ однѣ стороны опыта мы называемъ «моими», а другія стороны «данными». Разсматривая «мои» состоянія сознанія, мы получили болѣе или менѣе связную систему ученій и между прочимъ ученіе о я, о личности. Эти результаты даютъ право думать, что качественный признакъ, на который мы опирались, дѣйствительно соотвѣтствуетъ коренному для всего міросозерцанія различенію субъекта и внѣшняго міра. Достоинство этого критерія заключается между прочимъ и въ томъ, что онъ не даетъ перевѣса другъ надъ другомъ ни субъективному, ни транссубъективному фактору въ міровомъ цѣломъ, по крайней мѣрѣ, до изслѣдованія этого мірового цѣлаго. Опираясь на этотъ критерій, можно дать слѣдующія опредѣленія: *психологія есть наука о субъективномъ мірѣ; субъективный міръ есть совокупность «моихъ» состояній сознанія.* Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ вовсе, будто психологія совсѣмъ не должна касаться вопроса о «данныхъ» состояніяхъ. Такъ какъ субъективный и транссубъективный міръ неразрывно связаны другъ съ другомъ, то въ очень многихъ случаяхъ психологія принуждена прибѣгать къ помощи другихъ наукъ, особенно къ помощи психофизіологіи, изучающей «данныя» состоянія, поскольку они обусловлены дѣятельностью нашего тѣла.

Распространенныя въ современной психологіи опредѣленія субъективнаго и транссубъективнаго отличаются отъ нашего тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ спорныя гипотезы, предопредѣляющія ходъ психологическихъ изслѣдованій, и даютъ перевѣсъ или субъекту, или внѣшнему міру при изслѣдованіи психическихъ процессовъ, что̀ *a priori* представляется невѣроятнымъ. Таковы, напр., опредѣленія Маха, Кюльпе, Эббингауза и др. пси-

хологовъ, разумѣющихъ подъ субъективнымъ ту часть непосредственнаго опыта, которая *зависитъ отъ тѣлеснаго индивидуума* [1]). Это опредѣленіе основывается на спорной гипотезѣ, будто всякому субъективному состоянію соотвѣтствуетъ какой-либо физіологическій процессъ. Психологъ, вводящій эту гипотезу даже въ опредѣленіе психологіи, неизбѣжно придаетъ всей психологіи психофизіологическое направленіе и, слѣдовательно, еще до изслѣдованія психическихъ явленій такъ или иначе переноситъ въ психологію точку зрѣнія наукъ о физическомъ мірѣ. Такимъ образомъ это опредѣленіе субъекта даетъ перевѣсъ объекту не только въ міровомъ цѣломъ, но даже и въ самой психологіи.

Противоположнымъ недостаткомъ страдаетъ опредѣленіе Вундта; онъ утверждаетъ слѣдующее: «Всякій опытъ непосредственно распадается на два фактора: на содержаніе, которое намъ дается, и на наше воспріятіе этого содержанія. Мы обозначаемъ первый изъ этихъ факторовъ именемъ объектовъ опыта, второй называемъ испытующимъ субъектомъ» [2]). Естествознаніе, по мнѣнію Вундта, «разсматриваетъ объекты опыта въ ихъ свойствахъ, мыслимыхъ независимо отъ субъекта», а психологія «изслѣдуетъ содержаніе опыта въ его отношеніяхъ къ субъекту и въ тѣхъ свойствахъ, которыя онъ непосредственно сообщаетъ этому содержанію. Поэтому точку зрѣнія естествознанія, поскольку она становится возможною только благодаря отвлеченію отъ субъективнаго фактора, который содержится во всякомъ дѣйствительномъ опытѣ, можно назвать точкой зрѣнія *опосредствованнаго* опыта, а сообразно съ этимъ точку зрѣнія психологіи, которая умышленно вновь отказывается отъ этого отвлеченія и всѣхъ его послѣдствій, — точкой зрѣнія *непосредственнаго опыта*» [3]). Въ естествознаніи это отвлеченіе дѣлаетъ въ то же время постоянно необходимыми гипотетическія дополненія дѣйствительности, именно гипотетическія понятія объ объективныхъ свойствахъ матеріи: наоборотъ, «психологія изслѣ-

---

[1]) Mach, Die Analyse der Empfindungen, Antimetaphysische Vorbemerkungen. 2 изд. Külpe, Grundriss der Psychologie, стр. 2—4.

[2]) Очеркъ психологіи, перев. Викторова подъ ред. Грота, стр. 7.

[3]) Тамъ же.

дуетъ содержаніе опыта въ его полной дѣйствительности», поэтому методъ ея познанія «*непосредственный или воззрительный* въ томъ болѣе широкомъ смыслѣ, который получило это понятіе въ новѣйшей научной терминологіи, и согласно съ которымъ оно обозначаетъ уже не только непосредственное содержаніе воспріятій внѣшнихъ чувствъ, въ особенности зрѣнія, но всю *конкретную дѣйствительность*, въ противоположность абстрактному и мыслимому въ понятіи». Поэтому, «психологія можетъ вскрыть связь содержаній опыта, какъ она дѣйствительно дана субъекту, если съ своей стороны совершенно воздерживается отъ упомянутыхъ абстракцій и гипотетическихъ вспомогательныхъ понятій естествознанія» [1]). Въ этихъ опредѣленіяхъ, во-первыхъ, не указанъ точный критерій для различенія субъекта и объекта и, во-вторыхъ, объектъ поставленъ въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ субъекта, выражающуюся между прочимъ въ томъ, что психологія у Вундта оказывается наукою болѣе высокаго порядка, чѣмъ естествознаніе; по его мнѣнію, естествознаніе, изучая объектъ въ отдѣльности отъ субъекта, поневолѣ всегда было и будетъ принуждено дополнять свой міръ гипотетическими абстракціями, искажающими дѣйствительность, именно абстрактными представленіями о свойствахъ матеріи, тогда какъ психологія, изслѣдуя субъектъ, всегда вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ виду и объектъ и потому изучаетъ всю конкретную дѣйствительность и можетъ обойтись безъ гипотезъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, Вундту слѣдовало бы итти дальше и утверждать, что со временемъ, когда психологія разовьется вполнѣ, она, охватывая всю дѣйствительность, дастъ также и свободное отъ гипотезъ ученіе объ объектахъ, слѣдовательно, упразднитъ естествознаніе. Такіе взгляды на естествознаніе возможны лишь въ томъ случаѣ, если предположить, что транссубъективный міръ весь цѣликомъ есть лишь содержаніе воспріятій субъекта и независимо отъ этихъ воспріятій не существуетъ ни въ какомъ смыслѣ. Но такой взглядъ на транссубъективный міръ несостоятеленъ: въ дѣйствительности за нимъ необходимо признать въ какомъ-либо смыслѣ слова реальность также и внѣ моего я, а вмѣстѣ съ этимъ и естествознаніе представляется наукою,

[1]) Тамъ же, стр. 10.

вовсе не обреченною неизбѣжно пользоваться гипотетическими, завѣдомо ложными представленіями о матеріи. Такой взглядъ на естествознаніе возможенъ съ точки зрѣнія нашего опредѣленія субъективнаго и транссубъективнаго міра.

2. Методы психологіи.

По общераспространенному представленію, психологія пользуется двумя методами—субъективнымъ и объективнымъ; субъективный методъ состоитъ въ непосредственномъ наблюденіи надъ психическими состояніями безъ помощи органовъ чувствъ, а объективный—въ наблюденіи съ помощью органовъ чувствъ надъ физическими явленіями, по которымъ можно догадываться о соотвѣтствующихъ психическихъ состояніяхъ; при этомъ предполагается, что субъективный методъ можетъ познакомить насъ только съ состояніями нашего я, только съ субъектомъ, а знакомство съ объективнымъ психическимъ міромъ никоимъ образомъ не можетъ быть достигнуто путемъ непосредственнаго наблюденія; чужія психическія состоянія не даны намъ въ опытѣ и могутъ быть изучаемы лишь съ помощью наблюденія надъ соотвѣтствующими имъ физическими проявленіями.

Такъ какъ мы употребляемъ понятія субъекта и транссубъективнаго міра въ иномъ смыслѣ, чѣмъ это принято, то мы не можемъ называть эти два метода психологіи терминами субъективный и объективный и будемъ лучше обозначать ихъ терминами *методъ прямого наблюденія* (непосредственное сознаваніе изучаемаго состоянія) и *методъ косвеннаго наблюденія* (воспріятіе съ помощью органовъ чувствъ физическихъ явленій и возникающая вслѣдъ за этимъ догадка о существованіи изучаемаго психическаго явленія). При этомъ мы не только измѣняемъ термины, но и представляемъ себѣ совершенно иначе, чѣмъ это принято въ психологіи, сферу ихъ примѣненія. Согласно развитымъ выше взглядамъ, необходимо признать, что методъ непосредственнаго наблюденія пригоденъ для изученія не только субъективнаго, но и транссубъективнаго міра, не только состояній моего я, но и состояній другихъ я. Впрочемъ, это положеніе можетъ быть окончательно обосновано лишь съ помощью теоріи знанія; поэтому не стоитъ останавливаться на немъ здѣсь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Удовольствіе и страданіе (неудовольствіе).

I. Виды удовольствій и неудовольствій.

Ученія объ удовольствіи и страданіи чрезвычайно многочисленны и противорѣчивы, главнымъ образомъ потому, что психологи, обыкновенно, не различаютъ разныхъ видовъ удовольствій и страданій, и даже включаютъ въ этотъ классъ психическихъ состояній явленія совершенно иной природы, напр. эмоціи. Поэтому, чтобы не сбиться съ пути въ предстоящемъ изслѣдованіи, займемся прежде всего классификаціей этихъ состояній на основаніи непосредственно сознаваемыхъ признаковъ.

Какъ и другія психическія состоянія, чувствованіе удовольствія и неудовольствія можетъ быть «моимъ» или «даннымъ мнѣ». Во всѣхъ «моихъ» стремленіяхъ и во всѣхъ перемѣнахъ, слѣдующихъ за ними, оно сознается, какъ «мое». Таковы, напр., чувствованія удовольствія по поводу рѣшенія задачи, остроумнаго отвѣта, исполнившагося ожиданія и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, поскольку сюда не примѣшивается послѣдующая эмоція довольства или недовольства [1]), чувствованіе лучше всего можетъ быть описано терминами *удовлетвореніе или неудовлетвореніе*. Совершенно иной характеръ имѣетъ чувствованіе «даннаго» удовольствія или неудовольствія. Оно вовсе не чувствуется, какъ мое удовлетвореніе, хотя со стороны *пріятности* его и можно отожествлять съ моимъ удовлетвореніемъ. Къ числу такихъ «данныхъ» состояній относятся, напр., всѣ чувственные тона ощущеній, цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, вкусовъ и т. п. Таково, напр., пріятное или непріятное ощущеніе прикосновенія рукою къ холодному предмету: несомнѣнно эта пріятность совершенно не похожа на пріятное состояніе, являющееся, когда мы, играя въ лаунъ-тенисъ, дѣлаемъ мѣткій ударъ. Впрочемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ «данному» удовольствію присоединяется еще и «мое» удовольствіе и наоборотъ; въ общемъ мы стремимся переживать ощущенія, окрашенныя пріятнымъ чув-

[1]) См. гл. VII.

ственнымъ тономъ и избѣгаемъ непріятныхъ, поэтому «данность» чувственнаго тона въ большинствѣ случаевъ недостаточно замѣтна. Чтобы подчеркнуть ее, напомнимъ о тѣхъ случаяхъ, когда ощущеніе окрашено пріятнымъ чувственнымъ тономъ, но мы не хотимъ его имѣть или наоборотъ. Нерѣдко мы испытываемъ сильное отвращеніе къ какимъ-либо физическимъ слабостямъ и страстямъ, а между тѣмъ случайное удовлетвореніе ихъ сопровождается интенсивнымъ чувствованіемъ «даннаго» удовольствія, которое возмущаетъ насъ, кажется намъ признакомъ нашей нравственной негодности. Иногда подъ вліяніемъ какихъ-нибудь преходящихъ мотивовъ является временное отвращеніе къ состоянію, окрашенному «даннымъ» чувствованіемъ пріятности. Если любимый человѣкъ обидитъ насъ, то прикосновеніе его попрежнему можетъ быть источникомъ «даннаго» пріятнаго состоянія, но въ то же время оно можетъ сопровождаться чувствованіемъ «моего» неудовольствія. Такъ, плачущій обиженный матерью ребенокъ испытываетъ зачастую, какъ и прежде, удовольствіе отъ поцѣлуевъ матери («данное» удовольствіе), но къ этому чувствованію присоединяется сильное «мое» неудовольствіе, поскольку онъ не хочетъ мириться съ матерью, и чѣмъ сильнѣе искушеніе поддаться чарамъ «данной» пріятности, тѣмъ сильнѣе начинаетъ бороться ребенокъ, отталкиваетъ мать, становится даже грубымъ. Иногда физическое раздраженіе вызываетъ сложныя ощущенія, окрашенныя съ одной стороны пріятнымъ, а съ другой непріятнымъ чувственнымъ тономъ; въ этихъ случаяхъ, если является стремленіе избавиться отъ такого раздраженія, то «данность» пріятнаго чувственнаго тона становится особенно замѣтною. Когда мы съ удовольствіемъ ѣдимъ сладкое варенье, но потомъ начинаемъ чувствовать, что его сладость приторна и, наконецъ, перестаемъ ѣсть, ощущеніе сладости можетъ все же сохранять пріятный чувственный тонъ, «данность» котораго при этомъ особенно ясно замѣтна. Всѣ такія «данныя» удовольствія мы будемъ называть *физическими* или *органическими* удовольствіями.

Выше уже было указано [1]), что къ числу «данныхъ» состояній относятся, обыкновенно, самыя простыя, а также самыя вы-

[1]) См. гл. IV.

сокія проявленія душевной жизни. То же самое относится и къ чувствованію «даннаго» удовольствія. Оно возникаетъ не только по поводу физическихъ процессовъ въ организмѣ, но и встрѣчается также почти всегда въ сверхличныхъ дѣятельностяхъ, т.-е. въ тѣхъ дѣятельностяхъ, которыя, повидимому, выходятъ за предѣлы личныхъ интересовъ психической и физической индивидуальности. Таковы эстетическое созерцаніе, нравственная дѣятельность, религіозныя настроенія и т. п. Созерцая прекрасный пейзажъ, погружаясь въ благоговѣйное общеніе съ Богомъ (въ молитвѣ), облегчая положеніе страдающаго человѣка, мы испытываемъ очень сложное состояніе, въ которое входятъ и физическія и «мои» удовольствія, но къ нимъ примѣшивается еще характерное чувствованіе «даннаго» удовольствія, проецируемое наружу, какъ бы входящее въ составъ пейзажа, въ составъ того высшаго начала, которое мы благоговѣйно созерцаемъ и т. п. Эти чувствованія рѣзко отличаются отъ физическихъ удовольствій тѣмъ, что, переживая ихъ, мы сознаемъ какъ бы расширеніе своего существа, паденіе преградъ между я и не-я. Эти чувствованія мы будемъ называть *сверхличными*. Множество яркихъ примѣровъ этихъ чувствованій можно найти въ книгѣ Джемса «Многообразіе религіознаго опыта».

Наконецъ, надобно еще указать на психическое состояніе, наиболѣе затрудняющее психологовъ и всего болѣе вводящее путаницу въ ученіе объ удовольствіи и неудовольствіи, именно на боль, на физическое страданіе. Какъ извѣстно, одни психологи отожествляютъ боль съ *чувствованіемъ неудовольствія*, съ чувственнымъ тономъ ощущеній, а другіе, напр., Вундтъ, считаютъ боль самостоятельнымъ *ощущеніемъ*, отличающимся отъ другихъ ощущеній тѣмъ, что оно *всегда* окрашено непріятнымъ чувственнымъ тономъ [1]).

Различеніе между «моими» и «данными» состояніями и здѣсь оказываетъ крупныя услуги. *Боль есть «данное» состояніе.* Поэтому нѣтъ основаній разсматривать явленія боли *рядомъ* съ явленіями «моего» удовольствія и неудовольствія; такимъ образомъ мы избавляемся отъ многихъ затрудненій и противорѣчій. Возникающій вслѣдъ за этимъ различеніемъ вопросъ, считать ли

---

[1]) Wundt, Grundzüge der phisiolog. Psychologie, 4. изд. I т. 412, 560.

боль чувственнымъ тономъ или ощущеніемъ, не важенъ для ученія о «моей» жизни. Анатомическія основанія наводятъ на мысль, что боль есть самостоятельное ощущеніе, но нельзя не сознаться, что по содержанію это ощущеніе слишкомъ похоже на чувствованіе интенсивнаго «даннаго» неудовольствія; поэтому невольно является предположеніе, что боль есть психическое состояніе, занимающее среднее положеніе между ощущеніями и чувственными тонами. Впрочемъ, повторяемъ, этого вопроса можно и не касаться въ изслѣдованіи о «моей» душевной жизни.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что подъ терминами удовольствіе и неудовольствіе (страданіе) здѣсь разумѣются тѣ простыя психическія состоянія, которыми окрашено всякое стремленіе и всякая перемѣна, слѣдующая за стремленіями. Очень часто вслѣдъ за перемѣною, вызывающею интенсивное удовольствіе или неудовольствіе, является рядъ измѣненій въ организмѣ, въ біеніи сердца, дыханіи, состояніи кровеносныхъ сосудовъ (краснѣніе, блѣднѣніе) и т. п. Эти органическія перемѣны всегда сопутствуются болѣе или менѣе сложными психическими состояніями, подобными радости или печали. Мы называемъ ихъ эмоціями довольства и недовольства и займемся ими подробнѣе въ главѣ объ «Эмоціяхъ». Многіе психологи отождествляютъ эти простѣйшія эмоціи съ чувствованіями удовольствія и неудовольствія, и даже заходятъ еще дальше, именно считаютъ всѣ эмоціи (страхъ, ненависть и т. п.) лишь модификаціями удовольствія и неудовольствія. Анализъ эмоцій покажетъ, что такіе психологи сваливаютъ въ одну кучу крайне разнородныя состоянія; однако этимъ вопросомъ можно будетъ заняться позже, теперь же слѣдовало упомянуть объ этомъ лишь для того, чтобы лучше очертить кругъ изслѣдуемыхъ явленій.

Установленныя выше различенія приводятъ между прочимъ къ рѣшенію спорнаго вопроса: однородны ли всѣ чувствованія удовольствія и всѣ чувствованія неудовольствія или нѣтъ. Если оставить въ сторонѣ «данныя» состоянія и разсматривать только «мои» чувствованія удовольствія или неудовольствія, то нельзя не признать, что они однородны, что они всегда сводятся къ одному и тому же чувствованію удовлетворенности или неудовлетворенности, которое измѣняется лишь по интенсивности, всѣ же остальныя различія, сопутствующія этимъ чувствованіямъ, коре-

нятся не въ нихъ самихъ, а въ содержаніи окрашенныхъ ими перемѣнъ. Быть можетъ и «данныя» чувствованія удовольствія и неудовольствія тоже всегда однородны, и различія между ними тоже заключаются не въ нихъ самихъ, а въ другихъ тѣсно сросшихся съ ними элементахъ душевной жизни; однако мы не рѣшаемся утверждать этого, потому что «данныя» состоянія вообще не легко поддаются анализу. Вѣроятно, въ этомъ заключается причина того, почему доводы защитниковъ однородности чувствованій удовольствія и неудовольствія не представляются достаточно убѣдительными [1]).

II. Связь между удовольствіями и стремленіями.

Выше уже было установлено [2]), что чувствованіе удовольствія входитъ, какъ составная часть, въ «мои» состоянія сознанія, т.-е. въ перемѣны, слѣдующія за моими стремленіями, и что удовлетворенному стремленію всегда сопутствуетъ удовольствіе, а неудовлетворенному—неудовольствіе. Отсюда ясно, что между стремленіями и удовольствіями существуетъ законосообразная связь. На первый взглядъ кажется очевиднымъ, что это связь обоюдная, т.-е. что удовольствіе, доставляемое какимъ-либо состояніемъ, есть непосредственная причина стремленія къ этому состоянію, и, наоборотъ, удовлетвореніе стремленія есть причина удовольствія. Второе изъ этихъ положеній отличается двусмысленнымъ характеромъ; въ немъ кроются двѣ различныя мысли, такъ какъ подъ словомъ удовлетвореніе можно разумѣть или *состояніе*, достигнутое благодаря осуществленію стремленія, или же *соотвѣтствіе* между стремленіемъ и осуществленіемъ его. Въ первомъ случаѣ мы утверждаемъ, что источникомъ удовольствія служитъ осуществленное содержаніе стремленія, такъ что стремленіе есть лишь отдаленная причина удовольствія, а во второмъ случаѣ мы утверждаемъ, что стремленіе есть непосредственная причина удовольствія, что состояніе, къ которому мы стремимся, пріятно именно потому, что мы къ нему стремимся, и настолько насколько мы къ нему стремимся.

---

[1]) См. Hartmann, Philosophie des Unbewussten. 10 изд., стр. 210--215.
[2]) См. первую главу.

Итакъ, путемъ анализа ходячихъ взглядовъ мы получили три положенія относительно связи между стремленіями и удовольствіями: удовольствіе есть непосредственная причина стремленія, стремленіе есть косвенная причина удовольствія (черезъ посредство осуществляемыхъ имъ перемѣнъ), стремленіе есть непосредственная причина удовольствія. Второе изъ этихъ положеній составляетъ необходимый коррелатъ къ первому и не находится въ прямомъ противорѣчіи съ третьимъ, но первое и третье положеніе прямо противорѣчатъ другъ другу. Обыденное сознаніе охотно допускаетъ, что они оба истинны, но наука не мирится съ такимъ эклектизмомъ и въ своихъ различныхъ, почти противоположныхъ другъ другу направленіяхъ стремится послѣдовательно провести одно изъ нихъ. Особенно широко распространено положеніе, что всякое состояніе, сопровождавшееся удовольствіемъ, становится цѣлью стремленій, такъ что удовольствіе есть всеобщая цѣль. Отсюда получаются чрезвычайно важные выводы въ области практической философіи, особенно этики и эстетики; ученіе о личности и теченіи душевныхъ процессовъ также принимаетъ отсюда своеобразный характеръ, противорѣчащій тому волюнтаризму, который мы отстаиваемъ. Поэтому намъ нужно внимательно разсмотрѣть это положеніе.

Напомнимъ прежде всего, что удовольствія и страданія бываютъ двухъ родовъ—«мои» и «данныя мнѣ», и согласно своему обычному методу займемся прежде всего опредѣленіемъ отношенія между «моими» удовольствіями и стремленіями. Стоитъ только упростить такимъ образомъ вопросъ, чтобы тотчасъ же исчезли многія затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, при этомъ тотчасъ же становится яснымъ, что чувствованіе «моего» удовольствія, т.-е. «моего» *удовлетворенія* не можетъ быть причиною возникновенія «моего» стремленія и не составляетъ конечной цѣли его. Въ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ типичными «моими» удовольствіями, непосредственное самонаблюденіе рѣшительно показываетъ намъ, что вовсе не удовольствіе составляетъ цѣль нашей дѣятельности. Рѣшеніе задачи, удачная острота, мѣткій выстрѣлъ въ цѣль и т. п. доставляютъ намъ удовольствіе, но на основаніи непосредственнаго самонаблюденія никто не рѣшится сказать, будто въ этихъ случаяхъ цѣлью дѣятельности было удовольствіе, а не самое рѣшеніе задачи, острота и т. п.

Отсюда, повидимому слѣдуетъ, что необходимо признать истиннымъ второе изъ намѣченныхъ выше положеній, именно утверждать, что «мои» удовольствія причиняются «моими» стремленіями, что состояніе, къ которому мы стремимся, становится для насъ пріятнымъ именно потому, что мы къ нему стремимся. И въ самомъ дѣлѣ, можно привести много соображеній въ пользу этого обобщенія. Нерѣдко одна и та же перемѣна сопровождается то удовольствіемъ, то неудовольствіемъ явнымъ образомъ въ зависимости отъ предшествовавшихъ стремленій. Если мы, нарядившись въ потрепанный костюмъ, отправимся бродить по разнымъ закоулкамъ города съ цѣлью познакомиться поближе съ жизнью народа и какой-нибудь мастеровой закричитъ намъ фамильярнымъ тономъ: «Эй, парень, посторонись», этотъ окрикъ доставитъ намъ огромное удовольствіе. Наоборотъ, этотъ же самый окрикъ былъ бы для насъ очень непріятенъ въ другихъ условіяхъ, напр. въ томъ случаѣ, если бы мы надѣли старый костюмъ для дороги. Если мы видимъ трефовую даму на столѣ передъ началомъ карточной игры, то мы не испытываемъ при этомъ замѣтнаго удовольствія или неудовольствія. Наоборотъ, если мы, играя въ винтъ, съ волненіемъ думаемъ, что останемся безъ одной и можемъ избѣжать проигрыша только въ томъ случаѣ, если нашъ противникъ пойдетъ съ трефовой дамы, то появленіе этой фигуры на столѣ доставляетъ намъ огромное удовольствіе. Во многихъ случаяхъ можно также замѣтить, что интенсивность удовольствія зависитъ отъ интенсивности предшествовавшаго стремленія, и это обстоятельство служитъ подтвержденіемъ того, что удовольствіе причиняется стремленіемъ. Мѣткій выстрѣлъ въ цѣль всегда пріятенъ; однако это удовольствіе ослабѣваетъ, когда стрѣльба становится почти автоматическою; оно вновь появляется, если намъ укажутъ какой-нибудь трудный пріемъ и возбудятъ сильное желаніе преодолѣть новыя затрудненія.

Мы привели нѣкоторые положительные доводы въ пользу утвержденія, что удовольствія причиняются стремленіями, но тѣмъ не менѣе вовсе не считаемъ этого положенія истиннымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда два прямо противоположныя утвержденія рѣзко борются, и каждое приводитъ въ свою пользу вѣскія основанія, обыкновенно, истина оказывается не на той и не на другой

сторонѣ, а заключается въ какомъ-нибудь положеніи, объединяющемъ противниковъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Между «моими» стремленіями и «моими» удовольствіями есть постоянное соотвѣтствіе, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что между ними существуетъ причинная зависимость. Какъ извѣстно, чувствованіе удовольствія входитъ не только въ перемѣну, слѣдующую за стремленіями. Всякое стремленіе еще до своего осуществленія заключаетъ въ себѣ относительно пріятную антиципацію переживанія, причемъ эта относительная пріятность должна быть не воспоминаніемъ о прежнихъ удовольствіяхъ, а наличнымъ, теперь возникшимъ удовольствіемъ. Это чувствованіе «моего» удовольствія не предшествуетъ стремленію и не слѣдуетъ за нимъ, а входитъ въ него, какъ неотдѣлимая составная часть. Поэтому не удивительно, что въ психологіи появились двѣ противоположныя теоріи: стремленіе есть причина удовольствія, удовольствіе есть причина стремленія. Однако надобно сознаться, что эти теоріи суть плодъ *абстракціи,* а не наблюденія надъ дѣйствительными явленіями психической жизни: онѣ устанавливаютъ причинную связь между сторонами одного и того же явленія, которыя не могутъ существовать отдѣльно, которыя составляютъ единство, дѣлимое лишь въ абстракціи, и уже поэтому не могутъ быть причиною другъ друга; ставить ихъ въ причинную связь между собою это все равно, что находить причинную связь между высотою и интенсивностью тона на томъ лишь основаніи, что эти два качества тона всегда сопутствуютъ другъ другу. Такое постоянное сосуществованіе между двумя сторонами явленій объясняется вовсе не причинною связью между ними, а зависимостью ихъ отъ одной общей причины.

Итакъ, передъ нами является новый вопросъ; какова причина того, что нѣкоторыя антиципаціи становятся стремленіями, т.-е. сопровождаются чувствованіемъ удовольствія и чувствованіемъ стремленія? На этотъ вопросъ естественнѣе всего отвѣтить предположеніемъ, что причина возникновенія чувствованій удовольствія и стремленія заключается въ самой антиципаціи, однако не трудно замѣтить, что это предположеніе не даетъ окончательнаго рѣшенія вопроса: искомая причина не можетъ заключаться *сполна* въ самой антиципаціи, такъ какъ одна и та же антиципація въ однихъ случаяхъ становится, а въ другихъ не

становится стремленіемъ. Значитъ, нужно какое-то соотношеніе между антиципаціею и основнымъ содержаніемъ жизни я, чтобы возникло чувствованіе удовольствія и стремленія. Въ случаѣ производныхъ стремленій еще можно найти нѣкоторыя указанія на то, какое условіе необходимо, чтобы антиципація стала относительно пріятною и превратилась въ предметъ стремленія: это бываетъ тогда, когда антиципація оказывается средствомъ для осуществленія какого-нибудь болѣе первоначальнаго стремленія, когда она соотвѣтствуетъ болѣе основному направленію активности. Однако такимъ образомъ нельзя найти окончательнаго рѣшенія загадки: эта *производная* пріятность и желательность осуществленія антиципаціи въ конечномъ итогѣ опирается на первоначальную пріятность и желательность какой-либо антиципаціи, составляющей содержаніе первоначальнаго стремленія, слѣдовательно, вопросъ былъ бы рѣшенъ окончательно только въ томъ случаѣ, если бы удалось опредѣлить, какое соотношеніе между первоначальною антиципаціею и носителемъ первоначальныхъ стремленій, т.-е. метафизическимъ я, приводитъ къ возникновенію чувствованія удовольствія. Однако этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы эмпирической психологіи, поэтому его слѣдуетъ оставить въ сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ остается открытымъ также и вопросъ, почему чувствованіе удовольствія всегда бываетъ связано со стремленіемъ. Намъ приходится лишь остановиться на томъ, что чувствованія стремленія и «моего» удовольствія въ извѣстномъ смыслѣ эквивалентны другъ другу: перемѣна, сопровождающаяся чувствованіемъ «моего» удовольствія, есть всегда объектъ «моего» стремленія, и, наоборотъ, если я стремлюсь къ какому-либо переживанію, то оно всегда мною антиципируется, какъ пріятное. Если можно утверждать, что характеръ я опредѣляется его стремленіями, то съ не меньшимъ правомъ можно говорить также, что я характеризуется тѣмъ, какіе объекты доставляютъ ему удовольствіе. Чувствованіе удовольствія въ такой же мѣрѣ, какъ и стремленіе, служитъ показателемъ направленія воли, направленія активности.

Итакъ, сторонники ученія объ эвдемонистической мотиваціи, утверждающіе, что мы всегда стремимся къ пріятному состоянію, высказываютъ неоспоримую истину, однако поскольку здѣсь имѣется въ виду чувствованіе «моего» удовольствія, это истина

очень бѣдная, сводящаяся къ слѣдующей тавтологіи: *мы всегда стремимся къ своему удовлетворенію, къ тому, что удовлетворяетъ насъ.* Ясно, что содержаніе стремленія опредѣляется вовсе не чувствованіемъ удовлетворенія, а тою антиципаціею, которая сопровождается этимъ чувствованіемъ, а, слѣдовательно, и направленіе человѣческой активности опредѣляется тѣмъ, *какія* перемѣны составляютъ предметъ стремленія и источникъ удовлетворенія, а не тѣмъ, что всякое стремленіе есть стремленіе къ удовлетворенію.

Такіе же взгляды на отношеніе между стремленіемъ и чувствованіемъ удовольствія высказываетъ и Вундтъ. «Чувствованіе», говоритъ Вундтъ, «представляетъ состояніе, мыслимое только у существа, способнаго хотѣть. Удовольствіе и неудовольствіе представляютъ направленіе воли». «Если бы мы не возбуждались чувствами, мы бы не *хотѣли*». «Чувствованіе заранѣе предполагаетъ хотѣніе а хотѣніе наоборотъ — чувствованіе». «Прежде, чѣмъ хотѣніе, становится дѣйствительнымъ, оно выражается, какъ направленіе воли; а это направленіе воли есть не что иное, какъ чувство, которое поэтому не есть какой-нибудь процессъ въ дѣйствительности отличный отъ хотѣнія, а лишь составная часть полнаго волевого процесса, и только потому можетъ быть отдѣляемо отъ послѣдняго, что въ насъ чрезвычайно часто возникаютъ чувства, изъ которыхъ не развивается никакихъ волевыхъ актовъ» [1]). Итакъ, чувствованія удовольствія и стремленія одинаково служатъ выразителями направленія активности, они невозможны другъ безъ друга, но не причиняютъ другъ друга, а составляютъ двѣ стороны одного и того же процесса. Мнѣніе Вундта отличается отъ нашего лишь тѣмъ, что оно допускаетъ существованіе направленій воли безъ стремленій, существованіе чувствованій удовольствія, не дополнившихся стремленіями. Намъ кажется, что если подъ словомъ удовольствіе разумѣть именно чувствованіе «моего» удовольствія, то тогда необходимо признать, что оно всегда сопровождается также и «моимъ» стремленіемъ.

Слѣдуя своему обычному методу, теперь мы можемъ заняться вопросомъ объ отношеніи чувствованія «даннаго» удовольствія къ

[1]) Вундтъ, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, перев. Розенбаха съ 2 изд., стр. 224, 225, 230.

стремленіямъ. Въ одной изъ предъидущихъ главъ была высказана гипотеза, что данныя мнѣ психическія состоянія суть «мои» состоянія какого-нибудь другого я, и что въ этомъ другомъ я они протекаютъ по типу волевыхъ процессовъ. Если такъ, то надобно предположить, что «данныя мнѣ» удовольствія суть «мои» удовольствія какого-нибудь другого я, сопутствующія стремленіямъ этого я и выражающія его природу. Эта гипотеза представляется вполнѣ правдоподобною, если припомнить, что чувствованія «даннаго» удовольствія возникаютъ по поводу перемѣнъ, стоящихъ сравнительно далеко отъ жизни нашего я, именно по поводу перемѣнъ въ организмѣ или сверхличныхъ дѣятельностей.

Намъ остается теперь разобрать вопросъ объ отношеніи «данныхъ» удовольствій къ «моимъ» стремленіямъ. Мы установили, что чувствованіе «моего» удовольствія не есть мотивъ для «моей» дѣятельности, но этимъ мы не опровергли ученія объ эвдемонистической мотиваціи, такъ какъ оно можетъ опять всплыть въ формѣ утвержденія, что всякое «мое» стремленіе причиняется чувствованіемъ «даннаго» удовольствія. Однако это утвержденіе приводитъ къ выводамъ, противорѣчащимъ тому что мы установили раньше [1]). Если бы оно было истиною, то это значило бы, что во всякомъ я всѣ стремленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся цѣпь «моихъ» состояній обусловливается воздѣйствіемъ *извнѣ*, такъ что цѣпь «моихъ» состояній не составляетъ сплошного единства, а складывается изъ разрозненныхъ звеньевъ. На самомъ же дѣлѣ «данныя» состоянія, если и могутъ вліять на жизнь я, то лишь, какъ поводъ, по которому въ единствѣ я, существующемъ независимо отъ «данныхъ» состояній, возникаютъ «мои» стремленія. Физическія удовольствія, а также сверхличныя вовсе не составляютъ исключенія изъ этого правила: воспріятіе ихъ и воспоминаніе о нихъ вовсе не возбуждаетъ къ дѣятельности то я, которое не интересуется ими. Не трудно догадаться однако, что «данныя» физическія удовольствія должны въ большинствѣ случаевъ особенно сильно интересовать человѣка. Состоянія, сопровождающіяся этимъ чувствованіемъ, соотвѣтствуютъ, какъ мы предположили выше, стремленіямъ, т.-е. по-

[1]) См. гл. III.

требностямъ другихъ я, другихъ субстанціальныхъ единствъ, именно субстанціальныхъ единствъ нашего тѣла. Слѣдовательно, избѣгая физическихъ страданій и достигая физическихъ удовольствій, мы избѣгаемъ всего того, что̀ разрушаетъ организмъ или его части и ставимъ его въ наиболѣе выгодныя условія: стремясь къ физическимъ удовольствіямъ, мы удовлетворяемъ потребности тѣла. Не трудно показать, что въ человѣческихъ я должно быть глубоко укоренено стремленіе удовлетворять этимъ потребностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякая «моя» дѣятельность возможна не иначе, какъ благодаря кооперації съ тѣломъ; слѣдовательно, изъ *всѣхъ* «моихъ» стремленій должно вытекать *производное* стремленіе охранять тѣло, развивать его, удовлетворять его потребностямъ, однимъ словомъ, то, что̀ называется инстинктомъ самосохраненія. Поэтому въ огромномъ количествѣ случаевъ «данныя» физическія удовольствія и страданія тотчасъ же осложняются чувствованіемъ «моего» удовлетворенія или неудовлетворенія, и притомъ тѣмъ быстрѣе и интенсивнѣе, чѣмъ болѣе обостренъ у даннаго индивидуума инстинктъ самосохраненія.

Такъ какъ сохраненіе тѣла требуетъ огромнаго количества заботъ и усилій, то огромное количество актовъ и очень многіе интересы человѣка оказываются производными изъ инстинкта самосохраненія. Неудивительно поэтому, что въ психологіи чрезвычайно распространено ученіе о томъ, будто удовольствіе и страданіе обусловливаются исключительно повышеніемъ или пониженіемъ жизнедѣятельности, увеличеніемъ или уменьшеніемъ физическихъ силъ, опредѣленнымъ соотношеніемъ между тратою вещества и накопленіемъ его и т. п. Такъ, Горвицъ утверждаетъ, что «всякое чувство есть прямое выраженіе стремленія къ самосохраненію души, которая воспринимаетъ, какъ пріятное то, что̀ гармонируетъ съ условіями благосостоянія, и какъ непріятное то, что́ противорѣчитъ этимъ условіямъ» [1]). По мнѣнію Геффдинга, «въ противоположности между удовольствіемъ и неудовольствіемъ — въ этой первоначальной противоположности въ мірѣ чувства — не трудно видѣть выраженіе противоположности между подъемомъ и упадкомъ жизненнаго процесса. Итакъ, за

[1]) Horwitz. Psychologische Analysen auf physiologischer Grundlage. I, стр. 169.

основное правило можно бы принять, что удовольствіе показываетъ подъемъ жизнедѣятельности, высшую и болѣе свободную трату энергіи» [1]).

Подробнѣе всего развиты эти взгляды у Грота въ слѣдующихъ положеніяхъ. «Положительное удовольствіе сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе траты вещества предшествующему его накопленію. Отрицательное удовольствіе сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе накопленія вещества предшествующей его тратѣ. Положительное страданіе сопровождаетъ всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ. Отрицательное страданіе сопровождаетъ всякій избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою». «Чувствованія удовольствія и страданія вытекаютъ изъ безсознательной и относительной оцѣнки двоякой гармоніи и двоякой дисгармоніи между тратою нашихъ веществъ и ихъ накопленіемъ» [2]).

Всѣ эти теоріи страдаютъ отъ одного очень важнаго недосмотра; онѣ имѣютъ въ виду и объясняютъ лишь физическое «данное» чувствованіе удовольствія. Всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ долю истины, поскольку въ громадномъ количествѣ случаевъ въ насъ есть стремленіе къ самосохраненію, руководящееся этими чувствованіями удовлетворенія или неудовлетворенія организма, такъ что мы и сами стремимся къ физически пріятнымъ состояніямъ и, слѣдовательно, испытываемъ при этомъ также «мое» удовольствіе. Однако это совпаденіе «моего» удовольствія съ физическимъ встрѣчается не всегда, и такого рода случаи не объяснимы безъ натяжекъ съ точки зрѣнія указанныхъ теорій, но становятся вполнѣ понятными и необходимыми, если встать на нашу точку зрѣнія. Можно намѣтить три рода отклоненій отъ этого совпаденія. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ опыта стремленіе къ самосохраненію перестаетъ руководиться непосредственнымъ чувствованіемъ физическаго удовольствія и страданія. Во-вторыхъ, по мѣрѣ усложненія и развитія психической жизни многія другія стремленія оказываются болѣе сильными, чѣмъ стремленіе къ самосохраненію, и подъ вліяніемъ ихъ человѣку доставляютъ удовольствіе иногда даже такія дѣятельности, которыя сопрово-

---

[1]) Геффдингъ, Очерки психологіи, 3 изд., стр. 233.

[2]) Гротъ. Психологія чувствованій, стр. 459.

ждаются интенсивными чувствованіями физическаго страданія, или, наоборотъ, непріятны—дѣятельности, сопровождающіяся интенсивными физическими удовольствіями; при этомъ инстинктъ самосохраненія можетъ постепенно все болѣе и болѣе ослабѣвать. Наконецъ, въ третьихъ, и это самое важное, стремленіе къ самосохраненію можетъ совершенно исчезнуть и замѣниться стремленіемъ къ саморазрушенію, т.-е. къ разрушенію тѣла. Въ такихъ случаяхъ дѣятельности, разрушающія тѣло, физическія страданія, сопутствующія этому разрушенію, сами по себѣ составляютъ источникъ «моего» удовлетворенія.

Легко понять, какимъ образомъ возникаетъ первая категорія отклоненій чувствованія «моего» удовольствія отъ «даннаго» удовольствія. Если, стремясь осуществлять потребности тѣла, мы руководимся при этомъ чувствованіемъ физическаго удовольствія, то мы неизбѣжно должны впадать иногда въ грубыя ошибки. Во многихъ случаяхъ чувствованія удовольствія или неудовольствія служатъ показателями состоянія лишь одной какой-нибудь части организма или минутнаго состоянія организма и приводятъ къ актамъ, вреднымъ для остальныхъ частей его. Поэтому по мѣрѣ развитія опытности изъ общаго инстинкта самосохраненія, руководящагося чувствованіемъ физическаго удовольствія, возникаютъ иногда вполнѣ понятныя съ нашей точки зрѣнія производныя стремленія совершить актъ, связанный съ чувствованіемъ физическаго страданія, напр., выдавить нарывъ, выдернуть зубъ, воздержаться отъ пищи, несмотря на голодъ и т. п. Точно такъ же, по мѣрѣ развитія я и опознанія его актовъ, *производность* инстинкта самосохраненія и вытекающихъ изъ него актовъ становится все болѣе очевидною. Это можно бываетъ прослѣдить, напр., на актахъ воспріятія пищи. Для дѣтей и многихъ взрослыхъ эти акты всегда представляются самодовлѣющими, и они руководятся при выборѣ пищи лишь пріятнымъ или непріятнымъ вкусомъ. Но у нѣкоторыхъ взрослыхъ людей, напр., у воздержнаго Спинозы, Паскаля, Франциска Ассизскаго и мн. др., этотъ актъ явно пріобрѣтаетъ служебное значеніе и, насколько это возможно въ такихъ примитивныхъ областяхъ жизни, приспособляется сознательно къ высшимъ потребностямъ духа.

Ко второй категоріи относятся всѣ тѣ случаи, когда стремленіе къ самосохраненію по мѣрѣ развитія я начинаетъ отступать

на задній планъ передъ всевозможными другими «моими» стремленіями и даже утрачиваетъ свой инстинктивный характеръ; это выражается прежде всего въ томъ, что вниманіе менѣе всего приковывается къ органическимъ ощущеніямъ даже и тогда, когда они соотвѣтствуютъ настоятельнымъ потребностямъ тѣла; а если часть вниманія и удѣляется тѣлу, то все же органическія ощущенія, пріятныя и непріятныя, отчетливо сознаются только, какъ «данныя», но не влекутъ за собою тотчасъ же «моихъ» стремленій и чувствованій «моего» удовольствія и неудовольствія. Напр., художникъ, съ увлеченіемъ пишущій картину, естествоиспытатель, поглощенный экспериментами, зачастую не замѣчаютъ голода, жажды, холода или пренебрегаютъ ими. Интересъ къ тѣлу при такомъ направленіи жизни иногда до того ослабѣваетъ, что исчезаютъ цѣлыя группы ощущеній, постоянно руководящія поступками обыкновенныхъ людей. Бернардъ Клервосскій, напр., уничтожилъ въ себѣ самое желаніе пищи и совершенно утратилъ вкусовыя ощущенія. Паскаль съ негодованіемъ относился ко всякой оцѣнкѣ пищи со стороны ея пріятности или непріятности, и называлъ это «чувственностью». Когда родные удивлялись, какъ онъ можетъ глотать, не морщась, самыя отвратительныя микстуры, онъ говорилъ, что непріятными могутъ быть лишь насиліе или неожиданность [1]), т.-е. то, что̀ противорѣчитъ «моимъ» стремленіямъ, а не стремленіямъ тѣла.

Вымираніе или временное ослабленіе инстинкта самосохраненія доходитъ нерѣдко до того, что самыя физическія страданія становятся источникомъ развлеченія. Таковы въ особенности случаи, когда, стремясь къ подъему психической жизни, къ разнообразію психической дѣятельности, человѣкъ съ обѣднѣвшею почему-либо душевною жизнью, прибѣгаетъ къ самому грубому средству, какое только можно себѣ представить, — причиняетъ себѣ физическую боль и развлекается ею; напр., вялый, утомленный ребенокъ стоитъ, прислонившись къ стѣнѣ, довольно больно стукается о нее головою и развлекается, за неимѣніемъ лучшей забавы, физическою болью. Быть можетъ, такимъ же образомъ объясняется поведеніе меланхоликовъ, склонныхъ на-

---

[1]) М. М. Филипповъ, Паскаль, стр. 61, 62.

слаждаться своими физическими страданіями и причинять ихъ себѣ путемъ разрушеній тѣла.

Наконецъ, въ третьихъ, стремленіе къ самосохраненію можетъ совершенно исчезнуть и замѣниться стремленіемъ къ саморазрушенію. Тогда физическія страданія и непріятности сами по себѣ доставляютъ человѣку радость. Таково настроеніе многихъ аскетовъ, борющихся со своею плотью и разрушающихъ ее постомъ, изнурительнымъ трудомъ, бичеваніемъ и т. п. Они смотрятъ на свое тѣло, какъ на злѣйшаго врага, и всякое бѣдствіе этого врага радуетъ ихъ, а счастье его — удручаетъ. Паскаль «часто надѣвалъ на голое тѣло желѣзный поясъ съ остріями, и какъ только ему являлась какая-либо «праздная» мысль или желаніе доставить себѣ малѣйшее удовольствіе, онъ ударялъ локтями по поясу такъ, что острія вонзались въ тѣло» [1]). Болѣе добродушный, чѣмъ Паскаль, истязатель плоти Францискъ Ассизскій говорилъ о своемъ тѣлѣ, что это «братъ-оселъ, котораго нужно подвергать тяжелой ношѣ, часто бить бичомъ и кормить плохимъ кормомъ», а передъ смертью онъ даже признался, что «согрѣшилъ противъ брата своего — осла» [2]). Дѣйствительно, этотъ добрый человѣкъ, любившій всякую тварь и даже проповѣдывавшій птицамъ, немилосердно насиловалъ свое тѣло, напр., посыпалъ пищу пепломъ, или же собиралъ, прося милостыню, въ одну кружку изъ разныхъ домовъ всевозможные остатки пищи и, побѣждая отвращеніе, питался ими [3]).

Быть можетъ, подобное же, но менѣе послѣдовательное и не такъ ясно сознанное стремленіе освободиться отъ тѣла является у нѣкоторыхъ неизлечимо больныхъ съ организмомъ, настолько разстроеннымъ, что онъ причиняетъ уже почти одно лишь страданіе. Именно такъ описываетъ одинъ изъ случаевъ смерти Толстой въ «Аннѣ Карениной». Разсказывая о послѣднихъ дняхъ жизни Николая Левина, онъ говоритъ: «Въ немъ очевидно совершался тотъ переворотъ, который долженъ былъ заставить его смотрѣть на смерть, какъ на удовлетвореніе его желаній, какъ

[1]) М. М. Филипповъ, Паскаль, стр. 60.

[2]) См. Герье, Францискъ Ассизскій, Вѣстн Евр., 1892, іюнь, стр. 528.

[3]) Примѣры наслажденія, вызываемаго физическими страданіями, можно найти также въ книгѣ Джемса «Многообразіе религіознаго опыта» въ главѣ о «Святости».

на счастіе. Прежде каждое отдѣльное желаніе, вызванное страданіемъ или лишеніемъ, какъ голодъ, усталость, жажда, удовлетворялись отправленіемъ тѣла, дававшимъ наслажденіе, но теперь лишеніе и страданіе не получали удовлетворенія, а попытка удовлетворенія вызывала новое страданіе. И потому всѣ желанія сливались въ одно — желаніе избавиться отъ всѣхъ страданій и ихъ источника, тѣла» [1]).

III. Ученіе объ эвдемонистической мотивації.

Всѣ сдѣланныя выше замѣчанія по поводу ученія объ эвдемонистической мотивації можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Это ученіе заключаетъ въ себѣ два самостоятельныя положенія, не различаемыя, обыкновенно, потому что психологи не отличаютъ чувствованія «моего» удовольствія отъ чувствованія «даннаго» удовольствія. Во-первыхъ, можно утверждать, что цѣлью и причиной всякаго стремленія служитъ чувствованіе даннаго (именно физическаго) удовольствія, во-вторыхъ, можно утверждать, что цѣлью и причиной всякаго стремленія служитъ чувствованіе «моего» удовольствія. Первое изъ этихъ утвержденій заключаетъ въ себѣ ложь; цѣпь «моихъ» состояній не опредѣляется причинно «данными» состояніями и развивается изнутри, изъ «моихъ» стремленій, составляющихъ непроизводное, первоначальное единство. Впрочемъ «данныя» состоянія и стремленія тѣла могутъ быть *поводомъ* къ дѣятельности я, поскольку къ нимъ присоединяются стремленія я, соотвѣтствующія имъ, хотя и независимыя отъ нихъ. Это присоединеніе происходитъ чрезвычайно часто, такъ какъ всѣмъ человѣческимъ я присуще стремленіе къ самосохраненію т.-е. къ сохраненію тѣла; однако оно происходитъ не всегда, и инстинктъ самосохраненія вовсе не всемогущъ.

Второе изъ приведенныхъ положеній заключаетъ въ себѣ долю истины. Въ самомъ дѣлѣ, сторонники теоріи эвдемонистической мотивації имѣютъ право утверждать, что мы стремимся всегда къ пріятнымъ намъ состояніямъ: всякій объектъ «моего» стремленія есть вмѣстѣ съ тѣмъ объектъ «моего» удовольствія, моего удовлетворенія. Однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что

[1]) Анна Каренина, часть пятая, гл. XX.

«мое» удовольствіе есть причина и цѣль «моей» дѣятельности. Чувствованіе «моего» удовольствія не можетъ считаться возбудителемъ стремленія уже потому, что оно никогда не предшествуетъ стремленіямъ, а всегда составляетъ неразрывное единство съ ними. Поэтому противоположныя утвержденія: «мы стремимся къ этому состоянію, потому что оно доставляетъ намъ удовольствіе», и «это состояніе доставляетъ намъ удовольствіе потому, что мы къ нему стремимся», имѣютъ одинаковое право на существованіе или, вѣрнѣе, они оба не имѣютъ права на существованіе и показываютъ лишь, что «мое» стремленіе и «мое» удовольствіе обусловлены одною и тою же причиною, какимъ-то соотношеніемъ между объектомъ и я. Слѣдовательно, утверждая, что мы стремимся всегда къ пріятному состоянію, къ удовлетворенію, сторонники эвдемонизма высказываютъ неоспоримую истину. Однако это истина очень бѣдная, и къ тому же вовсе не проливающая свѣта на характеръ человѣческихъ я, такъ какъ ясно, что этотъ характеръ опредѣляется самыми состояніями, влекущими за собою чувствованіе удовлетворенія, а не тѣмъ, что достиженіе цѣли и даже антиципація ея всегда сопровождается чувствованіемъ удовлетворенія.

IV. Нейтральныя состоянія сознанія.

Въ психологіи издавна ведется споръ о томъ, существуютъ ли или нѣтъ въ душевной жизни совершенно безразличныя, т.-е. вовсе не сопровождающіяся чувствованіемъ удовольствія или неудовольствія состоянія. Простымъ самонаблюденіемъ этотъ вопросъ едва ли можетъ быть рѣшенъ, во-первыхъ, потому, что нѣкоторыя психическія состоянія слишкомъ мало интенсивны для того, чтобы можно было точно опредѣлить ихъ, а, во-вторыхъ, потому, что психическая жизнь, обыкновенно, очень сложна и какая-либо группа нейтральныхъ состояній можетъ маскироваться примѣшивающеюся къ ней группою пріятныхъ и непріятныхъ состояній. Къ счастью, можно подойти къ рѣшенію этого вопроса инымъ путемъ, исходя изъ условій возникновенія чувствованій удовольствія и неудовольствія. Если чувствованія удовольствія и неудовольствія такъ же, какъ и стремленія, служатъ показателями направленія воли, то всякое «мое» психическое состояніе должно быть украшено этими чувствованіями. Однако въ

сферу индивидуальнаго сознанія, кромѣ «моихъ» состояній, входятъ еще «данныя» состоянія: въ какомъ-нибудь другомъ я они тоже сознаются, какъ «мои», и тоже заключаютъ въ себѣ всѣ элементы волевыхъ актовъ, слѣдовательно, окрашены чувствованіемъ удовольствія или неудовольствія, но въ томъ я, въ которомъ они «даны», они сознаются, обыкновенно, неполно и смутно: напр., въ нихъ нерѣдко вовсе не замѣчается чувствованія активности или стремленій. Съ большою вѣроятностью можно предположить, что въ этихъ «данныхъ» психическихъ состояніяхъ, сознаваемыхъ неполно, иногда недостаетъ элемента «даннаго» удовольствія, у нихъ нѣтъ чувственнаго тона. Таковы, напр. воспріятія привычной мнѣ обстановки, моей мебели, когда я, утомленный чтеніемъ, поднимаю голову и безцѣльно смотрю передъ собою. Сюда же относятся и такія «данныя» психическія состоянія, какъ обрывки воспоминаній, неожиданныя комбинаціи простѣйшихъ идей, фразъ, образовъ, которые иногда бываютъ настолько неоформлены, что не заключаютъ въ себѣ никакого чувствованія даннаго удовольствія, но вызываютъ къ себѣ въ насъ интересъ или же пробуждаютъ эмоцію досады на то, что на секунду отвлекли вниманіе въ сторону отъ дѣла. Во многихъ случаяхъ эти психическія состоянія сами по себѣ несомнѣнно не заключаютъ ничего похожаго на чувственный тонъ, но поскольку они попадаютъ въ сферу «моего» сознанія, это значитъ, что и они возбуждаютъ такъ или иначе «мою» дѣятельность, которая непремѣнно сопровождается чувствованіемъ удовольствія или неудовольствія. Напр., шорохъ, самъ по себѣ лишенный какого бы то ни было чувственнаго тона, заставляетъ насъ насторожиться, и въ связи съ этой дѣятельностью является удовольствіе или неудовольствіе, если она оказывается излишнею и требующею напряженія.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что «мои» психическія состоянія никогда не бываютъ безразличными, а «данныя» психическія состоянія часто вовсе не заключаютъ въ себѣ чувствованій «даннаго» удовольствія или неудовольствія, но, поскольку пробуждаютъ «мою» дѣятельность, она тоже оказывается вовсе не безразличною.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эмоціи.

I. Сенсуалистическая теорія эмоцій Джемса.

Современная психологическая литература не выработала еще отчетливаго и точнаго понятія эмоціи. Поэтому, говоря объ эмоціяхъ, не мѣшаетъ сдѣлать примѣрный списокъ психическихъ явленій, обозначаемыхъ этимъ именемъ. Большинство психологовъ относитъ къ этому классу такія состоянія, какъ испугъ, страхъ, ужасъ и т. п., печаль, горе, унынiе, грусть и т. п., скука, отчаяніе, томленіе, стѣсненіе, застѣнчивость, стыдъ, досада, раскаяніе, угрызеніе совѣсти и т. п., удивленіе, недоумѣніе и т. п., радость, восторгъ, восхищеніе, умиленіе, благоговѣніе, великодушіе, гордость, довѣріе, вѣра, надежда и т. п., гнѣвъ, злость и т. п., тщеславіе, честолюбіе, самодовольство, самонадѣянность, властолюбіе, ревность, зависть, алчность, ненависть, отвращеніе и т. п., высокомѣріе, снисходительность, уваженіе, преданность, сочувствіе, жалость и т. п., и т. п. Большинство психологовъ относятъ также къ числу эмоцій состояніе удовольствія и неудовольствія. Нерѣдко случается слышать также объ эмоціяхъ нравственныхъ, эстетическихъ, интеллектуальныхъ и религіозныхъ. Если согласиться съ Вундтомъ, который говоритъ, что «эмоція есть временной рядъ чувствованій, соединенныхъ въ одно непрерывное преемство, выдѣляющееся, какъ своеобразное цѣлое, изъ числа предыдущихъ и послѣдующихъ процессовъ, и притомъ такое цѣлое, которое оказываетъ, обыкновенно, и болѣе сильное вліяніе на субъектъ, чѣмъ отдѣльное чувствованіе» [1]), то приведенный списокъ придется расширить почти до безконечности. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія Вундта рѣзкой границы между чувствованіями и эмоціями нѣтъ; слѣдовательно, многія формы чувства ритма, чувствъ оптической формы или даже чувственные тона нѣкоторыхъ ощущеній, напр., интенсивнаго краснаго цвѣта, ничѣмъ не отличаются отъ эмоцій.

---

[1]) Очеркъ психологіи, перев. Викторова, стр. 200.

Просматривая приведенный списокъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что въ настоящее время подъ понятіе эмоціи подводятся разнородныя явленія, которыя будутъ распредѣлены въ различные отдѣлы психологіи, когда явится удовлетворительная теорія ихъ. Эти явленія съ трудомъ поддаются изученію. Поэтому для изслѣдованія ихъ лучше всего прибѣгнуть къ такому пріему: избрать небольшую группу явленій, наиболѣе доступныхъ анализу, построить теорію этихъ явленій и дать точное опредѣленіе ихъ, назвавъ ихъ эмоціями или какимъ-либо другимъ именемъ, и затѣмъ посмотрѣть, какія изъ перечисленныхъ явленій навѣрно не могутъ подойти подъ данное опредѣленіе и должны составить особую группу. Наибольшее количество исходныхъ пунктовъ для анализа даютъ тѣ душевныя волненія, которыя сопровождаются большимъ количествомъ измѣненій въ тѣлѣ. Таковы гнѣвъ, ненависть, отвращеніе, зависть, печаль, радость, страхъ; поэтому Джемсъ остроумно поступилъ, начавъ свое изслѣдованіе именно съ этихъ эмоцій.

Какъ извѣстно, разсматривая ихъ, онъ пришелъ къ выводу, прямо противоположному обыкновеннымъ взглядамъ. Обыкновенно, мы думаемъ, что порядокъ событій при переживаніи эмоцій бываетъ такой: какое-либо воспріятіе или представленіе вызываетъ эмоцію, а вслѣдъ за эмоціею является рядъ измѣненій въ тѣлѣ. Такъ, напр., увидѣвъ медвѣдя, мы пугаемся и начинаемъ дрожать, блѣднѣемъ; услышавъ обидное замѣчаніе, мы гнѣваемся и начинаемъ краснѣть, сжимаемъ кулаки, говоримъ повышеннымъ тономъ. По мнѣнію Джемса, это описаніе заключаетъ въ себѣ грубую ошибку, такъ какъ порядокъ событій въ дѣйствительности совершенно иной: нѣкоторыя воспріятія и представленія вызываютъ рядъ измѣненій въ тѣлѣ, и эти измѣненія составляютъ причину эмоціи. Слѣдовательно, увидѣвъ медвѣдя, мы начинаемъ блѣднѣть и тогда испытываемъ страхъ, услышавъ обидное замѣчаніе, сжимаемъ кулаки, говоримъ повышеннымъ тономъ и вслѣдствіе этого переживаемъ эмоцію гнѣва. Подчеркивая парадоксальный характеръ своей гипотезы, Джемсъ говоритъ: «согласно моей гипотезѣ, наиболѣе раціонально выражаться слѣдующимъ образомъ, мы опечалены потому, что плачемъ, приведены въ ярость потому, что бьемъ другого, боимся потому, что дрожимъ, а не говорить:

мы плачемъ, бьемъ, дрожимъ потому, что опечалены, приведены въ ярость, испуганы».

Свою мысль Джемсъ подтверждаетъ слѣдующими соображеніями. Всякое воспріятіе или представленіе сопровождается рядомъ измѣненій въ большомъ мозгу, и эти измѣненія не ограничиваются центральными областями нервной системы, а волнообразно разливаются по всему организму въ формѣ ускоренія или замедленія біенія сердца и дыханія, сокращенія или расширенія сосудовъ, усиленія перистальтики и т. п. Этими тѣлесными перемѣнами вызываются въ свою очередь центростремительные нервные токи, и потому всѣ онѣ отчетливо или смутно сознаются въ формѣ органическихъ ощущеній. Всякая эмоція и есть не что иное, какъ комплексъ такихъ органическихъ ощущеній. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ эмоцію страха, вызванную появленіемъ медвѣдя, и попытаемся мысленно анализировать ее и при этомъ мысленно устранить изъ нея ощущенія дрожи въ мускулахъ, ощущенія отъ сокращенія кровеносныхъ сосудовъ (холодокъ въ спинѣ), отъ усиленія перистальтики кишечника, отъ поднятія волосъ дыбомъ. Если мы произведемъ этотъ анализъ, то окажется, что послѣ вычета всѣхъ органическихъ ощущеній въ нашемъ сознаніи не осталось ничего, кромѣ чисто интеллектуальнаго состоянія, именно воспріятія медвѣдя.

Слѣдовательно, эмоція страха есть не что иное, какъ комплексъ органическихъ ощущеній. Точно такъ же, анализируя гнѣвъ, мы найдемъ, что эта эмоція складывается изъ ощущенія волненія въ груди, ощущеній отъ прилива крови къ лицу, расширенія ноздрей, стискиванія зубовъ и т. п. За вычетомъ этихъ органическихъ ощущеній въ нашемъ сознаніи остается лишь чисто интеллектуальное состояніе, знаніе о медвѣдѣ, о фактѣ обиды и т. п. Слѣдовательно, эмоціональный характеръ гнѣва, страха и другихъ подобныхъ состояній сознанія слѣдуетъ всецѣло отнести за счетъ органическихъ ощущеній.

Приведенное разсужденіе Джемсъ считаетъ главнымъ аргументомъ въ пользу своей теоріи. По его словамъ, съ нимъ соглашались всѣ лица, производившія указанный имъ мысленный анализъ эмоцій, за исключеніемъ тѣхъ, которые, повидимому, не могли понять точно, чего онъ требуетъ. Въ дополненіе къ этому аргументу Джемсъ приводитъ косвенное соображеніе въ пользу

своей теоріи, именно согласіе дѣйствительности съ вытекающимъ изъ теоріи выводомъ, что искусственное воспроизведеніе внѣшнихъ тѣлесныхъ проявленій эмоціи должно сопровождаться появленіемъ самой эмоціи. Нарочно сжимая зубы и кулаки, топая ногами и говоря повышеннымъ тономъ, мы можемъ возбудить въ себѣ чувство гнѣва. «Чтобы придать себѣ храбрости,—говоритъ Джемсъ,—мы свистимъ и тѣмъ дѣйствительно придаемъ себѣ увѣренность. Съ другой стороны, попробуйте просидѣть цѣлый день въ задумчивой позѣ, поминутно вздыхая и отвѣчая упавшимъ голосомъ на разспросы окружающихъ, и вы тѣмъ еще усилите ваше меланхолическое настроеніе».

Наоборотъ, подавленіе тѣлесныхъ проявленій эмоціи сопровождается исчезновеніемъ самой эмоціи.

Еще болѣе важны тѣ случаи, когда эмоція возникаютъ безъ соотвѣтствующаго объекта и безъ искусственнаго воспроизведенія тѣлесныхъ измѣненій, каковы, напр., гнѣвъ, страхъ, печаль у помѣшанныхъ, больныхъ, пьяныхъ и т. п. Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію Джемса, эмоція явнымъ образомъ есть не что иное, какъ комплексъ органическихъ ощущеній.

Бываютъ случаи, когда, задерживая проявленіе эмоціи, мы усиливаемъ ее, напр., удерживаясь отъ смѣха или отъ проявленій гнѣва, который въ такихъ случаяхъ переходитъ иногда въ ненависть. Эти случаи Джемсъ объясняетъ такъ. Подавляя экспрессію лица, мы этимъ не устраняемъ еще внутренняго возбужденія въ груди, брюшной полости, которое при этомъ можетъ даже усилиться, какъ это бываетъ при подавленномъ смѣхѣ. Въ другихъ же случаяхъ, какъ, напр., въ случаѣ необходимости подавить проявленіе гнѣва, появляется совершенно новая эмоція вслѣдствіе возникновенія новыхъ внутреннихъ еще болѣе сильныхъ, чѣмъ прежде, но менѣе замѣтныхъ снаружи, органическихъ возбужденій. Не противорѣчитъ теоріи Джемса также и свидѣтельство нѣкоторыхъ извѣстныхъ актеровъ, что они прекрасно могутъ воспроизводить на сценѣ мимикою лица, тѣлодвиженіями и голосомъ всѣ оттѣнки эмоцій, вовсе не переживая въ то же время самихъ эмоцій. Этимъ актерамъ удается, повидимому, диссоціировать внутреннее органическое возбужденіе (дѣятельность сердца, дыханія) и наружную экспрессію эмоціи, а такъ какъ въ составѣ нѣкоторыхъ эмоцій ощущеніе внутренняго возбужденія

играетъ очень важную роль, то воспроизведеніе однихъ внѣшнихъ измѣненій тѣла, соотвѣтствующихъ такимъ эмоціямъ (напр., гнѣву, печали), не создаетъ еще этихъ эмоцій.

Утверждая, что источникомъ грубыхъ эмоцій служатъ центростремительные токи, Джемсъ признаетъ однако, что болѣе тонкія эмоціи, нравственныя, интеллектуальныя, эстетическія, обусловливаются, вѣроятно, исключительно центральнымъ возбужденіемъ. «Но,—прибавляетъ онъ,—слабость и блѣдность этихъ чувствованій, когда они не связаны съ тѣлесными возбужденіями, представляютъ весьма рѣзкій контрастъ съ болѣе грубыми эмоціями».

Главное достоинство своей теоріи Джемсъ видитъ въ томъ, что она указываетъ путь для детальнаго изслѣдованія эмоцій. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ съ точки зрѣнія Джемса всякая эмоція есть результатъ тѣлесной реакціи на нѣкоторыя воспріятія или представленія, напр., на представленіе врага, лающей собаки, умирающаго человѣка, то, желая изучить эмоцію, мы должны въ каждомъ данномъ случаѣ изслѣдовать происхожденіе такихъ тѣлесныхъ состояній, какъ измѣненіе въ біеніи сердца, дыханіи, перистальтикѣ и т. д. Само собою разумѣется, приступая къ рѣшенію этихъ проблемъ, мы a priori можемъ разсчитывать, хотя бы на нѣкоторый успѣхъ, такъ какъ имѣемъ дѣло съ фактами, поддающимися наблюденію и во многихъ отношеніяхъ изученными. «Эти проблемы, — говоритъ Джемсъ, — составляютъ задачу, съ одной стороны, физіологической механики, а съ другой,—исторіи развитія человѣческой психики, задачу, которая, какъ и всѣ реальныя научныя задачи, по существу разрѣшима, хотя и трудно, быть можетъ, найти ея рѣшеніе».

Вмѣсто того, чтобы положить начало ряду такихъ детальныхъ изслѣдованій, теорія Джемса вызвала обширную полемику, особенно со стороны американскихъ и англійскихъ психологовъ. Однако большинство изъ нихъ, желая доказать, что эмоція складывается изъ центральныхъ процессовъ, заходитъ слишкомъ далеко, именно утверждаютъ, что органическія ощущенія *вовсе не входятъ* въ эмоціи, и потому подбираютъ возраженія, съ которыми Джемсъ легко справляется. Къ тому же они мало принимаютъ въ разсчетъ ощущенія отъ внутренностныхъ реакцій, играющія важную роль въ теоріи Джемса. Такъ напр., Уорчестеръ

и Айронъ говорятъ, что одна и та же эмоція въ различныхъ случаяхъ сопровождается различными тѣлесными реакціями. Въ отвѣтъ на это Джемсъ обращаетъ вниманіе, во-первыхъ, на то, что различные внѣшніе симптомы могутъ сопровождаться одинаковыми внутренними, а во-вторыхъ, на то, что каждая эмоція дѣйствительно можетъ варьировать въ очень широкихъ предѣлахъ. Уорчестеръ указываетъ также на обратное явленіе, именно на то, что очень сильныя эмоціи сопровождаются сходными внѣшними проявленіями. Джемсъ соглашается съ этимъ, но прибавляетъ, что очень сильныя эмоціи сходны другъ съ другомъ и по своему психическому содержанію. Уорчестеръ п Айронъ замѣчаютъ также, что рыданіе или смѣхъ, возникшіе чисто рефлекторнымъ путемъ безъ соотвѣтствующаго печальнаго или смѣшного объекта, не похожи на эмоціи, ихъ можно сравнить съ икотою, дрожью отъ холода и т. п. органическими ощущеніями. Рядомъ съ этимъ возраженіемъ нужно поставить соображеніе Штумпфа, что, принимая теорію Джемса приходится отнести къ числу эмоцій и такія психическія состоянія, какъ мигрень или ревматическія боли. Эти два возраженія принадлежатъ къ числу очень сильныхъ, если не преувеличивать ихъ значенія, именно видѣть въ нихъ не полное ниспроверженіе теоріи Джемса, а указаніе на то, что эмоція заключаетъ въ себѣ, кромѣ органическихъ ощущеній, еще какой-то элементъ, упущенный изъ виду Джемсомъ.

Всѣ противники Джемса обращаютъ вниманіе на то, что тѣлесная реакція не можетъ быть вызвана воспріятіемъ объекта, и изъ этого дѣлаютъ выводъ, что мотивомъ ея служитъ эмоція, которая, слѣдовательно, должна предшествовать реакціи. Уорчестеръ, напр., указываетъ на то, что медвѣдь въ клѣткѣ не вызываетъ ничего похожаго на тѣлесную реакцію, которая у насъ является, когда мы видимъ его въ лѣсу. Изображая теорію Джемса въ карикатурномъ видѣ, онъ говоритъ: «соотвѣтственно здравому смыслу мы бѣжимъ, потому что боимся быть съѣденными, а по теоріи Джемса намъ непріятно быть съѣденными, потому что мы бѣжимъ». Джемсъ отвѣчаетъ на это своимъ противникамъ, что причиною реакціи, а, слѣдовательно, и эмоціи служитъ не просто воспріятіе, а воспріятіе вмѣстѣ съ возникающими по поводу него въ разныхъ случаяхъ различными воспоминаніями.

Къ этому надо прибавить, что Уорчестеръ, какъ это видно изъ приведенной выше фразы его, а также изъ прямыхъ его заявленій, смѣшиваетъ чувства удовольствія и страданія съ эмоціями, а мы увидимъ дальше, что смѣшеніе этихъ понятій ведетъ къ крупнымъ заблужденіямъ. Вслѣдствіе этого смѣшенія возникаетъ важнѣйшее возраженіе Вундта, а вслѣдъ за нимъ и Леманна. Вундтъ говоритъ, что эмоція начинается съ простого первоначальнаго чувствованія, имѣющаго субъективный характеръ въ отличіе отъ объективнаго характера ощущеній (поэтому онъ считаетъ чувство реакціею апперцепціи), а вслѣдъ за нимъ уже является тѣлесная реакція, дающая органическія ощущенія, чувственные тона которыхъ присоединяются къ первоначальному чувствованію и вмѣстѣ съ нимъ образуютъ эмоцію.

Конечно, теорія Джемса вызвала не одни только возраженія. Она пріобрѣла также крупныхъ защитниковъ, вродѣ Рибо, Фулье, Серджи. Одинъ изъ защитниковъ, Соллье, сдѣлалъ даже попытку эмпирически подтвердить мысль Джемса. Соллье, наблюдалъ одного больного, страдавшаго почти полною анестезіею не только кожи, слизистыхъ оболочекъ и мускуловъ, но и внутренностей, такъ что у него, напр., не было даже ощущеній голода и сытости. По описанію Соллье, этотъ субъектъ былъ почти абсолютно апатиченъ. Наблюденіе Соллье согласуется съ выводами, которые нужно сдѣлать изъ теоріи Джемса и потому служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ ея, но прямого доказательства, конечно, не даетъ, потому что измѣненія въ организмѣ невропата, изслѣдованнаго Соллье, навѣрное не ограничивались одною лишь утратою органическихъ ощущеній. Еще менѣе удачны опыты, произведенные Соллье надъ двумя истерическими больными, у которыхъ онъ путемъ внушенія уничтожалъ чувствительность внутренностей или чувствительность периферіи тѣла, а также ту или другую вмѣстѣ. Въ случаѣ полной анестезіи, а также анестезіи внутренностей больные были апатичны и даже говорили: «я не люблю никого, даже и себя потому что я не чувствую ничего (puisque je ne sens rien). По поводу этихъ опытовъ справедливо замѣчаетъ Штумпфъ [1]), что даже и психологія до сихъ поръ не различаетъ строго терминовъ чувствовать и ощущать,

[1]) Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, 1899.

слѣдовательно, Соллье могъ прямымъ внушеніемъ уничтожить у своихъ больныхъ не только ощущенія, но и эмоціональную жизнь.

II. Волюнтаристическая теорія эмоцій.

1. Волевые элементы эмоцій.

Теорія Джемса складывается изъ нѣсколькихъ утвержденій, имѣющихъ не одинаковую цѣнность и не одинаково достовѣрныхъ. Поэтому она до сихъ поръ находитъ мало сторонниковъ и не принесла той пользы психологіи, какой ожидалъ отъ нея Джемсъ. Чтобы подвергнуть ее оцѣнкѣ и отдѣлить истину отъ заблужденія, выразимъ ее въ видѣ отдѣльныхъ положеній.

Во-первыхъ, по мнѣнію Джемса, тѣлесная реакція *есть не результатъ* эмоціи, а *причина* ея, такъ какъ эмоція складывается изъ *органическихъ ощущеній*, соотвѣтствующихъ тѣлесной реакціи. Во-вторыхъ, за вычетомъ органическихъ ощущеній, составляющихъ сложное эмоціональное состояніе, въ сознаніи или не остается ничего, или же остается какое-либо чисто интеллектуальное состояніе.

Первое изъ этихъ положеній не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только всмотрѣться внимательно въ психическія состоянія, называемыя гнѣвомъ, печалью, страхомъ, чтобы замѣтить, что въ нихъ входитъ множество органическихъ ощущеній изъ области сердца, дыхательныхъ органовъ, пищеварительнаго аппарата и т. д. Главная заслуга Джемса заключается именно въ этой мысли, не требующей никакихъ доказательствъ, кромѣ ссылки на самонаблюденіе.

Къ сожалѣнію, доказывая свою мысль, Джемсъ прибѣгнулъ, кромѣ ссылки на самонаблюденіе, еще къ двумъ аргументамъ, не выдерживающимъ критики и опровергнутымъ его противниками. Однако оспаривая мысль, что эмоція состоитъ изъ однихъ только органическихъ ощущеній, противники Джемса зашли слишкомъ далеко; нѣкоторые изъ нихъ стали утверждать, что эти органическія ощущенія вовсе не входятъ въ нее. Поскольку они въ пылу борьбы отстаиваютъ свое второе утвержденіе, полемика отчасти превращается въ споръ изъ-за словъ, именно въ споръ о томъ, обозначать ли словомъ эмоція психическое со-

стояніе, упущенное изъ виду Джемсомъ и предшествующее тѣлесной реакціи, или же называть эмоціею это психическое состояніе вмѣстѣ съ присоединяющимися къ нему органическими ощущеніями. Поскольку споръ принимаетъ такой характеръ, обычное словоупотребленіе стоитъ на сторонѣ Джемса, такъ какъ подъ гнѣвомъ, печалью, страхомъ и т. п. всѣ разумѣютъ такія сложныя психическія состоянія, въ которыхъ несомнѣнно важною составною частью являются ощущенія щемленія сердца, дрожанія мускуловъ, усиленной перистальтики и т. п.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ положительными сторонами теоріи Джемса. Теперь намъ нужно отмѣтить одинъ важный недостатокъ ея, заключающійся во второмъ утвержденіи, согласно которому эмоція состоитъ *только* изъ органическихъ ощущеній, такъ что послѣ вычитанія органическихъ ощущеній, составляющихъ сложное эмоціональное состояніе, въ сознаніи или не остается ничего, или же остается какое-либо чисто интеллектуальное состояніе. Если бы это было такъ, то эмоція ничѣмъ не отличалась бы отъ такихъ пассивныхъ состояній, какъ мигрень, ломота въ спинѣ, усталость, ревматическія боли, пріятныя ощущенія отъ нормальнаго процесса пищеваренія и т. п. На самомъ дѣлѣ это невѣрно; въ эмоціяхъ гнѣва, страха, тоски и т. п., кромѣ воспріятія органическихъ ощущеній, есть еще какой-то элементъ, заставляющій насъ считать эмоцію чѣмъ-то болѣе близкимъ къ нашему я, болѣе «моимъ», чѣмъ ощущенія. Если правда, что всякое психическое состояніе, поскольку оно чувствуется, какъ «мое», есть волевой актъ, то мы должны найти въ эмоціяхъ волевые элементы, именно стремленія и чувствованіе активности, упущенныя изъ виду Джемсомъ. Въ противномъ случаѣ эмоціи окажутся отрицательною инстанціею противъ нашего волюнтаризма.

Сначала мы не будемъ ссылаться на самонаблюденіе, такъ какъ эмоція складывается изъ состояній сознанія, слабо дифференцированныхъ, органическія ощущенія выступаютъ въ нихъ на первый планъ и маскируютъ другіе элементы эмоціи. Поэтому сначала мы постараемся подготовить рѣшеніе вопроса съ помощью косвенныхъ соображеній, именно исходя изъ тѣхъ элементовъ эмоціи, которые уже извѣстны. Мы знаемъ, что значительная часть эмоціи состоитъ изъ органическихъ ощущеній

слѣдовательно, обусловливается тѣлесною реакціею. Нѣкоторыя стороны этой реакціи, именно внѣшнія проявленія эмоцій въ области главнымъ образомъ мускулатуры, подчиненной волѣ, подвергнуты уже изученію. Относительно происхожденія ихъ Дарвину удалось установить три закона, изъ которыхъ одинъ наиболѣе важный и имѣющій наиболѣе широкую область примѣненія, принятъ въ той или иной формѣ дальнѣйшими изслѣдователями этого вопроса. Этотъ законъ, названный въ сочиненіи Дарвина «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ» началомъ полезныхъ, ассоціированныхъ привычекъ состоитъ въ слѣдующемъ: движенія, оказавшіяся полезными намъ въ прошлыхъ случаяхъ, повторяются нами по привычкѣ и въ новыхъ аналогичныхъ случаяхъ, даже тогда, когда они стали безполезными. Таковы сжиманіе кулаковъ и зубовъ по адресу отсутствующей особы, вызвавшей въ насъ гнѣвъ, топаніе ногами, оскаливаніе клыка, закладываніе ушей назадъ, встрѣчающееся у разсерженныхъ животныхъ, имѣющихъ привычку кусаться въ дракѣ, опусканіе угловъ губъ при отвращеніи и печали, приподниманіе внутреннихъ угловъ бровей въ горѣ, нахмуриваніе при затрудненіи, вздрагиваніе и миганіе при неожиданномъ шумѣ, сокращеніе скуловой мышцы при зависти и ревности, раскрываніе рта и глазъ при изумленіи, облизываніе при мысли о чемъ-либо пріятномъ, улыбка, взглядъ искоса у хитрящаго человѣка и т. п., и т. п. Второй законъ, установленный Дарвиномъ, начало антитеза, заключаетъ въ себѣ лишь описаніе того факта, что нѣкоторыя противоположныя психическія состоянія сопровождаются противоположными движеніями, но не даетъ никакого намека на объясненіе этого факта, такъ какъ предположеніе Дарвина, что «при появленіи совершенно противоположнаго настроенія существуетъ сильное и непроизвольное стремленіе къ выполненію движеній противоположнаго свойства, хотя бы они были совершенно безполезны», построено имъ вполнѣ произвольно. Весьма возможно, что явленія, подведенныя Дарвиномъ подъ этотъ законъ, объясняются съ точки зрѣнія перваго закона. Напримѣръ, волнистыя движенія тѣла собаки, смѣняющія собою напряженное положеніе всего корпуса ея, когда она подходитъ къ человѣку съ враждебными намѣреніями, а потомъ, замѣтивъ, что это ея хозяинъ, радостно бросается къ нему, вѣроятно, объясняются

тѣмъ, что эти движенія даютъ возможность, ласкаясь, прикасаться различными поверхностями тѣла къ хозяину. Третій законъ Дарвина, начало прямого вліянія нервной системы, заключаетъ въ себѣ слѣдующее утвержденіе: при сильномъ возбужденіи чувствительныхъ центровъ, развиваемая въ избыткѣ нервная сила или передается въ извѣстныхъ опредѣленныхъ направленіяхъ, зависящихъ отъ связи нервныхъ клѣточекъ между собою и отчасти отъ привычки, или нервная дѣятельность можетъ, повидимому, быть прерываема. Высказавъ этотъ законъ, Дарвинъ прибавляетъ: «Конечно всякое движеніе, совершаемое нами, обусловлено строеніемъ нервной системы, но мы исключаемъ въ этомъ случаѣ, насколько возможно, всѣ движенія, зависящія отъ воли, отъ привычки, или отъ начала антитеза. Предметъ, котораго мы коснулись теперь, чрезвычайно неясенъ; по крайней важности его, на немъ стоитъ остановиться подольше, такъ какъ всегда полезно видѣть собственное незнаніе». Въ этихъ словахъ Дарвина заключается полное осужденіе его третьяго закона. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ движенія наши обусловлены строеніемъ нервной системы, слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ищемъ спеціальныхъ законовъ различныхъ группъ движеній, неопредѣленная общая ссылка на этотъ законъ есть лишь результатъ нашего незнанія. Поэтому-то Дарвинъ подводитъ подъ этотъ законъ просто всѣ тѣ явленія, которыя ему не удалось объяснить инымъ путемъ. Таковы дрожаніе мышцъ при страхѣ, злобѣ или сильной радости, измѣненія въ біеніи сердца, сосудодвигательной системѣ и дыханіи, отдѣленіе пота, желчи и т. п. Слѣдовательно, какъ разъ тѣ реакціи, которыя происходятъ въ области самыхъ важныхъ органовъ и встрѣчаются чаще всего, возникаютъ, какъ случайный побочный результатъ соединенія нервныхъ элементовъ, установившагося для другихъ цѣлей. Это предположеніе противорѣчитъ современнымъ ученіямъ объ организмѣ, какъ продуктѣ продолжительной эволюціи, приспособленномъ къ внѣшнимъ условіямъ, т. е. раздраженіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія этого ученія пути разрядовъ зависятъ отъ строенія нервной системы, но въ свою очередь это строеніе измѣняется подъ вліяніемъ разрядовъ, и это взаимодѣйствіе приводитъ къ тому, что реакціи оказываются все болѣе и болѣе цѣлесообразно приспособленными къ соотвѣтствующимъ раздраженіямъ. Даже тѣ

реакціи, которыя на первый взглядъ не заключаютъ въ себѣ ничего цѣлесообразнаго (мимическое выраженіе эмоцій), при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются возникшими изъ цѣлесообразныхъ приспособленій. Если такъ, то тѣмъ увѣреннѣе можемъ мы утверждать, что реакціи со стороны важнѣйшихъ органовъ возникли такимъ же путемъ, т.-е. могутъ быть подведены подъ начало полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ. Эта задача не выполнена до сихъ поръ потому, что реакціи сердца, сосудистой системы, дыхательныхъ органовъ возникли въ животномъ мірѣ раньше другихъ реакцій, входящихъ въ составъ эмоцій: онѣ составляютъ результатъ болѣе продолжительной эволюціи, въ которой могло быть много метаморфозъ и сложныхъ взаимоотношеній.

Итакъ, разсматривая эмоціональныя реакціи, мы нашли, что однѣ изъ нихъ объясняются началомъ полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ, а другія, особенно внутренностныя, вовсе не объяснены, но относительно ихъ можно съ огромной вѣроятностью утверждать, что ихъ удастся подвести подъ тотъ же законъ. Далѣе, принимая въ расчетъ, что тѣлесная реакція не слѣдуетъ за эмоціею, какъ ея результатъ, а входитъ въ нее, какъ составная часть, мы принуждены будемъ сдѣлать выводъ, что эмоція, по крайней мѣрѣ главная часть ея, есть не что иное, какъ совокупность привычныхъ актовъ, приносившихъ пользу въ другихъ аналогичныхъ данному случаяхъ: слѣдовательно, эмоція есть или рефлексъ, или волевой актъ, или психо-рефлекторный актъ [1]). Рефлексомъ эмоціональную реакцію, конечно, назвать нельзя, такъ какъ подъ это понятіе подводятся лишь реакціи, возникающія безъ участія сознанія; раздраженіе, вызывающее рефлексъ, достигаетъ своего результата даже и въ томъ случаѣ, если центры сознательной дѣятельности разрушены. Между тѣмъ большинство эмоціональныхъ реакцій не возникаетъ при этомъ условіи, напримѣръ, собака, у которой разрушенъ центръ зрительныхъ воспріятій, не обнаруживаетъ при видѣ кнута своимъ дыханіемъ и біеніемъ сердца никакихъ признаковъ страха. Итакъ, эмоція есть или волевой, или психо-рефлекторный актъ. Присматриваясь къ субъективнымъ оттѣнкамъ эмоцій, необходимо признать, что

---

[1]) См. гл. I, стр. 23.

однѣ изъ нихъ относятся къ числу волевыхъ актовъ, а другія къ психо-рефлекторнымъ актамъ. Сначала мы займемся первыми. Къ этому разряду относятся тѣ эмоціи, въ которыхъ мы особенно живо сознаемъ себя дѣятельными, такъ что это сознаніе выражается нами даже въ языкѣ: мы говоримъ «я гнѣваюсь, ненавижу, завидую», а не «воспринимаю себя гнѣвающимся, ненавидящимъ» и т. п. Впрочемъ, вѣрнѣе будетъ сказать, что, говоря объ этихъ эмоціяхъ, мы должны употребить оба выраженія: «я гнѣваюсь» и «воспринимаю себя гнѣвающимся», такъ что въ эмоціи есть два акта, актъ порожденія реакціи въ тѣлѣ и актъ воспріятія ея. Этимъ она отличается отъ воспріятій, возникшихъ вслѣдствіе перемѣнъ на периферіи тѣла, которыя порождены не нами, а произошли отъ внѣшняго раздраженія или рефлекторнымъ путемъ. Говоря о нихъ, напр., о воспріятіи стакана, мы не можемъ сказать «я стаканюсь» и потомъ «воспринимаю стаканъ». Говоря о рефлекторномъ сокращеніи мышцы вѣкъ или мышцы на лбу (когда мы нервно разстроены, такъ что принуждены прибѣгать къ бромистому калію и т. п.), мы говоримъ «у меня подергивается мышца» (я воспринимаю ее подергивающеюся), а не «я подергиваю мышцу».

Отсюда ясно, какой элементъ эмоціи упущенъ изъ виду Джемсомъ. Джемсъ считаетъ эмоцію воспріятіемъ перемѣны въ тѣлѣ; на самомъ же дѣлѣ эмоція есть порожденіе нами перемѣны въ тѣлѣ и воспріятіе этой перемѣны. Пояснимъ это примѣромъ: Джемсъ находитъ въ эмоціи лишь такія состоянія сознанія, какія возникаютъ у насъ, когда кто-либо сгибаетъ нашу руку (воспріятіе пассивнаго движенія); на самомъ же дѣлѣ эмоція складывается изъ такихъ состояній сознанія, какія бываютъ у насъ, когда мы сами сознательно, а не рефлекторно сгибаемъ руку (сознаніе объ активномъ движеніи). Значитъ, Джемсъ упускаетъ изъ виду состоянія, предшествующія поступку, заключающія въ себѣ оттѣнокъ активности, и стремленіе чего-либо достигнуть или избѣжать.

Къ сожалѣнію, эти важные оттѣнки психическихъ состояній рѣдко становятся предметомъ нашего наблюденія и плохо запоминаются нами, такъ какъ мы обращаемъ вниманіе исключительно на свои цѣли, а не на средства, которыми онѣ осуществляются. Въ эмоціяхъ еще труднѣе подмѣтить эти элементы, такъ какъ

всѣ вообще психическія состоянія, входящія въ эмоцію, слабо дифференцированы, и чувство активности, составляющее исходный пунктъ эмоціи, поглощается массою интенсивныхъ слѣдующихъ за нимъ органическихъ ощущеній. Однако, обративъ вниманіе на элементъ активности и стремленія, исходя изъ теоретическихъ соображеній, мы можемъ найти также и яркія подтвержденія этихъ соображеній уже путемъ самонаблюденія. Для этого нужно подыскать такіе случаи, когда эмоція состоитъ главнымъ образомъ изъ внутренностныхъ реакцій и вызывается такимъ раздраженіемъ, которое могло бы породить эти реакціи и чисто рефлекторнымъ путемъ. Такова эмоція испуга, вызываемая неожиданнымъ стукомъ. Благодаря стеченію обстоятельствъ, она дала мнѣ нѣсколько наблюденій, подтверждающихъ сходство эмоцій съ поступками. Въ теченіе одной зимы въ моей комнатѣ очень часто трескался паркетъ, и каждый разъ трескъ его вызывалъ во мнѣ, такъ какъ я былъ нѣсколько разстроенъ, вздрагиваніе, интенсивное ощущеніе въ области сердца, которое кажется происходящимъ отъ того, что сердце будто бы сжимается, и ощущенія въ области сосудистой системы на периферіи тѣла. Психическое состояніе при этомъ было типичнымъ образцомъ эмоціи испуга, очень тягостной, какъ извѣстно. Желая освободиться отъ нея, я сталъ бороться тѣмъ способомъ, который удачнѣе всего приводитъ къ цѣли, когда хочешь отдѣлаться отъ какой-нибудь непріятной привычки, именно всякій разъ, когда она являлась, я мысленно живо представлялъ себѣ причину ея, т.-е. трескъ паркета, и мысленно настойчиво представлялъ себѣ, что воздерживаюсь отъ безмысленной реакціи. Черезъ нѣсколько дней я сталъ наблюдать такое явленіе: трескъ тотчасъ вызывалъ во мнѣ совершенно спокойную мысль о причинѣ этого явленія, я вовсе не вздрагивалъ, но въ то же время съ изумленіемъ, и это изумленіе очень характерно въ данномъ случаѣ, воспринималъ длительную волну непріятныхъ ощущеній изъ области сердца и сосудовъ. Психическое состояніе складывалось почти изъ тѣхъ же органическихъ ощущеній, кромѣ вздрагиванія, что и въ первомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, можно поручиться, что самые интенсивные и непріятные элементы были налицо, и, несмотря на то, я бы не назвалъ это психическое состояніе эмоціею, а сравнилъ бы его съ мигренью, нытьемъ почекъ и т. п. пассивно воспринимаемыми

психическими состояніями, возникающими отъ перемѣнъ на периферіи, не зависящихъ отъ сознанія. Изумленіе, съ которымъ я воспринималъ это состояніе, аналогично тому чувству, съ которымъ относишься иногда къ подколѣнному рефлексу, къ этому сильному сокращенію ноги, которое поражаетъ насъ тѣмъ, что происходитъ совершенно самостоятельно, безъ всякаго участія съ нашей стороны.

Переживая нѣкоторыя эмоціи, напр., печаль, мы вовсе не въ такой мѣрѣ относимъ ихъ къ своему я, какъ гнѣвъ, ненависть, зависть. Это выражается и въ языкѣ: мы обыкновенно говоримъ: «я опечаленъ», а не «я печалюсь». Однако мы не ставимъ свою печаль съ ея мучительными ощущеніями въ области сердца, ощущеніями вялости мускуловъ и т. п. въ одинъ разрядъ съ ощущеніями; испытывая эту эмоцію, мы все же замѣчаемъ въ ней смутныя стремленія и активность, хотя и не принадлежащія «моему» я, какія-то «стремленія во мнѣ». Опираясь на эти признаки, такія эмоціи слѣдуетъ отнести къ числу «поступковъ во мнѣ» и къ числу психо-рефлекторныхъ актовъ, такъ какъ онѣ возникаютъ все же вслѣдъ за какимъ-либо «моимъ» состояніемъ, напр. мыслью о смерти друга.

Собственно, во всѣхъ сложныхъ эмоціяхъ, складывающихся изъ множества тѣлесныхъ реакцій, нѣкоторые элементы навѣрное относятся къ числу не «моихъ» актовъ, но «актовъ во мнѣ». Таковы большею частью внутренностныя реакціи, напр. реакціи кишечника и мочевого пузыря во время страха, клокотаніе въ груди во время гнѣва, щемленіе сердца. Мало того, всякая эмоція, даже и начавшаяся, повидимому, какъ «мой актъ», можетъ продолжаться, какъ «поступокъ во мнѣ». Это замѣтно, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда мы уже перестали и думать о томъ, что̀ раздосадовало насъ, а между тѣмъ насъ все «что-то грызетъ» и т. п.

Утверждая, что эмоція есть волевой актъ, мы высказываемъ одну парадоксальную мысль, противорѣчащую установившимся въ наукѣ взглядамъ. Съ нашей точки зрѣнія краснѣніе отъ радости (расширеніе сосудовъ), блѣднѣніе отъ страха (сжиманіе сосудовъ), дрожь, измѣненіе въ пищеварительныхъ аппаратахъ приходится считать поступками, такъ какъ имъ предшествуетъ неясно сознанное стремленіе («мое» или во «мнѣ») чего-нибудь

достигнуть или избѣжать. Между тѣмъ въ наукѣ установилось мнѣніе, что всѣ эти тѣлесныя явленія совершенно не зависятъ отъ воли: сознательные процессы очень часто вліяютъ на эти дѣятельности, но это вліяніе есть результатъ иррадіаціи нервныхъ токовъ, оно не сопровождается чувствомъ усилія, стремленія, и потому оно не можетъ быть сравниваемо съ волевымъ вліяніемъ сознанія. Противорѣчить этому прочно установившемуся мнѣнію до такой степени опасно, что раньше, чѣмъ привести аргументы противъ него, цѣлесообразно будетъ прибѣгнуть къ авторитетамъ (хотя такая ссылка есть непозволительное argumentum ad hominem) именно сослаться на соображенія Вундта, которыя могутъ послужить исходнымъ пунктомъ. «Основываясь на общей исторіи развитія», — говоритъ Вундтъ, — можно допустить, что даже такія движенія, какъ сокращеніе сердца, которыя у высшихъ животныхъ совсѣмъ не зависятъ отъ воли, или какъ движенія дыханія, отчасти не зависящія отъ воли, развились изъ первоначальныхъ движеній, вытекающихъ изъ стремленій (Triebbewegungen)». Разсматривая вопросъ о происхожденіи рефлексовъ и автоматическихъ актовъ, Вундтъ вообще высказывается въ пользу предположенія, что всѣ они возникли изъ движеній, вытекающихъ изъ стремленій. Наблюдая проявленія одноклѣточныхъ организмовъ, у которыхъ вся жизнь проходитъ въ такихъ актахъ, какъ сжиманіе и расширеніе всего тѣла, обволакиваніе съѣдобныхъ веществъ, выталкиваніе несъѣдобныхъ и т. д., мы должны признать, по его мнѣнію, что это простые волевые акты, т.-е. движенія, вытекающія изъ стремленій (Triebbewegungen). Въ высоко развитомъ организмѣ такіе акты производятся не всѣмъ тѣломъ, а пріурочиваются къ опредѣленнымъ органамъ (сжиманіе и расширеніе органа въ связи съ сжиманіемъ и расширеніемъ сосудовъ, органы пищеваренія и т. п.) и регулируются низшими нервными центрами (въ которыхъ, можетъ быть, есть свое сознаніе), такъ что совершаются безъ контроля высшихъ центровъ, безъ контроля высшаго сознанія, непреднамѣренно.

Не удивительно, что мы привыкли считать такіе процессы въ организмѣ независящими отъ нашихъ стремленій и намѣреній (отъ воли). Между тѣмъ рѣшительныхъ основаній для этого у насъ нѣтъ. Если у нашихъ безконечно отдаленныхъ предковъ эти акты были обусловлены ихъ стремленіями, хотя бы и неясными, слабо

дифференцированными и потому не похожими на наши рѣшенія, то естественно предположить, что и у насъ сохранилась способность сознательно вліять на свой кишечникъ, свои кровеносные сосуды и т. д. Однако дѣятельность этихъ органовъ необходима для нашего организма ежесекундно, поэтому управленіе ими сосредоточивается въ низшихъ центрахъ (напр., въ продолговатомъ мозгу), и свою способность вліять на эти органы сознательно мы проявляемъ очень рѣдко. Поэтому наши сознательныя воздѣйствія на сосуды, сердце, кишечникъ и т. д. до сихъ поръ остаются въ формѣ слабо дифференцированныхъ состояній сознанія, съ трудомъ улавливаемыхъ самонаблюденіемъ. Именно такія воздѣйствія на организмъ мы и производимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда получаемъ извѣстіе о смерти друга, сталкиваемся носъ къ носу съ медвѣдемъ въ лѣсу, выслушиваемъ обидное замѣчаніе и т. д. Потрясеніе, вызываемое этими воспріятіями, такъ велико, что мы не успѣваемъ реагировать обдуманно и производимъ рядъ примитивныхъ органическихъ актовъ, которые мы и наши самые отдаленные предки привыкли производить въ другихъ болѣе обычныхъ, примитивныхъ непріятныхъ случаяхъ. Результатомъ этихъ актовъ является такая масса органическихъ ощущеній, что въ нихъ тонетъ неясное стремленіе, предшествовавшее имъ. Сложное состояніе сознанія, получившееся такимъ образомъ, есть эмоція. Слѣдовательно эмоція по существу есть такое же состояніе сознанія, какъ и то, которое мы переживаемъ, когда сознательно поднимаемъ руку, съ тою лишь разницею, что элементы этого послѣдняго состоянія—рѣшеніе поднять руку и моторныя ощущенія отъ дѣйствительнаго поднятія руки—дифференцированы и потому легко опредѣлимы. Въ отвѣтъ на это могутъ возразить, что въ такомъ случаѣ мы могли бы по желанію во всякій данный моментъ вызвать какой угодно физіологическій процессъ такъ же легко, какъ поднять руку. Однако это возраженіе не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, органическіе процессы находятся въ постоянной зависимости отъ дѣятельности низшихъ центровъ нервной системы (даже и въ эмоціяхъ они, обыкновенно, вызываются не «моими» стремленіями, а «стремленіями во мнѣ»), которая иногда можетъ противодѣйствовать вліянію высшихъ центровъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что даже и рѣшеніе поднять руку не всегда приводитъ къ цѣли, вслѣдствіе противодѣйствія низ-

шихъ центровъ, напр., въ случаѣ судороги. Во-вторыхъ, произвольный актъ выполняется легко въ томъ случаѣ, когда ему предшествуетъ стремленіе къ какой-либо цѣли, связанное съ отчетливымъ воспоминаніемъ о моторныхъ ощущеніяхъ, сопровождающихъ достиженіе этой цѣли, при чемъ, конечно, впослѣдствіи ассоціація между цѣлью и движеніемъ можетъ настолько упрочиться, что промежуточный элементъ, воспоминаніе о моторныхъ ощущеніяхъ, можетъ выпасть безъ ущерба для акта. Управленіе внутренностями не можетъ пройти этихъ фазъ развитія, потому что моторныя ощущенія, исходящія отъ нихъ, всегда должны оставаться слабо дифференцированными и, слѣдовательно, не могутъ хорошо запоминаться. Въ самомъ дѣлѣ, эти ощущенія должны оставаться на низшей степени развитія, во-первыхъ, потому, что они мало важны для насъ, такъ какъ исходятъ изъ органовъ, управленіе которыми предоставлено низшимъ центрамъ, а во-вторыхъ, потому, что они обусловлены органами внутренними и, слѣдовательно, не могутъ вступать въ комбинацію съ ощущеніями высшихъ органовъ чувствъ и контролироваться ими.

Если высказанныя здѣсь соображенія вѣрны, то a priori нужно ожидать, что нѣкоторымъ людямъ удается въ силу какихъ-либо исключительныхъ условій достигнуть высокой сравнительно степени способности управлять своими внутренними органами, и дѣйствительность подтверждаетъ это предположеніе. Въ литературѣ описано много подобныхъ случаевъ. Я напомню нѣкоторые изъ нихъ, заимствуя ихъ изъ заслуживающаго довѣрія сочиненія Хэкъ Тьюка «Духъ и тѣло». Хэкъ Тьюкъ самъ изслѣдовалъ одного члена лондонскаго королевскаго общества Фокса, который обладалъ способностью усиліемъ воли увеличивать число ударовъ пульса на десять и даже двадцать ударовъ въ минуту. *При этомъ дыханіе у него вовсе не измѣнялось.* Онъ упоминаетъ также о полковникѣ Тоунсендѣ, обладавшемъ способностью вызывать у себя летаргію въ родѣ той, которая наблюдается у индійскихъ факировъ. При этомъ дыханіе и біеніе сердца у него, повидимому, совершенно прекращались. Нѣкоторые субъекты обладаютъ способностью произвольно вызывать у себя рвоту. Эразмъ Дарвинъ сообщаетъ объ одной особѣ, обладавшей способностью вызывать у себя усиленную перистальтику напряженіемъ воли. Вообще можно привести много случаевъ вліянія воображенія на

перистальтику. Извѣстны случаи, когда больные завалами кишечника, которымъ собирались дать лѣкарство, видѣли во снѣ, будто они уже приняли лѣкарство, и этотъ сонъ излѣчивалъ ихъ. Нерѣдко въ больницахъ по ошибкѣ или нарочно давали такимъ больнымъ какое-нибудь индифферентное вещество, и оно приводило къ желаемымъ результатамъ. Одинъ господинъ, присутствовавшій при смерти своего друга, погибшаго отъ спазмодическаго суженія пищевода, былъ страшно пораженъ картиной его смерти, не могъ отдѣлаться отъ мысли о ней и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ той же болѣзни. Вообще продолжительное сосредоточеніе вниманія на какой бы то ни было части тѣла сопровождается, какъ извѣстно, измѣненіями въ ней. Одинъ врачъ обладалъ способностью произвольно вызывать боль въ какой угодно части своего тѣла: при этомъ въ органѣ, гдѣ онъ вызывалъ боль, увеличивалась пульсація сосудовъ. Здѣсь можно напомнить также о явленіяхъ стигматизма—о Луизѣ Лато и т. п. Многіе субъекты обладаютъ способностью произвольно расширять зрачокъ; впрочемъ это достигается, обыкновенно, черезчуръ окольнымъ путемъ, именно живымъ воспоминаніемъ о темнотѣ. Однако, докторъ Paxton обладалъ способностью расширять и суживать зрачекъ безъ этого искусственнаго пріема. Въ заключеніе сошлюсь еще на проф. Тарханова, описавшаго нѣсколько случаевъ способности произвольно увеличивать количество біеній сердца.

Построенная нами гипотеза, что эмоція есть поступокъ, сдѣлается еще болѣе вѣроятною, если мы въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи пойдемъ по пути, указываемому ею, именно обратимся къ исторіи развитія поступковъ вообще. Къ сожалѣнію, по этому вопросу въ психологической литературѣ существуетъ лишь одно изслѣдованіе, сочиненіе Шнейдера Der thierische Wille, но и оно уже даетъ крайне цѣнныя указанія. Анализируя поступки всѣхъ животныхъ отъ одноклѣточныхъ до человѣка и слѣдя за возрастающею сложностью ихъ, Шнейдеръ приходитъ къ мысли, что всѣ движенія высшихъ животныхъ явились, какъ результатъ дифференціаціи двухъ первоначальныхъ движеній низшихъ организмовъ. Эти два первоначальныя движенія суть сокращеніе и расширеніе всего организма. Стремленіе къ сокращенію является у низшихъ организмовъ при встрѣчѣ съ чѣмъ-либо непріятнымъ, стремленіе къ расширенію при встрѣчѣ съ чѣмъ-либо пріятнымъ.

Изъ первичнаго стремленія къ сокращенію развиваются всѣ движенія самозащиты, удаляющія насъ оть вреднаго объекта, напр., всѣ движенія страха, а изъ стремленія къ расширенію развиваются всѣ движенія, сближающія насъ съ пріятнымъ объектомъ, напр., движенія при питаніи, половыхъ сношеніяхъ. Къ сожалѣнію, Шнейдеръ не воспользовался своимъ изслѣдованіемъ для построенія теоріи эмоцій. Джемсъ ссылается на сочиненіе Шнейдера, но тоже мало примѣняетъ его для своей теоріи, вѣроятно, потому, что вообще упускаетъ изъ виду волевой характеръ эмоцій. Удачнѣе воспользовался взглядами Шнейдера Фулье, который опредѣляетъ эмоціи почти такъ же, какъ онѣ опредѣлены въ этой статьѣ. Фуллье говоритъ: «эмоціи въ концѣ концовъ суть инстинктивныя движенія воли, реагирующей подъ вліяніемъ удовольствія или страданія; эти движенія измѣняютъ, съ одной стороны, теченіе идей, а съ другой—сообщаются органамъ, которыми онѣ и выражаются во внѣ». Нужно только прибавить къ этому опредѣленію, что движенія органовъ входятъ въ составъ самой эмоціи въ томъ смыслѣ, что органическія ощущенія, порождаемыя ими, составляютъ, пожалуй, важнѣйшую часть эмоціи; быть можетъ, они-то, благодаря своему ярко-выраженному чувственному тону, своей пріятности, или непріятности и заставляютъ насъ смотрѣть на эмоціи, какъ на особую своеобразную группу душевныхъ явленій. Не обращая вниманія на этотъ пунктъ, Фуллье даже черезчуръ подчеркиваетъ волевой характеръ эмоцій, и потому изслѣдованіе Шнейдера для него цѣнная находка. Изложивъ взгляды Шнейдера, онъ говоритъ: «Теперь разсмотримъ, какія состоянія чувствованія должны были соотвѣтствовать у первичныхъ животныхъ различнымъ видамъ общей дѣятельности, сопровождаясь общими движеніями расширенія и сокращенія. Мы получимъ два слѣдующихъ положенія: 1) съ приближеніемъ предмета благопріятнаго повышается общая дѣятельность выше нормальной; отсюда удовольствіе и движеніе общаго расширенія, которое и дѣлается выраженіемъ этого удовольствія; 2) съ приближеніемъ предмета вреднаго дѣятельность понижается ниже нормальной, а отсюда страданіе и общее сократительное движеніе, которое дѣлается выраженіемъ страданія. Слѣдя дальше за развитіемъ организмовъ, мы увидимъ, что внутреннее сократительное движеніе, совершенствуясь естественнымъ подборомъ, приве-

детъ живой организмъ къ передвиженію всей своей массы въ пространствѣ, и это передвиженіе будетъ удалять организмъ отъ предмета; это движеніе и есть движеніе отклоненія, отвращенія, удаленія и бѣгства. Наоборотъ, расширительное движеніе, развиваясь, приведетъ организмъ къ перемѣщенію всѣмъ тѣломъ къ предмету пріятному; это движеніе склонности, стремленія и преслѣдованія. Такимъ образомъ получились два знака въ этомъ естественномъ языкѣ. Прибавьте теперь идею или представленіе о предметѣ, причиняющемъ страданіе или удовольствіе, и вы получите сознательное отвращеніе и сознательное желаніе. Таковы первичныя эмоціи съ ихъ общими тѣлесными движеніями, которыя выражаютъ ихъ въ первый моментъ. Мы можемъ сказать, противно Спенсеру, что если пріятное чувство выражается возбужденностью и повышеніемъ двигательной дѣятельности, то, наоборотъ, усиленность подавляющаго чувствованія тотчасъ выражается сокращеніемъ и пониженіемъ двигательной дѣятельности. Во время радостной эмоціи различные органы, въ сущности, только воспроизводятъ съ своей стороны общія расширительныя движенія и помогаютъ имъ: черты лица расширяются, брови приподнимаются, ротъ раскрывается, вся физіономія дѣлается, что называется, открытой, голосъ дѣлается громче, жесты дѣлаются многочисленнѣе и рѣзче»... [1]).

Опредѣляя эмоціи, какъ поступки, и принимая во вниманіе изложенныя мысли Шнейдера и Фуллье, нельзя не согласиться съ Джемсомъ, что детальное изученіе эмоцій цѣликомъ должно основываться на исторіи развитія психической дѣятельности. Мало того, самый методъ этого изслѣдованія обрисовывается совершенно ясно. Этотъ методъ долженъ быть психо-физіологическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, напр., что намъ предстоитъ изслѣдовать эмоцію страха. Съ точки зрѣнія изложенной гипотезы эта эмоція есть не что иное, какъ сознаніе о цѣломъ рядѣ такихъ поступковъ и рефлексовъ, какъ широкое раскрываніе глазъ и рта, задержка дыханія, съеживаніе всего тѣла и пригибаніе къ землѣ, ускореніе біенія сердца, сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ, отдѣленіе холоднаго пота, дрожаніе мускуловъ, подниманіе волосъ дыбомъ, наконецъ, учащеніе дыханія, прекра-

[1]) Фуллье, О выраженіи душевныхъ волненій, пер. Оболенскаго, стр. 70.

щеніе слюноотдѣленія и т. д. Комплексъ органическихъ ощущеній, порождаемыхъ этими поступками и рефлексами, поддается анализу съ большимъ трудомъ. Поэтому, если мы сосредоточимъ вниманіе исключительно на психическомъ состояніи, мы опредѣлимъ лишь немногіе элементы страха, и вовсе не догадаемся, какъ они возникли. Для успѣшнаго анализа необходимо воспользоваться приборами физіологовъ, вродѣ плетисмографа, сфигмографа и т. д., и отмѣтить всѣ физическія проявленія страха. Далѣе, смотря на каждое изъ этихъ проявленій, какъ на инстинктивный поступокъ, основанный на стремленіи чего-либо достигнуть или избѣжать, поступокъ, приносившій пользу намъ или нашимъ предкамъ въ аналогичныхъ случаяхъ, мы должны будемъ произвести рядъ наблюденій надъ физическими реакціями низшихъ животныхъ на непріятные или вредные объекты, пока каждое изъ проявленій страха у человѣка не объяснится, т.-е. пока мы не найдемъ тѣ случаи, когда реакціи, безполезныя для человѣка, были полезны для другихъ животныхъ и упрочились настолько, что сохранились въ формѣ инстинктивнаго акта у человѣка.

Такое детальное изслѣдованіе каждой тѣлесной реакціи покажетъ зависимость между ними и дастъ, слѣдовательно, матеріалъ для окончательнаго рѣшенія разногласія между Джемсомъ и Ланге, который одновременно съ Джемсомъ построилъ по существу однородную теорію эмоцій. Ланге утверждаетъ, что эмоція есть комплексъ органическихъ ощущеній, происходящихъ отъ сокращеній произвольныхъ мышцъ, непроизвольныхъ мышцъ и вазомоторовъ, но въ отличіе отъ Джемса онъ считаетъ эти три элемента неравноцѣнными, именно думаетъ, что первичною причиною эмоціи служатъ измѣненія въ вазомоторахъ, которыя влекутъ за собою рядъ сокращеній или разслабленій въ остальныхъ гладкихъ и въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ. Очевидно, теорія Ланге болѣе узка, чѣмъ теорія Джемса; она заключаетъ въ себѣ съ трудомъ доказуемое добавочное предположеніе о порядкѣ тѣлесныхъ реакцій, предположеніе сомнительное и въ то же время заставляющее насъ отказаться отъ хорошо обоснованной мысли Дарвина, что множество эмоціональныхъ реакцій объясняются началомъ полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ. Къ тому же самъ Ланге признаетъ необоснованною какъ разъ ту часть своего добавочнаго предположенія, которую всего легче

было бы отстаивать, именно утвержденіе, что измѣненія въ гладкихъ мышцахъ обусловлены измѣненіями въ вазомоторахъ. Въ примѣчаніи 20 къ своему сочиненію «Аффекты» онъ говоритъ: «Мы до сихъ поръ противопоставляли сосудодвигательную функцію остальной нервной дѣятельности, главнымъ образомъ, ради упрощенія дѣла; при этомъ впрочемъ не забывали, что въ вопросѣ о первичныхъ проявленіяхъ аффектовъ, пожалуй, можно бы было допустить и то, что сосудодвигательный аппаратъ оказывается тутъ вообще только частью непроизвольнаго нервномышечнаго аппарата и что этотъ именно послѣдній противопоставляется въ аффектахъ, какъ первичнопораженный, такъ что, напримѣръ, и разстройства въ движеніяхъ пузыря и кишекъ слѣдовало бы считать первичными». Итакъ, теорія Ланге сомнительна именно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она отличается отъ теоріи Джемса, и кромѣ того, конечно, въ тѣхъ, гдѣ сама теорія Джемса оказывается неполною.

2. Опредѣленіе эмоціи.

Теперь мы можемъ заняться окончательнымъ опредѣленіемъ понятія эмоціи, именно опредѣленіемъ отдѣла и класса, къ которому относятся эти поступки.

Поступки бываютъ инстинктивными или предумышленными. Инстинктивный поступокъ складывается изъ реакцій безотчетныхъ (не сопровождающихся представленіемъ о цѣлесообразности ихъ и цѣли), но въ то же время цѣлесообразныхъ и врожденныхъ, т.-е. возникшихъ на почвѣ опыта предковъ. Такъ какъ гнѣвъ, радость, страхъ, отвращеніе складываются изъ актовъ, которые не сопровождаются представленіемъ о достигаемомъ ими результатѣ и врождены (усиленіе или задержка дыханія, перемѣны въ біеніи сердца, широкое раскрываніе глазъ и т. п.), то эти простые волевые поступки можно назвать инстинктивными.

Отъ другихъ инстинктивныхъ поступковъ, напр., осенняго перелета птицъ, постройки гнѣзда и т. п. эмоціи отличаются, во-первыхъ, тѣмъ, что состоятъ главнымъ образомъ изъ самыхъ примитивныхъ актовъ, именно изъ внутренностныхъ реакцій, и въ этомъ состоитъ ихъ главная отличительная особенность. Во-вторыхъ, многіе изъ актовъ, входящихъ въ эмоціи, отличаются

рудиментарнымъ характеромъ. Таковы въ особенности мимическія и пантомимическія проявленія эмоцій, оскаливаніе клыка, топаніе ногой, улыбка и т. п. Это, собственно, не поступки, а недоразвитые зачатки поступковъ. Весьма вѣроятно, что и внутренностныя эмоціональныя реакціи отличаются такимъ же характеромъ, такъ какъ онѣ возникли раньше остальныхъ, и вслѣдствіе измѣнившихся условій однѣ изъ нихъ должны были видоизмѣниться, а другія, сдѣлавшись нецѣлесообразными, должны постепенно вымирать. Однако эту догадку можно будетъ провѣрить лишь тогда, когда внутренностныя эмоціональныя реакціи подвергнутся изслѣдованію съ указанной точки зрѣнія и будутъ сравнены съ соотвѣтствующими реакціями низшихъ животныхъ.

Въ-третьихъ, нѣкоторые элементы эмоціональной реакціи могутъ возникать чисто рефлекторнымъ путемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эмоція вызвана очень простымъ внѣшнимъ раздражителемъ (таковы, наприм., нѣкоторые элементы испуга отъ неожиданнаго шума). Рефлекторныя реакціи могутъ возникнуть также, какъ производное явленіе, вызванное инстинктивными реакціями. Такъ, напрмм., объясняетъ Дарвинъ слезы: онъ полагаетъ, что крики страдающаго человѣка являются причиною переполненія кровью сосудовъ глаза; для защиты тканей глаза отъ возможнаго разрыва сосудовъ является сильное сокращеніе круговой мышцы глаза, а непріятное раздраженіе глаза отъ переполненія его кровью и сильнаго сокращенія мышцы служитъ причиною рефлекторнаго отдѣленія слезъ. Съ этимъ объясненіемъ причины слезъ, повидимому, нельзя согласиться (Вундтъ), но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что нѣкоторые элементы эмоціональной реакціи могутъ возникнуть такимъ путемъ.

Итакъ, *эмоція есть отчасти рудиментарный инстинктивный волевой или психо-рефлекторный поступокъ* (*«мой» или «во мнѣ»*), *заключающій въ себѣ большое количество внутренностныхъ реакцій, въ числѣ которыхъ могутъ быть также реакціи, возникшія чисто рефлекторнымъ путемъ*. Изъ этого опредѣленія видно, что, кромѣ типичныхъ эмоцій, должны существовать еще психическія состоянія, составляющія переходную ступень между эмоціями и сложными рефлексами, а также состоянія противоположныя, заключающія въ себѣ очень мало внутренностныхъ реакцій, складывающіяся главнымъ образомъ изъ инстинктивныхъ

актовъ произвольной мускулатуры и потому приближающіяся по характеру къ другимъ видамъ инстинктивныхъ поступковъ. Переходныя состоянія перваго рода отличаются отъ типичныхъ эмоцій тѣмъ, что имѣютъ слишкомъ пассивный характеръ, сводятся главнымъ образомъ къ воспріятію органическихъ ощущеній, возникшихъ благодаря рефлексамъ. Къ этому разряду относятся простѣйшія формы печали и нѣкоторыя простѣйшія эмоціи, о которыхъ мы поговоримъ ниже, называя ихъ эмоціями недовольства и довольства. Переходныя состоянія второго рода отличаются отъ типичныхъ эмоцій слишкомъ ясно выраженною активностью и опознанностью реакціи.

Надобно замѣтить, что къ каждой эмоціи навѣрное примѣшивается еще одинъ элементъ пассивнаго характера, о которомъ мы до сихъ поръ не упоминали, именно воспоминаніе о прежнихъ эмоціяхъ того же рода. Быть можетъ, присутствіе этихъ воспоминаній, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда они предваряютъ возникновеніе настоящей эмоціи, заставляетъ противниковъ Джемса утверждать, что тѣлесной реакціи предшествуетъ центральное состояніе, уже составляющее эмоцію. Возможны также случаи, когда раздраженіе почему-либо не можетъ вызвать въ насъ настоящей эмоціи, т.-е. тѣлесной реакціи, а порождаетъ лишь воспоминанія объ эмоціяхъ, пережитыхъ нами прежде въ аналогичныхъ случаяхъ. Наблюдая въ себѣ такія состоянія, мы можемъ ошибочно придти къ выводу, что теорія Джемса не заключаетъ въ себѣ ни одного элемента истины, и этотъ выводъ будетъ такъ же ошибоченъ, какъ если бы мы утверждали, что зрительные образы не зависятъ отъ раздраженій на периферіи, такъ какъ мы можемъ, закрывши глаза, представлять себѣ домъ, лошадь и т. п.

Примѣсь воспоминаній и возможная полная замѣна эмоціи воспоминаніями лишаетъ насъ надежды, что споръ о происхожденіи эмоцій можетъ быть рѣшенъ легко экспериментальнымъ методомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы даже и удалось найти много случаевъ, когда испытуемый субъектъ переживаетъ эмоцію, а на периферіи тѣла не происходитъ при этомъ замѣтныхъ измѣненій, защитники теоріи Джемса и гипотезы, изложенной въ этой главѣ, могутъ утверждать, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ эмоціею, а съ воспоминаніемъ объ эмоціи.

Разсматривая опредѣленіе эмоцій, данное въ этой главѣ, мы можемъ кратко выразить отличіе нашей точки зрѣнія отъ теоріи Джемса такимъ образомъ: теорія Джемса имѣетъ *сенсуалистическій* характеръ, а дополненія къ ней, сдѣланныя нами, превращаютъ ее въ *волюнтаристическую*. Благодаря этому превращенію утвержденія Джемса сохраняются, отпадаютъ только его отрицанія.

3. Выводы изъ волюнтаристическаго ученія объ эмоціяхъ.

Перейдемъ теперь къ важнѣйшему выводу, который можно сдѣлать изъ ученія объ эмоціяхъ, какъ инстинктивныхъ поступкахъ,—выводу, подробное изложеніе котораго нужно особенно потому, что онъ устраняетъ нѣкоторыя недоумѣнія, вызываемыя теоріею Джемса.

Съ точки зрѣнія изложенной теоріи мѣсто, занимаемое эмоціями среди психическихъ явленій, мѣняется. Прежде онѣ выдѣлялись въ особый основной отдѣлъ, а теперь должны войти въ отдѣлъ инстинктовъ. Однако не весь прежній отдѣлъ эмоцій войдетъ сюда. Такъ какъ эмоціи относятся къ числу душевныхъ явленій, съ трудомъ поддающихся анализу и легко сливающихся съ другими душевными состояніями, то a priori слѣдуетъ предполагать, что отдѣлъ эмоцій въ психологіи былъ сборный; въ него навѣрное включено много явленій, не подходящихъ подъ построенную Джемсомъ теорію. Намъ предстоитъ исключить такія психическія состоянія изъ отдѣла эмоцій и сохранить это названіе лишь за состояніями, въ родѣ страха, гнѣва, печали и т. д., которыя подходятъ подъ данное опредѣленіе эмоціи. Конечно, можетъ оказаться, что кто-нибудь захотѣлъ бы за исключаемыми состояніями сохранить названіе эмоцій, а разсматриваемыя психическія явленія окрестить другимъ какимъ-либо именемъ. Но это все равно, дѣло не въ названіи, а въ томъ, можно ли признать традиціонный отдѣлъ эмоцій состоящимъ изъ однородныхъ явленій или же его слѣдуетъ разбить на нѣсколько группъ, такъ какъ въ немъ свалены въ кучу разнородныя явленія.

Прежде всего на основаніи опредѣленія эмоціи, какъ инстинктивнаго поступка, изъ этого отдѣла нужно исключить удовольствіе

и страданіе, такъ какъ удовольствіе и страданіе суть вовсе не акты, а элементы всякаго волевого акта. Между тѣмъ, въ психологіи широко распространено мнѣніе, что эмоціи суть модификаціи удовольствія и страданія. Если эмоціи состоятъ главнымъ образомъ изъ органическихъ ощущеній, то не трудно понять, какимъ образомъ возникло это ученіе. Чувственный тонъ ощущеній по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ ощущеній высшихъ чувствъ (зрѣнія, слуха) къ низшимъ (вкусу, обонянію), все возрастаетъ и становится менѣе отдѣлимымъ отъ качества ощущенія, такъ что уже запахи мы склонны дѣлить прежде всего на пріятные и непріятные. Органическія ощущенія голода, жажды, дыханія, изъ которыхъ состоятъ эмоціи, еще менѣе дифференцированы, и въ нихъ еще сильнѣе выступаетъ на первый планъ интенсивный чувственный тонъ. Поэтому мы прежде всего дѣлимъ эмоціи на пріятныя и непріятныя, и даже ничего кромѣ пріятности и непріятности въ нихъ не замѣчаемъ. Согласно этому нужно было бы думать, напр., что страхъ и зависть суть разныя формы непріятности, какъ непріятности. На самомъ же дѣлѣ эти состоянія различаются другъ отъ друга тѣмъ, что складываются изъ разныхъ актовъ и, слѣдовательно, разныхъ органическихъ ощущеній, которыя всѣ въ данномъ случаѣ сходны лишь въ томъ, что непріятны, слѣдовательно, считая ихъ модификаціями страданія, мы пытаемся различать ихъ какъ разъ на основаніи того признака, который въ нихъ одинаковъ. Ошибку эту можно пояснить такою аналогіею: каждое ощущеніе высшихъ чувствъ обладаетъ чувственнымъ тономъ, бываетъ пріятнымъ или непріятнымъ; если считать эмоціи модификаціями удовольствія и страданія, то необходимо и зрительныя и т. п. ощущенія считать модификаціями удовольствія и страданія.

Кромѣ указанной, есть еще одна, пожалуй, болѣе важная причина того, что многіе психологи отожествляютъ удовольствіе и страданіе съ эмоціями. A priori нужно предполагать, что такіе важные для насъ оттѣнки состояній сознанія, какъ удовольствіе или страданіе, влекутъ за собою по привычкѣ, унаслѣдованной отъ самыхъ первоначальныхъ предковъ, рядъ инстинктивныхъ актовъ, имѣвшихъ цѣлью у этихъ предковъ какъ можно лучше воспользоваться пріятнымъ объектомъ или освободиться отъ непріятнаго. Эти инстинктивные акты, вызываемые непосредственно

всякимъ или почти всякимъ удовольствіемъ или неудовольствіемъ, должны быть эмоціями, и притомъ самыми примитивными, онѣ должны главнымъ образомъ сводиться къ сокращенію и расширенію организма. Наконецъ, эти эмоціи должны состоять изъ реакцій примитивныхъ до такой степени, что многія изъ нихъ нужно отнести къ числу рефлексовъ, а не инстинктивныхъ поступковъ. Назовемъ эти a priori допускаемыя нами эмоціи *довольствомъ* и *недовольствомъ* и посмотримъ, каковы онѣ въ дѣйствительности. Если человѣкъ ударится очень болѣзненною мозолью о что-либо твердое, то болѣзненное ощущеніе удара едва успѣетъ дойти до сознанія, какъ уже явится рядъ реакцій во всемъ организмѣ, хорошо изслѣдованныхъ Моссо, Гейденгаймомъ, Леманномъ и др. Дѣятельность сердца замедляется и становится неправильною, ритмъ дыханія дѣлается неправильнымъ, количество выдѣляемой углекислоты уменьшается, слѣдовательно, горѣніе замедляется, температура тѣла понижается. Сначала можетъ явиться нѣсколько энергичныхъ движеній руками и ногами подъ вліяніемъ эмоціи гнѣва, ярости и т. п., но потомъ все время, пока существуютъ болевыя ощущенія въ ногѣ, замѣтна склонность сокращать движенія, сидѣть или даже идти какъ-то съежившись. Реакціи, слѣдующія за первымъ ощущеніемъ боли, вѣроятно, приносятъ пользу низшимъ организмамъ, для которыхъ единственнымъ способомъ спастись отъ непріятнаго объекта было сокращеніе организма и замираніе его дѣятельности на время, но для насъ эти реакціи, навѣрное, во многихъ случаяхъ только вредны: онѣ не избавляютъ насъ отъ причиняющаго страданіе объекта, а только производятъ новое, безполезное страданіе, происходящее отъ разстройства нормальной дѣятельности организма. Осложняясь этими добавочными непріятными ощущеніями, первоначальный непріятный чувственный тонъ ощущенія боли [1]), иногда сравнительно незначительный, можетъ возрасти до крайнихъ предѣловъ. Такъ какъ первоначальное непріятное ощущеніе боли и описанныя реакціи сливаются въ одно цѣлое, съ трудомъ поддающееся анализу, то психологи и физіологи, обыкновенно, не

---

[1]) Если вслѣдъ за Вундтомъ считать боль не чувственнымъ тономъ, а особымъ ощущеніемъ, всегда сопровождающимся непріятнымъ чувственнымъ тономъ.

раздѣляютъ этихъ двухъ моментовъ и считаютъ непріятный чувственный тонъ и эмоцію, слѣдующую за нимъ, лишь различными степенями одного и того же психическаго состоянія, которое можно назвать родовымъ именемъ неудовольствія. На самомъ дѣлѣ изъ предыдущаго видно, что въ описанномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чувствомъ неудовольствія (страданія) и вслѣдъ за тѣмъ съ эмоціею-поступкомъ, которая состоитъ изъ ряда органическихъ ощущеній въ свою очередь опять сопровождающихся чувствомъ страданія, и вмѣсто того, чтобы облегчить наше положеніе, только ухудшаетъ его, подобно эмоціи страха. Это можно подтвердить слѣдующимъ опытомъ. Какъ только явится описанная реакція, можно постараться овладѣть собою, особенно овладѣть дыханіемъ, такимъ образомъ повліять также на сердце и сосуды и расправить свои съеженные члены; при этомъ допускаемая нами примитивная эмоція недовольства начинаетъ слабѣть, остается лишь непріятный чувственный тонъ боли, исходящій лишь отъ дѣйствительно пораженнаго органа, и страданіе оказывается не такимъ значительнымъ, какъ это было тогда, когда оно осложнялось эмоціею недовольства. Быть можетъ, нѣкоторыя хроническія болѣзни оказываются тягостными и разрушительными для организма не столько вслѣдствіе важности пораженія, сколько вслѣдствіе возникновенія описанной примитивнѣйшей изъ эмоцій. Въ такомъ случаѣ важнымъ средствомъ противъ болѣзни была бы психическая дисциплина, стараніе больного овладѣть собою, не обращать вниманія на непріятность боли. Врачи могли бы сдѣлать интересныя наблюденія, подтверждающія или опровергающія предположеніе, что типичная внѣшняя картина страданія есть картина примитивной эмоціи, возникшей по поводу чувства неудовольствія. Если предыдущія разсужденія вѣрны, то эмоціональныя натуры, въ особенности склонныя къ эмоціямъ печали, ненависти, гнѣва, должны при равныхъ условіяхъ испытывать болѣе тяжелыя страданія и хуже переносить болѣзни, чѣмъ люди, владѣющіе собою, не склонные къ инстинктивнымъ реакціямъ. Впрочемъ, производя эти наблюденія, можно легко натолкнуться на кажущіяся противорѣчія, напр., смѣшать самообладаніе съ природной чувствительностью или нечувствительностью, явившеюся вслѣдствіе упадка организма.

Совершенно тѣ же разсужденія можно повторить, анализируя

состоянія удовольствія. Большинство этихъ состояній сложны. Они складываются изъ чувства удовольствія и тотчасъ же слѣдующей за ними чрезвычайно примитивной эмоціи довольства (радости), складывающейся изъ тѣлесныхъ реакцій, для насъ отчасти безполезныхъ, но приносившихъ, вѣроятно, большую пользу нашимъ отдаленнымъ предкамъ. У ребенка, положившаго въ ротъ вкусную конфету, вслѣдъ за пріятнымъ ощущеніемъ сладости является усиленное біеніе сердца, расширеніе сосудовъ, блескъ глазъ, болѣе интенсивное дыханіе, и оживленная мускульная дѣятельность. Всѣ эти реакціи влекутъ за собой рядъ пріятныхъ органическихъ ощущеній, которыя сливаются съ первоначальнымъ удовольствіемъ отъ сладкаго вкуса и значительно повышаютъ это удовольствіе. Само собою разумѣется, эта эмоція довольства полезна и для человѣческаго организма, но не въ томъ смыслѣ, что она упрочиваетъ за нимъ обладаніе пріятнымъ объектомъ, а въ томъ смыслѣ, что она есть повышеніе жизнедѣятельности.

Существованіе этихъ двухъ эмоцій прекрасно подтверждается экспериментальнымъ изслѣдованіемъ Леманна о чувственномъ тонѣ ощущеній. Онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. «Простыя ощущенія, обладающія пріятнымъ чувственнымъ тономъ, сопровождаются расширеніемъ сосудовъ и, можетъ быть, также увеличеніемъ объема сокращеній сердца въ связи съ повышеніемъ иннервації произвольныхъ мускуловъ, въ особенности мускуловъ, дѣйствующихъ при дыханіи» [1]). «Всякое раздраженіе, вызывающее неудовольствіе, производитъ въ первый моментъ сокращеніе сосудовъ на поверхности тѣла, сокращеніе ихъ внутри и уменьшеніе объема сокращеній сердца. Два первыхъ фактора производятъ внезапное и нерѣдко сильное уменьшеніе объема членовъ, а два послѣднихъ фактора производятъ уменьшеніе высоты пульсовой волны, и въ то же время уменьшенный объемъ сердечныхъ сокращеній является причиною застоя венозной крови, который выражается въ наступающемъ вскорѣ увеличеніи объема органовъ. Это увеличеніе объема возрастаетъ далѣе, такъ какъ за сокращеніемъ сосудовъ слѣдуетъ расширеніе ихъ, и сосуды внутри тѣла возвращаются къ прежнему своему тонусу» [2]).

---

[1]) Lehmann. Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens, стр. 81.
[2]) Тамъ же, стр. 91.

Примитивныя эмоціи довольства и недовольства такъ быстро и часто слѣдуютъ за всевозможными состояніми удовольствія и страданія, что психофизіологи или не различаютъ двухъ этихъ моментовъ, или же, что́ еще хуже, отожествляютъ удовольствіе и страданіе съ эмоціями довольства и недовольства, потому что страданіе и удовольствіе сильно повышаются тогда, когда являются эти эмоціи. Такимъ образомъ искажается и ученіе объ удовольствіи и неудовольствіи и ученіе объ эмоціяхъ. Искаженіе это, несмотря на всю его громадность, трудно замѣтить и даже трудно подобрать слова для указанія его, потому что, говоря о пріятности и непріятности, мы тотчасъ же даже и въ томъ случаѣ, когда говоримъ о чувственномъ тонѣ ощущеній, присоединяемъ къ этому простому оттѣнку состояній сознанія цѣлую эмоцію довольства иди недовольства.

Теперь мы можемъ разобрать возраженіе Вундта противъ теоріи Джемса, затрогивающее и развитые въ этой статьѣ взгляды. Вундтъ говоритъ, что эмоція начинается съ простого первоначальнаго чувствованія, имѣющаго субъективный характеръ въ отличіе отъ объективнаго характера ощущеній (поэтому онъ считаетъ чувство реакціею апперцепціи), а вслѣдъ за нимъ уже является тѣлесная реакція, дающая органическія ощущенія, чувственные тона которыхъ присоединяются къ первоначальному чувствованію и вмѣстѣ съ нимъ образуютъ эмоцію. Первоначальное чувствованіе, о которомъ говоритъ Вундтъ, есть непосредственное чувствованіе пріятности или непріятности объекта. Очевидно, что описаніе хода душевныхъ процессовъ, слѣдующихъ за воспріятіемъ, и ихъ состава у Вундта не отличается отъ взглядовъ, развитыхъ въ этой статьѣ. Разница лишь въ словахъ: Вундтъ называетъ словомъ эмоція первоначальное чувствованіе вмѣстѣ съ чувственными тонами органическихъ ощущеній тѣлесной реакціи, мы же называемъ этимъ словомъ все то, что̀ слѣдуетъ за первоначальнымъ чувствованіемъ, т.-е. неясное стремленіе избѣжать непріятнаго или привлечь пріятное (существованіе его Вундтъ отчасти долженъ допускать, такъ какъ часть эмоціональной реакціи онъ относитъ къ числу Triebbewegungen) и *органическія ощущенія* тѣлесной реакціи съ ихъ чувственными тонами. Обычное словоупотребленіе въ этомъ случаѣ скорѣе на нашей сторонѣ, такъ какъ подъ словами гнѣвъ, страхъ разу-

мѣются такія состоянія, въ которыя входятъ и самыя ощущенія отъ поднятія волосъ дыбомъ, отъ усиленной перистальтики, а не только чувственные тона этихъ ощущеній. Наконецъ, слово эмоція происходитъ отъ глагола movere (двигать) и потому также удобнѣе примѣнять его ко всему комплексу состояній, которыя вызываются тѣлесною реакціею, а не къ одному чувственному тону.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Характеры.

I. Существенныя черты характера.

Общая психологія занимается преимущественно изученіемъ общихъ законовъ психической жизни, т.-е. законовъ, которымъ подчиняются психическіе процессы всякой человѣческой индивидуальности. Между тѣмъ намъ уже извѣстно, что всякое психическое состояніе есть *реакція* человѣческой *индивидуальности* и, какъ таковая, носитъ на себѣ отпечатокъ ея особенностей. Слѣдовательно, если мы хотимъ подойти къ самой жизни, намъ необходимо изучить различныя формы индивидуальностей, познакомиться съ характерами человѣческихъ я.

Подъ характеромъ мы будемъ разумѣть *всю совокупность особенностей* данной личности, *отличающую* ее отъ другихъ личностей. Слѣдовательно, въ понятіе характера могутъ входить всѣ свойства, не составляющія содержанія общаго понятія личности, т.-е. и такіе сравнительно важные признаки, какъ противорѣчивость или, наоборотъ, гармоничность стремленій, постоянство и непостоянство ихъ, честолюбивыя стремленія или полное забвеніе себя ради сверхличныхъ интересовъ, и такія мелочи, какъ привычка черезъ каждыя три слова говорить «именно», умѣніе дѣлать пѣтушковъ изъ бумаги и т. п. Само собою разумѣется, изучая характеръ, угнаться за всѣми мелочами нельзя, да это и не требуется: среди свойствъ личности интересны, конечно, прежде всего существенныя свойства, т.-е. тѣ свойства, изъ которыхъ вытекаетъ множество слѣдствій, тѣ, которыми преимущественно

окрашена жизнь личности. Здѣсь поднимается важнѣйшій для всей характерологіи вопросъ: какія свойства личности слѣдуетъ признать существенными? Мы не будемъ тратить много времени на изслѣдованіе этого вопроса, такъ какъ онъ уже почти рѣшенъ раньше. Отвѣтъ на него заключается въ ученіи о я. *Я есть субстанція, непосредственно сознающая всѣ свои состоянія, какъ свои акты.* Субстанціальный характеръ я, именно единство его состояній и активность, обусловливаются стремленіями, которыя образуютъ связную активную систему. Слѣдовательно, стремленія составляютъ самый важный элементъ душевной жизни; перечислять всѣ стремленія, встрѣчающіяся въ данномъ я, это значитъ обрисовать все направленіе душевной жизни этого я. Но, какъ уже извѣстно, стремленія не равноцѣнны: одни изъ нихъ относятся къ другимъ, какъ средство къ цѣли, одни оказываются производными, а другія первоначальными. Чтобы узнать самыя существенныя черты личности, тѣ двигатели, которыми опредѣляется вся ея жизнь, нужно опредѣлить, какія стремленія для нея первоначальны, какія цѣли имѣютъ для нея самодовлѣющее значеніе. Узнать такія самодовлѣющія цѣли данной личности, это значитъ опредѣлить, *чѣмъ живъ человѣкъ.*

Опредѣленіе самодовлѣющихъ цѣлей изучаемой личности, конечно, не можетъ основываться на одномъ самонаблюденіи этой личности, или на показаніяхъ ея. Самонаблюденіе только въ простѣйшихъ случаяхъ безошибочно показываетъ, какіе мотивы руководятъ нашими дѣйствіями. Для того, чтобы съ увѣренностью опредѣлить, что̀ для насъ есть лишь средство, и что̀ составляетъ безусловную цѣль, нужно наблюдать всю совокупность поведенія и всю совокупность чувствованій и настроеній. Если скупой человѣкъ копитъ имущество и увѣряетъ, что деньги для него лишь средство хорошо воспитать дѣтей, то, можетъ быть, онъ искренно вѣритъ въ это, но изслѣдователь не согласится съ нимъ, когда замѣтитъ, что въ случаяхъ столкновенія денежныхъ интересовъ съ интересами дѣтей онъ всегда отдаетъ предпочтеніе первымъ. Если какой-нибудь благотворитель расходуетъ много средствъ на бѣдныхъ, но занимается филантропическою дѣятельностью только въ тѣхъ случаяхъ, когда она можетъ привлечь къ нему вниманіе общества, когда о ней говорятъ въ газетахъ и т. п.,

то, вѣроятно, благотворительность служитъ ему лишь средствомъ тѣшить свое тщеславіе.

Положеніе изслѣдователя особенно затрудняется тѣмъ, что буквально почти всякая дѣятельность можетъ быть самодовлѣющею для однихъ людей, а для другихъ средствомъ, и притомъ средствомъ для разныхъ цѣлей, начиная съ самыхъ возвышенныхъ и кончая самыми ничтожными. Спортъ, катанье на конькахъ, гребля, бѣгъ на лыжахъ, можетъ быть для однихъ людей самодовлѣющею цѣлью; другимъ онъ доставляетъ удовольствіе, поскольку ихъ я выдвигается при этомъ изъ ряда другихъ я; третьимъ эти упражненія служатъ средствомъ поддерживать бодрость тѣла, необходимую для умственной дѣятельности, для занятій искусствомъ и т. п. Въ особенности трудно бываетъ опредѣлить даже и самому дѣйствующему лицу зависимость своихъ поступковъ отъ чисто личныхъ мотивовъ, отъ честолюбія, тщеславія, властолюбія и т. п. И это не удивительно: личность, какъ цѣлое, съ трудомъ доступна опознанію, а потому и стремленія, исходящія изъ я, какъ самостоятельнаго цѣлаго, противостоящаго другимъ я, должны опознаваться съ трудомъ [1]).

Анализъ еще болѣе затрудняется тѣмъ, что въ очень многихъ случаяхъ средство для достиженія какой-нибудь самодовлѣющей цѣли въ свою очередь само бываетъ самодовлѣющею цѣлью. Сальери, какъ его рисуетъ Пушкинъ въ пьесѣ «Моцартъ и Сальери», страстно любитъ искусство. Онъ говоритъ:

Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей
Я слушалъ и заслушивался—слезы
Невольныя и сладкія текли.

Онъ разсказываетъ объ упорномъ трудѣ и лишеніяхъ, перенесенныхъ имъ для искусства:

Нерѣдко просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два-три дня, позабывъ и сонъ, и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!..

[1]) См. гл. IV. Личность. Самосознаніе и самопознаніе.

Несомнѣнно онъ любитъ искусство, оно для него самодовлѣющая цѣль. Однако онъ еще сильнѣе любитъ себя, онъ страстно ищетъ славы и пользуется музыкою, какъ средствомъ для достиженія славы, для удовлетворенія честолюбія. Это видно изъ того, что онъ завидуетъ Моцарту и убиваетъ его. Если бы онъ дорожилъ интересами самого искусства болѣе, чѣмъ собою, онъ въ такой же мѣрѣ цѣнилъ бы и великаго творца любимыхъ имъ художественныхъ произведеній.

II. Основы классификаціи характеровъ.

Всякая классификація должна устанавливать такія группы, чтобы объекты, отнесенные въ одинъ и тотъ же классъ, отличались свойствами, влекущими за собою множество слѣдствій; только такіе классы могутъ быть полезными въ наукѣ; наблюденія надъ такими *естественными* группами оказываются не безплодными и какъ бы сами собою наталкиваютъ на множество индуктивныхъ обобщеній. Что касается человѣческихъ личностей, такими существенными свойствами оказываются первоначальныя самодовлѣющія стремленія. Слѣдовательно, основное подраздѣленіе характеровъ должно опираться на различія между первоначальными самодовлѣющими цѣлями, присущими различнымъ я. Чтобы построить такую классификацію, нужно сопоставить всевозможныя первоначальныя стремленія и найти существенныя различія между ними. Конечно, и эта задача можетъ быть рѣшена не иначе, какъ на основаніи изложенной выше теоріи личности и ученія о структурѣ индивидуальнаго сознанія, къ которымъ мы и обратимся теперь.

Всякое индивидуальное сознаніе есть результатъ *кооперації множества существъ*: въ душевной жизни человѣка нельзя найти ни одного состоянія, которое не заключало бы въ себѣ «данныхъ» элементовъ, а вѣдь всѣ «данные» элементы суть состоянія какихъ-то другихъ существъ. Такимъ образомъ душевная жизнь каждаго человѣка образуетъ сплошную связную систему «моихъ» состояній, въ которую *вкраплены* отрывки состояній другихъ существъ. Къ числу этихъ «данныхъ» состояній относятся всѣ *простѣйшіе* элементы душевной жизни: ощущенія, все сознаваніе физической жизни организма, простѣйшія эмоціи, всевозможныя физическія стремленія во мнѣ съ соотвѣтствующими имъ поступ-

ками и т. п.; къ числу «данныхъ» состояній относятся также и всѣ *сложнѣйшія*, высочайшія проявленія душевной жизни, интуитивныя творческія концепціи въ моментъ вдохновенія, въ моментъ какъ бы наитія свыше, прослѣживаніе *объективныхъ связей* между явленіями при научномъ изслѣдованіи ихъ или вообще всякомъ объективномъ познаніи ихъ, эстетическое созерцаніе *внутренней* гармоніи объективнаго міра, религіозное созерцаніе Бога и полная преданность волѣ его и т. п.; «мои» дѣятельности оказываются такимъ образомъ средними по достоинству и сложности. Низшія «данныя» состоянія объясняются дѣятельностью тѣла, а высшія, напр., сознаваніе объективныхъ связей между явленіями, чувствованіе объективности, сознаваніе внутренней гармоніи или дисгармоніи объективнаго міра и т. п. суть интуиціи, выходящія за предѣлы человѣческаго тѣла, за предѣлы какъ духовнаго, такъ и физическаго индивидуума; въ этомъ смыслѣ ихъ можно назвать сверхличными состояніями. Среди «данныхъ» высшихъ и низшихъ состояній чрезвычайно часто встрѣчаются также и «стремленія во мнѣ», физическія, напр., во время жажды, голода, усталости и т. п., и сверхличныя, напр., въ чувствѣ состраданія, когда чужое страданіе и желаніе избавиться отъ него переживается съ большою живостью, въ чувствѣ долга или религіозномъ чувствѣ, когда человѣку кажется, что стремленія, которымъ онъ слѣдуетъ, принадлежатъ не ему, а какой-то высшей волѣ. Въ этомъ отношеніи всѣ «мои» поступки могутъ быть подраздѣлены на три категоріи: во-первыхъ, поступки, обусловленные «моими» стремленіями, во-вторыхъ, поступки, обусловленные физическими стремленіями и присоединившимися къ нимъ «моими» стремленіями, и, въ третьихъ, поступки, обусловленные сверхличными стремленіями и присоединившимися къ нимъ «моими» стремленіями. Этими категоріями поступковъ обусловливаются характерныя различія между людьми: въ душевной жизни однихъ преобладаютъ «физическіе» данные элементы и поступки, обусловленные прямо или косвенно физическими «данными» стремленіями, въ жизни другихъ преобладаютъ «мои» элементы и поступки, обусловленные исключительно «моими» стремленіями, у третьихъ преобладаютъ сверхличные «данные» элементы и поступки, прямо или косвенно обусловленные сверхличными «данными» стремленіями.

Преобладаніе однихъ элементовъ надъ другими обнаруживается въ преобладаніи соотвѣтствующихъ стремленій. Такія преобладающія стремленія относятся къ числу первоначальныхъ стремленій, и притомъ въ этой группѣ они бываютъ наиболѣе интенсивными. Характерный признакъ большей интенсивности стремленія заключается въ томъ, что въ случаѣ столкновенія его съ другими стремленіями они отступаютъ на задній планъ или вовсе отмѣняются. Сильное развитіе стремленія и степени этого развитія обнаруживаются еще и въ томъ, что самые ничтожные отдаленные поводы содѣйствуютъ возникновенію преобладающаго стремленія; еще большее развитіе стремленія слѣдуетъ предполагать въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ не удовлетворяется одними встрѣчающимися безъ его содѣйствія поводами для осуществленія стремленія, но и самъ создаетъ эти поводы; напр., среди любителей музыки есть люди, съ удовольствіемъ слушающіе музыку, когда самъ собою представится случай къ этому, и есть другіе люди, у которыхъ потребность наслаждаться музыкою такъ сильна, что они не удовлетворяются случайностями, а затрачиваютъ много труда, чтобы достать билетъ въ какой-нибудь концертъ, убѣдить кого-либо изъ знакомыхъ сыграть пьесу и т. п. Еще болѣе высокая степень интенсивности стремленія обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ затрачиваетъ много труда на создаваніе обстановки, необходимой для осуществленія стремленія, даже и въ томъ случаѣ, если при этомъ ему приходится сталкиваться со многими другими своими стремленіями и жертвовать ими. Подобное изслѣдованіе свойствъ стремленій и ихъ зависимости другъ отъ друга дастъ со временемъ много средствъ для опредѣленія относительной интенсивности ихъ [1]). Указанные выше пріемы вовсе не исчерпываютъ всѣхъ методовъ опредѣленія интенсивности стремленій, и приведены здѣсь лишь съ цѣлью показать, что у психологовъ есть средства для рѣшенія этой задачи.

Если какая-нибудь группа первоначальныхъ стремленій изучаемаго лица настолько развита, что большая часть его дѣятельностей направлена на осуществленіе этихъ стремленій, что ма-

[1]) См. по вопросу объ опредѣленіи интенсивности душевныхъ качествъ соображенія, высказанныя А. Лазурскимъ въ книгѣ «Очеркъ науки о характерахъ», 1906.

лѣйшій поводъ пробуждаетъ ихъ, и всѣ остальныя стремленія отступаютъ передъ ними, то можно сказать, что такая группа стремленій опредѣляетъ собою *весь тонъ* душевной жизни личности. Даже и не вдаваясь въ спеціальныя изслѣдованія, опираясь на повседневныя наблюденія, нельзя не признать, что у однихъ людей даютъ тонъ всей душевной жизни физическія стремленія, у другихъ—личныя стремленія, а у третьихъ—сверхличныя. Характеры перваго типа можно назвать *чувственными*, характеры второго типа—*эгоцентрическими,* а характеры третьяго типа—*сверхличными.* Эти три группы образуютъ первое основное подраздѣленіе въ классификаціи характеровъ, такъ какъ онѣ объединяютъ характеры, наиболѣе сходные другъ съ другомъ и глубоко отличающіеся отъ характеровъ другихъ группъ. Къ первой группѣ относятся тѣ люди, интересы которыхъ преимущественно сосредоточены на своемъ тѣлѣ; у людей второй группы почти всѣ интересы сосредоточены на своемъ я, а у людей третьей группы почти всѣ интересы сосредоточены на внѣшнемъ мірѣ, выходящемъ за предѣлы ихъ *физической и духовной* индивидуальности. Можно сказать, что первые еще не возвысились до интереса къ своему я, какъ личности, какъ субстанціальному единству, противостоящему другимъ единствамъ и занимающему опредѣленное мѣсто въ міровомъ цѣломъ. Эти люди, ведущіе какъ бы *доличное* существованіе. Люди второй группы, наоборотъ, интересуются прежде всего своимъ я, его мѣстомъ въ міровомъ цѣломъ, его совершенствованіемъ, слѣдовательно, развитіемъ и усложненіемъ всевозможныхъ «моихъ» дѣятельностей. Они ведутъ *личное* существованіе. Наконецъ, третьи выходятъ за предѣлы своего тѣла и своего я, съ большою живостью схватываютъ интуитивно стремленія внѣшняго міра, страданія и радости другихъ людей, соціальныя теченія, гармонію или дисгармонію внѣшняго міра, объективныя связи между вещами и слѣдуютъ этимъ «даннымъ» стремленіямъ, иногда даже во вредъ своему тѣлу и своему я. Эти люди ведутъ *сверхличное* существованіе. Намѣченныя группы соотвѣтствуютъ также и порядку усложненія духовной жизни, во-первыхъ, потому, что каждая слѣдующая группа заключаетъ въ себѣ душевныя проявленія низшихъ группъ, а, во-вторыхъ, потому, что специфическія дѣятельности каждой группы болѣе сложны, чѣмъ дѣятельности предыдущихъ группъ. Наконецъ, намѣченныя группы, какъ

это и должно быть во всякой естественно-научной классификаціи, повидимому, соотвѣтствуютъ ходу эволюціи. Если человѣческая жизнь есть лишь одна изъ ступеней развитія духа, то несомнѣнно, что чувственные характеры составляютъ первый фазисъ развитія человѣческой личности, образуютъ переходную ступень отъ животнаго міра къ чисто человѣческому, эгоцентрическіе характеры образуютъ специфически человѣческій міръ, а сверхличные характеры стоятъ уже на границѣ между людьми и міромъ болѣе высокихъ духовъ.

Къ первому классу относится самый низшій слой сѣрой массы человѣчества, тѣ существа, для которыхъ всѣ интересы въ жизни сводятся къ тому, чтобы плотно или вкусно поѣсть, попить, поспать, пріятно отдохнуть послѣ подневольнаго труда, попариться въ банѣ и т. п. Они встрѣчаются среди всѣхъ классовъ общества съ тою лишь разницею, что физическія удовольствія низшихъ класовъ отличаются грубымъ характеромъ, а въ высшихъ принимаютъ самыя утонченныя и нерѣдко извращенныя формы, напр., чревоугодіе у первыхъ проявляется, обыкновенно, въ видѣ обжорства, а у вторыхъ въ видѣ лакомства. Въ среднихъ и высшихъ слояхъ общества можно найти не мало людей не самолюбивыхъ, не честолюбивыхъ, не властолюбивыхъ, а затрачивающихъ свои силы преимущественно на выдумываніе новыхъ соусовъ, суповъ, комбинацій изъ ликеровъ и наливокъ и т. п. «Когда мужчины говорятъ между собою не о женщинахъ,—замѣчаетъ Поланъ въ своей Психологіи характера [1]), — они охотно посвящаютъ бесѣду воспоминаніямъ о хорошемъ обѣдѣ и выгружаютъ свои гастрономическія впечатлѣнія или теоріи съ оживленіемъ, свидѣтельствующимъ объ интересѣ, который вызывается этимъ предметомъ».

Привести общеизвѣстные примѣры такихъ натуръ довольно трудно: въ литературѣ онѣ рѣдко встрѣчаются или если и встрѣчаются, то недостаточно обрисованы, потому что мало интересны и всегда играютъ второстепенную роль. Среди біографій выдающихся людей также нельзя найти подходящихъ примѣровъ, потому что люди этого типа передъ судомъ исторіи никогда не могутъ оказаться выдающимися и не могутъ заслужить себѣ біографіи.

---

[1]) Перев. подъ ред. Сементковскаго, стр. 108.

Зато хорошіе примѣры этого рода сохранились въ лѣтописяхъ медицины и физіологіи. Это тѣ случаи, когда какая-либо физическая страсть принимаетъ патологическіе размѣры, подчиняя себѣ все сознаніе человѣка. Мы приведемъ лишь одинъ примѣръ этого рода. Поланъ разсказываетъ со словъ Декюре исторію какой-то Діонисіи Лермина, «которая въ дѣтствѣ съѣдала больше, чѣмъ другія дѣти ея возраста. Впослѣдствіи случалось, что она въ день съѣдала отъ тридцати до тридцати двухъ фунтовъ хлѣба. Діонисія только и думала, что объ ѣдѣ, не говорила ни о чемъ другомъ, не гнушалась никакихъ средствъ, чтобы добыть себѣ пищу. Когда кто-нибудь предлагалъ ей отдать другому кусокъ хлѣба, она приходила въ ярость». Правда, она любила дѣлать добро и охотно раздавала деньги, но все же на первомъ мѣстѣ у нея стояла ѣда. «Въ предсмертной агоніи она заставляла свою сестру ѣсть въ своемъ присутствіи и послѣднія слова ея были: «Богу не угодно уже, чтобы я сама ѣла, дайте же мнѣ посмотрѣть, какъ другіе ѣдятъ» [1]).

Ко второму классу, къ числу эгоцентрическихъ натуръ относятся всѣ тѣ люди, интересы которыхъ сосредоточены преимущественно на «моихъ» дѣятельностяхъ, на тѣхъ дѣятельностяхъ, исходнымъ пунктомъ которыхъ служатъ не физическія «стремленія во мнѣ», а типичныя «мои» стремленія, «мои» наклонности, «мои» планы. Такія натуры часто встрѣчаются среди тѣхъ людей, которые съ увлеченіемъ занимаются ремеслами, съ любовью ведутъ торговыя предпріятія, устраиваютъ заводы, фабрики, любятъ бороться съ препятствіями и опасностями; такіе люди любятъ повелѣвать своимъ тѣломъ; справляться съ препятствіями, воздвигаемыми противъ дѣятельности человѣка матеріальнымъ міромъ, стремятся подчинять себѣ другихъ людей и управлять ими. Натура такихъ людей между прочимъ хорошо обнаруживается въ отличіе отъ чувственныхъ людей въ играхъ и удовольствіяхъ, которымъ они предаются, когда вполнѣ свободны отъ подневольнаго труда и хотятъ отдохнуть. Чувственныя натуры вознаграждаютъ себя послѣ труда физическими удовольствіями, пищею, питьемъ, лѣнивымъ покоемъ и т. п.; эгоцентрическія натуры съ увлеченіемъ предаются разнымъ видамъ спорта,

[1]) Поланъ «Психологія характера», стр. 99.

занимаются охотой, азартными играми, игрою въ карты, шашки, въ шахматы, т.-е. такими забавами, которыя требуютъ «моей» дѣятельности.

Къ категоріи эгоцентрическихъ натуръ могутъ относиться даже и тѣ люди, которые увлекаются самыми сложными и высокими, казалось бы, по преимуществу сверхличными дѣятельностями. Сюда относятся, напр., тѣ ученые экспериментаторы, интересы которыхъ сосредоточены не столько на прослѣживаніи объективныхъ связей между явленіями, сколько на самомъ процессѣ «моей» дѣятельности, необходимой для того, чтобы вынудить природу раскрыть свои тайны; такой ученый интересуется не столько самою истиною, сколько своимъ планомъ эксперимента, осуществленіемъ его и своею побѣдою надъ природою.

Такіе люди нерѣдко обладаютъ огромнымъ интеллектомъ, схватывающимъ чрезвычайно мѣтко объективныя связи между вещами, но чаще всего умъ ихъ сосредоточивается на сравнительно внѣшней матеріальной оболочкѣ вещей и дѣйствуетъ отрывочно, познавая объективныя связи лишь настолько, насколько это необходимо для ихъ дѣятельностей. Еще чаще они не столько сами изслѣдуютъ, сколько пользуются плодами чужихъ изслѣдованій, усваивая ихъ съ помощью памяти, которая у людей этого типа нерѣдко бываетъ феноменально развита. Среди людей, посвятившихъ себя преимущественно интеллектуальной дѣятельности, къ этому классу могутъ относиться въ особенности собиратели коллекцій, компиляторы, неутомимые собиратели историческихъ и т. п. фактовъ, библіографы, путешественники и т. п. Къ этому классу могутъ относиться также поэты, художники и другіе представители искусства, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые создаютъ художественныя произведенія, почти никогда не чувствуя порывовъ вдохновенія, какъ бы наитій свыше, художники разсудочнаго типа, работающіе по опредѣленному плану, руководясь постепенно выработанными техническими пріемами. Таковъ, напр., беллетристъ Тригоринъ въ «Чайкѣ» Чехова, который постоянно ходитъ съ записною книжкою и отмѣчаетъ въ ней все интересное, что̀ находитъ въ новыхъ лицахъ, напр., пишетъ о старой дѣвѣ: «пьетъ водку, нюхаетъ табакъ», записываетъ «на всякій случай» хорошія выраженія, нечаянно пришедшія въ голову, а потомъ склеиваетъ изъ этихъ матеріаловъ свои произ-

веденія. Правда, Тригоринъ говоритъ, что его ремесло утомляетъ его, что онъ не любитъ его, и, вѣроятно, онъ занимается имъ ради хлѣба или изъ честолюбія. Однако можно себѣ представить и такого беллетриста, который создаетъ художественное произведеніе тѣмъ же путемъ, какъ Тригоринъ, но съ большею любовью, съ бо̀льшимъ оживленіемъ, съ бо́льшею легкостью, съ болѣе живымъ чувствомъ успѣха и побѣдимости всякаго препятствія; такой беллетристъ несомнѣнно принадлежалъ бы къ числу эгоцентрическахъ натуръ, къ числу людей, интересы которыхъ сосредоточены на «моей» дѣятельности, именно на «моихъ» синтезахъ, анализахъ и т. п.

Скала «моихъ» дѣятельностей безконечно широка въ смыслѣ ихъ сложности и значительности: она начинается такими простыми актами, какъ поднятіе руки, и кончается такими сложными проявленіями человѣка, какъ построеніе плана битвы, синтезы и анализы ученаго или изобрѣтателя, построенія художника. Отсюда ясно, что къ классу эгоцентрическихъ натуръ могутъ принадлежать люди разныхъ величинъ. Мы можемъ даже надѣяться, разсматривая жизнь великихъ людей, найти среди нихъ несомнѣнно образцы этого типа. Примѣромъ такой высокой, хотя и эгоцентрической, натуры можетъ служить извѣстный путешественникъ Пржевальскій, у котораго страсть къ путешествіямъ развилась изъ страсти къ охотѣ, преодолѣнію опасностей и изъ любви къ свободѣ, къ жизни, въ которой ничего не дѣлается «по формѣ, по мѣркѣ», даннымъ извнѣ. Никакихъ наклонностей къ искусству у него нѣтъ; любовь къ женщинѣ, одинъ изъ мотивовъ, особенно склоняющихъ человѣка выходить за предѣлы своего я, у него совершенно отсутствуетъ; онъ ненавидитъ женщинъ; общество людей онъ любитъ, но только въ томъ случаѣ, когда они вполнѣ подчинены ему; онъ держитъ себя всегда самоувѣренно и повелительно. Его интеллектуальная дѣятельность выдается изъ ряда вонъ, но онъ не мастеръ обрабатывать абстрактныя идеи, онъ не идетъ дальше изслѣдованія конкретной дѣйствительности и собиранія коллекцій; будучи учителемъ въ юнкерскомъ училищѣ, онъ преподаетъ географію и исторію, причемъ поражаетъ своихъ слушателей необыкновенною памятью, которая даетъ ему возможность цитировать наизусть цѣлыя страницы изъ лучшихъ авторовъ. Вся его жизнь сводится къ тому, что онъ ставитъ

себѣ сложныя цѣли, требующія типичныхъ «моихъ» дѣятельностей, и съ любовью энергично осуществляетъ ихъ, а не отдается во власть «данныхъ», хотя бы и сверхличныхъ стремленій, отказываясь отъ своей личности. Въ этомъ смыслѣ онъ принадлежитъ къ числу эгоцентрическихъ натуръ.

Хорошимъ примѣромъ широкой, но уже вовсе не симпатичной эгоцентрической дѣятельности можетъ служить также жизнь Натана Ротшильда, одного изъ крупнѣйшихъ представителей фирмы Ротшильдовъ, жившаго въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Натанъ Ротшильдъ не получилъ почти никакого образованія, никто не видѣлъ его читающимъ ни одной книги, онъ вовсе не интересовался поэзіей, музыкой, философіею, всю жизнь онъ посвятилъ исключительно торговлѣ, биржевымъ спекуляціямъ и постояннымъ разъѣздамъ по дѣламъ; онъ не терпѣлъ бездѣйствія и наполнялъ весь свой день трудомъ. Въ своихъ спекуляціяхъ онъ руководился смѣлымъ расчетомъ; гонясь за наживою, онъ строилъ остроумные планы, рискуя нерѣдко значительными суммами. «Борьба—моя сфера», говорилъ онъ. Онъ проявлялъ огромную интеллектуальную дѣятельность, но вся она была направлена лишь на то, чтобы уловить благопріятную для себя комбинацію обстоятельствъ, построить на ней остроумный планъ и осуществить его. Онъ разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ плановъ: «я узналъ, что Остъ-индская компанія имѣетъ въ продажѣ золота на восемьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Я пошелъ и купилъ его. Мнѣ было извѣстно, что Веллингтонъ, командовавшій въ то время войсками въ Португаліи и не получившій своевременно денегъ, нуждался въ звонкой монетѣ. Я не ошибся. Правительство, узнавъ о моей операціи, прислало за мной и объявило, что ему нужно мое золото». Онъ продалъ свое золото правительству, но оно затруднялось, какъ доставить его въ Португалію. Ротшильдъ взялъ и это дѣло на себя и переправилъ деньги *черезъ враждебную англичанамъ Францію.* На этой рискованной операціи онъ нажилъ около полутора милліона рублей» [1]). Для успѣха своихъ биржевыхъ спекуляцій онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ самымъ оригинальнымъ, смѣло и всесторонне обдуманнымъ средствамъ. Чтобы получать политическія свѣдѣнія

[1]) Е. Соловьевъ, Ротшильды, стр. 34.

раньше самихъ министровъ и такимъ образомъ навѣрняка распоряжаться биржею, онъ заводитъ почтовыхъ голубей и очень внимательно относится къ вопросу о достоинствахъ голубей, не щадитъ никакихъ средствъ на нихъ. Онъ не задумывается рисковать жизнью, если это необходимо для его плановъ. Въ началѣ девятнадцатаго вѣка всѣ его биржевые расчеты основывались на предположеніи, что рано или поздно Англія останется побѣдительницею въ своей борьбѣ съ Наполеономъ. Когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и готовился вступить въ битву съ Велингтономъ, Ротшильдъ самъ поѣхалъ на материкъ; во время битвы онъ выѣхалъ на поле сраженія такъ, чтобы видѣть объ арміи и, несмотря на опасность, слѣдилъ за битвою до тѣхъ поръ, пока старая гвардія Наполеона не была отброшена англичанами. Убѣдившись послѣ этого, что Наполеонъ будетъ побѣжденъ, онъ тотчасъ же безъ отдыха помчался въ Англію. Въ Остенде рыбаки не хотѣли перевезти его черезъ Ламаншъ, потому что погода была бурная, и никто не рѣшался пуститься въ море. Лишь за двѣ тысячи франковъ одинъ изъ рыбаковъ согласился поѣхать съ нимъ, но и то съ тѣмъ, чтобы плата была выдана его женѣ ранѣе, чѣмъ онъ выѣдетъ въ море. Благополучно пріѣхавъ въ Дувръ, Ротшильдъ тотчасъ же взялъ лучшихъ лошадей и на слѣдующій день утромъ стоялъ уже на биржѣ, сдѣлавъ видъ, будто совершенно подавленъ какимъ-то ужаснымъ несчастіемъ. «На биржѣ стало извѣстно, что Ротшильдъ необыкновенно поспѣшно возвратился съ континента, и что его агенты усиленно сбываютъ съ рукъ всѣ бумаги. Посѣтители, видя сумрачное лицо Ротшильда, обмѣнивались между собою многозначительными взглядами и единодушно пришли къ заключенію, что всѣ ихъ надежды рушились окончательно, и что какая-то страшная катастрофа произошла по ту сторону Ламанша. Спекуляторы тихо переходили одинъ отъ другого, шопотомъ объясняя другъ другу причины, почему главный воротила биржи такъ усиленно продаетъ бумаги. Общій страхъ увеличился, когда стало извѣстнымъ, что Ротшильдъ по секрету сообщилъ одному своему пріятелю, будто Блюхеръ со всею стосемнадцатитысячною арміей былъ разбитъ подъ Линьи, а Веллингтонъ со своимъ незначительнымъ отрядомъ не надѣется остановить побѣдоноснаго Наполеона, располагающаго гораздо бо̀льшими боевыми силами.

Началась общая паника. Фонды вдругъ сильно понизились, такъ какъ всѣ были убѣждены, что только-что водворенный въ Европѣ миръ опять смѣнится новою продолжительною войной. На слѣдующій день однако произошла полная и неожиданная перемѣна декорацій. Повсюду разнеслась вѣсть, что Веллингтонъ одержалъ надъ Наполеономъ блистательную побѣду. Натанъ Ротшильдъ первый сообщилъ эту вѣсть пріятелямъ; лицо его сіяло восторгомъ. Фонды, разумѣется, поднялись сразу до небывалой высоты. Многіе сожалѣли о громадныхъ потеряхъ Ротшильда, продававшаго вчера бумаги по низкой цѣнѣ. Никто и не подозрѣвалъ, что въ то время, какъ его оффиціальные агенты продавали бумаги, неоффиціальные скупали, гдѣ и сколько возможно. Въ результатѣ Ротшильдъ нажилъ болѣе одного милліона фунтовъ стерлинговъ въ одинъ только день» [1]). Отношеніе его къ людямъ также указываетъ на преобладаніе эгоцентрическихъ стремленій. Онъ говоритъ: «Я никогда не имѣлъ и не буду имѣть дѣла съ людьми, которымъ не везетъ. Если они не умѣютъ устроить своихъ собственныхъ дѣлъ, то чѣмъ они могутъ пригодиться мнѣ». Онъ держитъ себя съ людьми властно, надменно и презрительно, съ подчиненными онъ повелителенъ и жестокъ. Всѣхъ людей онъ дѣлитъ на два разряда, на должниковъ и не-должниковъ, и къ обоимъ разрядамъ относится съ недовѣріемъ, говоря: «Нельзя вѣрить тому, кто вамъ долженъ, такъ какъ онъ очевидно хочетъ увильнуть отъ уплаты; нельзя вѣрить и тому, кто вамъ не долженъ, такъ какъ онъ хочетъ занять у васъ». Своими богатствами онъ вовсе не пользовался для удовлетворенія не только эстетическихъ, но даже и физическихъ потребностей; онъ одѣвался плохо, обѣдалъ наскоро между дѣломъ, роскошью своей обстановки вовсе не пользовался для себя.

Высшее и полнѣйшее развитіе эгоцентрическаго характера является тогда, когда предметомъ интереса служитъ не та или другая изъ «моихъ» дѣятельностей, а я, *какъ цѣлое,* со всѣми «моими» дѣятельностями; такая натура стремится ко всестороннему развитію своего я, къ самоусовершенствованію, къ поднятію я на все высшія и высшія ступени. При этомъ вовсе не необходимо быть честолюбивымъ, т.-е. стремиться обогнать другихъ:

[1]) Е. Соловьевъ, Ротшильды, со словъ Рива (John Reeves, the Rothschilds) стр. 37 с.

сосредоточивая всѣ свои интересы на томъ, чтобы поднимать свое я на все болѣе и болѣе высокую ступень, можно вовсе не интересоваться своимъ положеніемъ *въ ряду другихъ я*, а измѣрять свои успѣхи по сравненію съ прежнимъ состояніемъ *своего же я*. Впрочемъ, найти въ жизни и литературѣ чистые несомнѣнные образцы такихъ эгоцентрическихъ натуръ довольно трудно; чаще всего стремленіе къ совершенствованію я опирается на сравненіе съ другими я и принимаетъ характеръ честолюбія, самолюбія, завистливости и т. п. При этомъ нерѣдко стремленіе обогнать другихъ до такой степени преобладаетъ передъ стремленіемъ обогнать самого себя, т.-е дѣйствительно подвинуться впередъ, что люди начинаютъ довольствоваться мнимымъ, кажущимся первенствомъ, честолюбіе превращается въ тщеславіе. Такъ какъ «мои» дѣятельности невозможны безъ кооперації съ моимъ тѣломъ или же съ внѣшнимъ міромъ, съ такъ называемыми матеріальными вещами и другими людьми, то эгоцентрическія натуры вообще, и въ особенности эгоцентрическія натуры, заинтересованныя своимъ я, какъ цѣлымъ, въ его отношеніи къ другимъ я, очень часто развиваютъ въ себѣ въ высшей степени умѣніе *внушать*, повелѣвать, подчинять себѣ. Любовь къ власти нерѣдко изъ средства превращается у нихъ въ цѣль. Литература и исторія изобилуютъ отрицательными типами этого рода. Таковъ, напр., «баловень судьбы» Меншиковъ, высокомѣрный, завистливый, надменный властелинъ, гоняющійся за всевозможными почестями. Петръ Великій говоритъ, что онъ «присваиваетъ себѣ почести, на которыя не имѣетъ права, и что надобно уменьшать въ немъ честолюбіе». Однако этотъ ловкій, способный человѣкъ умѣетъ добиться всего, чего хочетъ; несмотря на свое низкое происхожденіе, онъ становится фельдмаршаломъ и княземъ, а по смерти Петра Великаго даже претендентомъ на курляндскій престолъ, генералиссимусомъ и нареченнымъ тестемъ императора. Проявляя кипучую дѣятельность, не менѣе разностороннюю, чѣмъ дѣятельность Петра, хотя и идущую лишь по слѣдамъ его, онъ вовсе не любитъ отечества такъ, какъ Петръ Великій: онъ взяточникъ, грабитель и казнокрадъ, но этого мало, онъ вступаетъ въ соглашенія съ иностранными полководцами и дипломатами, близкія къ государственной измѣнѣ, и все это изъ-за денегъ, и притомъ несмотря на несмѣтныя богатства, награбленныя имъ.

Люди, ревниво оберегающіе свою власть, достоинство и репутацію, постоянно сосредоточенные на своемъ я, часто привлекаютъ къ себѣ вниманіе художниковъ и бываютъ героями ихъ произведеній. Таковъ, напр., Домби въ романѣ Диккенса «Домби и Сынъ». Однако мы не будемъ приводить примѣровъ потрясающихъ, трагическихъ столкновеній, вытекающихъ нерѣдко изъ характера такихъ натуръ. Для цѣлей повседневнаго наблюденія, пожалуй, интереснѣе мелочныя, можно сказать, ежеминутныя проявленія ихъ. Типичный честолюбецъ каждымъ своимъ словомъ, каждымъ жестомъ преслѣдуетъ все одну и ту же цѣль — показать себя, выдвинуться, обратить на себя вниманіе. Характерны въ этомъ отношеніи разговоры Иртеньева въ семьѣ Нехлюдовыхъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» Толстого. «Вы уже читали Роброя?» спросила у него Софія Ивановна Нехлюдова. Считая своею обязанностью «на каждый самый простой вопросъ отвѣчать очень умно и оригинально» и стыдясь короткихъ и ясныхъ отвѣтовъ, Иртеньевъ говоритъ, «что онъ не читалъ Роброя, но что ему очень интересно слушать, потому что онъ больше любитъ читать книги съ средины, чѣмъ съ начала. Вдвое интереснѣе, догадываешься о томъ, что̀ было и что̀ будетъ»,—говоритъ онъ съ самодовольною улыбкой. Все, что ни происходитъ вокругъ него, онъ ставитъ въ связь со своимъ я. Въ этомъ отношеніи очень интересна слѣдующая сцена во время чая у Нехлюдовыхъ. «Во время чая чтеніе прекратилось, и дамы занялись разговоромъ между собою о лицахъ и обстоятельствахъ, мнѣ незнакомыхъ, какъ мнѣ казалось, только для того, чтобы, несмотря на ласковый пріемъ, все-таки дать мнѣ почувствовать ту разницу, которая по годамъ и по положенію въ свѣтѣ была между мною и ими. Въ разговорахъ же общихъ, въ которыхъ я могъ принимать участіе, искупая свое предшествовавшее молчаніе, я старался выказать свой необыкновенный умъ и оригинальность, къ чему особенно я считалъ себя обязаннымъ своимъ мундиромъ. Когда зашелъ разговоръ о дачахъ, я вдругъ разсказалъ, что у князя Ивана Иваныча есть такая дача около Москвы, что на нее пріѣзжали смотрѣть изъ Лондона и изъ Парижа, что тамъ есть рѣшетка, которея стоитъ триста восемьдесятъ тысячъ, и что князь Иванъ Иванычъ мнѣ очень близкій родственникъ, и я нынче у него обѣдалъ, и онъ звалъ меня непремѣнно

пріѣхать къ нему на эту дачу жить съ нимъ цѣлое лѣто, но что я отказался, потому что знаю хорошо эту дачу, нѣсколько разъ бывалъ на ней и что всѣ эти рѣшетки и мосты для меня нисколько не занимательны, потому что я терпѣть не могу роскоши, особенно въ деревнѣ, я люблю, чтобы въ деревнѣ было ужъ совсѣмъ какъ въ деревнѣ. Сказавъ эту страшную сложную ложь, я сконфузился и покраснѣлъ, такъ что всѣ вѣрно замѣтили, что я лгу». Когда ему предлагаютъ пойти гулять въ садъ, онъ, желая быть оригинальнымъ, отвѣчаетъ, что терпѣть не можетъ гулять безъ всякой цѣли, и если ужъ любитъ гулять, то совершенно одинъ. Затѣмъ, очень довольный своимъ отвѣтомъ, онъ все же идетъ гулять вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ.

Какъ ни распространены среди эгоцентрическихъ натуръ уродливыя явленія, все же нельзя не признать, что для человѣчества, какъ такового, это самый нормальный типъ. Если человѣческое я есть субстанціальное непроизводное единство «моихъ» стремленій, то само собою разумѣется, что главное содержаніе жизни человѣка должны составлять «мои» стремленія, и я, какъ цѣлое, само по себѣ, а также въ его отношеніи къ другимъ я. Это до такой степени необходимо, что является вопросъ, какимъ образомъ могутъ возникнуть чувственные характеры, т.-е. такія натуры, всѣ интересы которыхъ сосредоточены на удовлетвореніи «данныхъ» физическихъ стремленій, тѣ натуры, у которыхъ «мои» стремленія лишь присоединяются къ стремленіямъ тѣла. Быть можетъ, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить такъ: «мои» дѣятельности человѣка возможны не иначе, какъ при кооперації я съ тѣломъ. Поэтому построеніе тѣла и сохраненіе его есть *первое и самое важное средство* для широкаго разнообразнаго развитія «моихъ» дѣятельностей. На первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества всѣ силы, все вниманіе затрачиваются на осуществленіе этого средства; такимъ образомъ чувственныя натуры исходятъ изъ «моихъ» дѣятельностей, но, осуществляя одно изъ средствъ для развитія этихъ дѣятельностей, именно построеніе и сохраненіе тѣла, онѣ такъ и не успѣваютъ дойти до настоящихъ «моихъ» дѣятельностей.

Ни одна классификація характеровъ не можетъ дать такихъ рубрикъ, между которыми вполнѣ распредѣлилась бы вся дѣйствительность. Въ жизни всегда встрѣчаются переходные типы,

стоящіе посрединѣ между двумя намѣчаемыми въ классификаціи группами. Это замѣчаніе вполнѣ приложимо и къ нашей классификаціи. Существуютъ характеры въ такой же мѣрѣ чувственные, какъ и эгоцентрическіе. Таковъ, напр., Стива Облонскій въ «Аннѣ Карениной» Толстого. Его жизнь равномѣрно наполнена какъ физическими удовольствіями, устрицами, шампанскимъ, наслажденіями комфорта, такъ и увлекательными для него «моими» дѣятельностями — охотою, игрою въ карты, общеніемъ съ людьми, составленіемъ каламбуровъ, ухаживаніемъ за дамами и т. п. Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать количество такихъ переходныхъ типовъ. Углубленный анализъ показываетъ, что у многихъ людей сложнѣйшія эгоцентрическія проявленія, напр., стремленіе къ первенству, бываютъ лишь средствомъ, чтобы достигнуть положенія, способствующаго удовлетворенію физическихъ страстей; наоборотъ, другіе люди затрачиваютъ много силъ на то, чтобы обставить хорошо свою физическую жизнь, но на самомъ дѣлѣ оказывается, что не она сама интересуетъ ихъ, а возможность блеснуть ею передъ другими людьми, поддерживать обширныя сношенія съ людьми и т. п.

Къ третьему классу, къ числу неэгоцентрическихъ натуръ относятся тѣ люди, которые живутъ преимущественно, такъ сказать, *внѣ своей психической и физической индивидуальности*, которые дѣйствуютъ, присоединяя свои стремленія къ сверхличнымъ «даннымъ» стремленіямъ, напр., повинуясь чувству долга, религіозному чувству, состраданію и т. п. Конечно, они осуществляютъ эти стремленія съ помощью «моихъ» дѣятельностей, но ихъ интересуетъ не столько «моя» дѣятельность, не столько «мой» успѣхъ, сколько успѣхъ самой той внѣ ихъ существующей жизни, развитію которой они способствуютъ. Въ громадномъ количествѣ случаевъ сверхличные радости или интересы тѣсно переплетаются съ личными и не требуютъ отрѣшенія отъ я. Поэтому не легко привести примѣры явно сверхличной, непохожей на эгоцентрическую дѣятельности. Чтобы выяснить разницу, приведемъ случаи, когда сверхличная дѣятельность наименѣе совмѣстима съ эгоцентрическими интересами, когда всякая примѣсь ихъ шокируетъ насъ. Таковы моральныя и религіозныя сверхличныя дѣятельности. Какихъ бы взглядовъ мы ни придерживались на происхожденіе нравственности, хотя бы мы выводили

ее изъ эгоизма, изъ тонкаго расчета, все равно мы по самонаблюденію знаемъ, что бываютъ минуты, когда поступокъ совершается такъ, что въ немъ нельзя подмѣтить никакого участія «моихъ» интересовъ въ точномъ смыслѣ этого слова, чужой интересъ какъ бы непосредственно становится «моимъ» интересомъ; при этомъ самый возвышенный поступокъ становится жалкимъ, какъ только къ нему примѣшается какой бы то ни было эгоцентрическій элементъ, хотя бы только удовлетвореніе самимъ собою. Когда Каренинъ прощаетъ свою жену, смягченный и пораженный ея болѣзнью, онъ великъ, однако онъ недолго остается на этой высотѣ. Жена, выздоровѣвъ, опять покидаетъ его; Облонскій пріѣзжаетъ къ нему и убѣждаетъ дать разводъ, взявъ вину на себя, что противорѣчитъ религіознымъ убѣжденіямъ Каренина. Ему приходится дѣлать страшное усиліе надъ собой. «И ударившему въ правую щеку подставь лѣвую, и снявшему кафтанъ отдай рубашку», подумалъ Алексѣй Александровичъ. «Да, да!—вскрикнулъ онъ визгливымъ голосомъ,—я беру на себя позоръ, отдаю даже сына, но... не лучше ли оставить это? Впрочемъ дѣлай, что хочешь... И онъ, отвернувшись отъ шурина такъ, чтобы тотъ не могъ видѣть его, сѣлъ на стулъ у окна, ему было горько, ему было стыдно, но вмѣстѣ съ этимъ горемъ и стыдомъ онъ испытывалъ радость и умиленіе передъ высотою своего смиренія». Напряженіе, сдѣланное имъ, превосходило мѣру его моральныхъ силъ, и потому онъ сосредоточилъ свое вниманіе на себѣ, умилился передъ самимъ собою. Кому не извѣстно, что какъ только явилось это чувство, вся моральная сторона поступка теряетъ цѣну даже и для насъ самихъ, а тѣмъ болѣе для другихъ. Мало того, какъ только возникаетъ умиленіе передъ собою, тотчасъ же является какой-нибудь не только эгоцентрическій, но уже и прямо эгоистическій, дурной поступокъ, *хотя бы только мысленный*. Это свойство человѣческой души особенно хорошо извѣстно было святымъ подвижникамъ; въ своихъ наставленіяхъ они особенно убѣждаютъ своихъ учениковъ покорять самомнѣніе, тщеславіе и т. п. страсти, вытекающія изъ интереса къ своему я, какъ къ цѣлому. Только тогда, когда «правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая», когда, иными словами, поступокъ не поставленъ мною въ связь съ своимъ я, когда я совершаю его вполнѣ безлично или сверхлично, я не

рискую примѣшать къ нему свои интересы. Записки и проповѣди святыхъ полны разсказовъ о паденіи человѣка подъ вліяніемъ простой радости по поводу своихъ моральныхъ и подвижническихъ успѣховъ. Святой Антоній, услышавъ отъ пришедшихъ къ нему старцевъ, что какой-то юный пустынникъ, желая помочь имъ, приказалъ дикимъ осламъ привезти ихъ къ нему, и ослы повиновались, скорбитъ объ этомъ юношѣ: онъ предвидитъ, что подвижникъ возгордится и падетъ, что и случилось въ самомъ дѣлѣ. Къ числу послѣднихъ испытаній каждаго святого принадлежитъ, обыкновенно, какое-нибудь искушеніе тщеславія, самолюбія. Послѣднее искушеніе Христа дьяволомъ состояло въ томъ, что дьяволъ поставилъ Іисуса Христа на крылѣ храма и сказалъ ему: «Если ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ; ибо написано: ангеламъ своимъ заповѣдалъ о Тебѣ сохранить Тебя, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». По мнѣнію самихъ подвижниковъ, чтобы окончательно смирить тщеславіе, нужно прибѣгать сначала къ разнымъ ухищреніямъ, напримѣръ, выполняя подвигъ молчанія, придавать ему самоуничижительный смыслъ, именно считать себя недостойнымъ говорить и потому обреченнымъ на молчаніе.

Благодаря такой борьбѣ съ тѣломъ и своимъ я получается, по словамъ св. Марка подвижника, направленіе воли, прямо противоположное обыкновенному: самоугодникъ печалится отъ укоровъ и лишеній, а Боголюбецъ отъ похвалъ и многодовольства.

Человѣкъ, дошедшій до такой степени очищенія отъ я и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ тѣла, руководится въ своей жизни почти исключительно сверхличными мотивами, напр., чувствомъ долга. Такова была жизнь Бернарда Клервосскаго [1]). Бернардъ началъ съ того, что совершенно подавилъ въ себѣ интересъ къ физической жизни. «Онъ постился такъ усердно, что уничтожилъ въ себѣ самое желаніе пищи; принятіе ея въ немъ вызывало непріятное ощущеніе, такъ что онъ впалъ въ болѣзнь, мучительную для него самого и тяжелую для товарищей». «Онъ довелъ себя до такого омертвѣнія внѣшняго чувства, что утратилъ способность различать пищу по вкусу, и его біографъ приводитъ

[1]) См. Герье, Средневѣковое міровоззрѣніе, «Вѣстн. Евр.» 1891, февраль, мартъ, апрѣль.

поразительные примѣры недоразумѣній, въ которыя онъ впадалъ въ этомъ отношеніи». Чтобы сохранять сосредоточенность, необходимую для пламенной молитвы, онъ старался совершенно отвлечься отъ общенія съ внѣшнею чувственною оболочкою міра и удалиться отъ суетныхъ интересовъ людей; для этого, выходя въ толпу людей, онъ закупоривалъ себѣ уши воскомъ. Его способность сосредоточиваться достигла поразительныхъ размѣровъ. Однажды «ему пришлось въ теченіе нѣсколькихъ дней совершать свой путь вдоль береговъ Женевскаго озера; онъ ничего не замѣтилъ, и когда уже миновалъ озеро, привлекающее и теперь взоры тысячи любопытныхъ, съ удивленіемъ спросилъ своихъ спутниковъ, о какомъ озерѣ они между собою говорятъ». Цѣлью этой борьбы Бернарда со всѣми естественными человѣческими стремленіями было уничтоженіе своей воли, т.-е. не безволіе, конечно, а уничтоженіе той воли, которая не тожественна съ волею Бога. «Своею волею,—говоритъ Бернардъ,—я называю ту, которая не тожественна съ Божіею и людскою, но принадлежитъ намъ самимъ; она проявляется, когда мы дѣлаемъ то, что желаемъ не ради славы Божіей, не ради пользы братьевъ, но ради насъ самихъ, удовлетворяя собственнымъ движеніямъ души. Ей прямо противоположна любовь, которая тожественна съ Богомъ» [1]). И въ самомъ дѣлѣ, онъ достигъ этой цѣли. Его душевная жизнь вовсе не обѣднѣла, какъ это можно было бы думать на основаніи вышеприведеннаго, его воля вовсе не ослабѣла, но всѣмъ своимъ существомъ онъ живетъ внѣ себя. Мотивы для его дѣятельности исходятъ изъ сверхъиндивидуальныхъ интересовъ, и это нерѣдко выражается въ томъ, что онъ приступаетъ къ дѣятельности, чувствуя какъ бы принужденіе извнѣ. Въ своей литературной и проповѣднической дѣятельности онъ пользуется громаднымъ успѣхомъ, но, несмотря на это, онъ, по собственному признанію, «никогда не возвышалъ своего голоса въ какомъ-нибудь обществѣ, какъ бы оно ни было просто, безъ того, чтобы имъ не овладѣвало чувство страха, и всегда предпочелъ бы молчать, если бы не былъ побуждаемъ голосомъ совѣсти, страхомъ передъ Господомъ и братскою любовью». Въ мірскую жизнь онъ вмѣшивается лишь потому, что грѣхъ не бороться противъ зла.

---

[1]) Герье, «Вѣстн. Евр.», февр., стр. 759.

Если бы не чувство долга, онъ сосредоточился бы на той увлекательной для него духовной жизни, которая развилась въ немъ, когда ему удалось побороть свое тѣло и свое я. Казалось бы, здѣсь мы должны встрѣтиться опять съ какою-нибудь формою эгоцентрической жизни. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Благодаря аскетическимъ подвигамъ Бернардъ становится въ высшей степени способнымъ переживать сложныя сверхличныя «данныя» состоянія. Въ пламенной молитвѣ онъ приходитъ въ состояніе экстаза и чувствуетъ свое единеніе съ Богомъ. Даже и знаніе пріобрѣтаетъ у него этотъ характеръ непосредственнаго цѣлостнаго созерцанія. Не удивительно поэтому, что ему приписывается много пророчествъ. Историки разсказываютъ о нихъ со скептическою сдержанностью, и потому мы не будемъ ссылаться на пророчества Бернарда, какъ на доказательство его способности выходить за предѣлы своего я, интуитивно схватывая цѣпь явленій во внѣшней дѣйствительности, но мы указываемъ на эти легенды, потому что онѣ въ извѣстномъ смыслѣ тоже говорятъ въ нашу пользу. Если отдѣльные примѣры пророчествъ оказываются недостаточно подтвержденными, то все же общая тенденція народа приписывать способность пророчества людямъ, подавляющимъ свое тѣло и свою личную волю, возникла не безъ основанія, «не бываетъ дыма безъ огня». Въ особенно живой и общепонятной формѣ проявляется способность Бернарда выходить за предѣлы своего я въ его сострадательности. Этотъ строгій аскетъ, затыкающій уши воскомъ, утратившій вкусовыя ощущенія, казалось бы, долженъ быть страшнымъ фанатикомъ и изувѣромъ, способнымъ сжигать людей на кострахъ. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. «Онъ надрывается жалостью къ своимъ монахамъ, когда взираетъ на ихъ подвиги», «онъ вступается за чужихъ монаховъ, подлежавшихъ наказанію за нарушеніе обѣта», и оправдываетъ свое заступничество слѣдующимъ образомъ: «Состраданіе есть чувство, которое не управляется волею и не подчиняется разсудку; невольнымъ побужденіемъ оно принуждаетъ сожалѣть о скорбящихъ, такъ что если бы и грѣшно было сострадать, то я при всемъ стараніи не могъ бы не сострадать». Руководясь состраданіемъ, онъ проповѣдуетъ взгляды, далеко опережающіе его вѣкъ. Когда поднялось гоненіе противъ евреевъ, онъ въ защиту ихъ написалъ къ духовенству окружное посланіе. Мало того,

онъ утверждалъ даже, что и еретиковъ нельзя преслѣдовать, а нужно побѣждать ихъ доводами. Даже и его пренебреженіе къ внѣшнему міру, дошедшее до того, что онъ способенъ былъ проѣхать мимо Женевскаго озера, не замѣтивъ его, оказывается лишь пренебреженіемъ къ внѣшней оболочкѣ міра. Утонченное созерцаніе природы, развившееся собственно лишь въ наше время, то созерцаніе, въ которомъ цвѣта, звуки и формы служатъ лишь проводниками во внутреннюю мистическую духовную жизнь природы, доступно Бернарду. Онъ предостерегаетъ одного магистра противъ книжной учености: «Повѣрь испытавшему это на себѣ: въ лѣсахъ ты найдешь нѣчто лучшее, чѣмъ книги; деревья и скалы научатъ тебя тому, чего отъ учителей не услышишь».

Сверхличная дѣятельность вовсе не исчерпывается областью моральнаго и религіознаго подвижничества. Въ познавательной дѣятельности, въ эстетическомъ творчествѣ, въ соціальной дѣятельности, въ семейной любви и т. п. не трудно подмѣтить сверхличные элементы. Правда, великій ученый, поэтъ, государственный дѣятель долженъ обладать чрезвычайно высоко, всесторонне развитымъ я; «мои» дѣятельности великихъ людей чрезвычайно разнообразны, подвижны, способность управлять своими мыслями, подчинять себѣ матерію и другихъ людей у нихъ чрезвычайно велика, а соотвѣтственно этому любовь къ своему я, интересъ къ себѣ, чувство своего достоинства, честолюбіе и самолюбіе у многихъ великихъ людей чудовищно развиты. Но все же они обладаютъ еще болѣе высокою способностью стушевываться передъ сверхъиндивидуальнымъ, дѣлаться носителями его; они не умѣютъ стушевываться только передъ людьми, и можетъ быть имѣютъ право на это. Великій ученый забываетъ свою личность и эгоцентрическія дѣятельности, когда прослѣживаетъ объективныя связи между явленіями. Но стоитъ только ему послѣдовать за личною страстью, хотя бы лишь увлечься краснымъ словцомъ, и, смотришь, вмѣсто объективной связи появилось личное измышленіе. Иногда въ моменты наиболѣе плодотворнаго мышленія, цѣлые длинные ряды мыслей развиваются какъ бы сами собою. Однажды Паскаль, измученный зубною болью, чтобы отвлечься, сталъ думать о свойствахъ кривой линіи циклоиды. Онъ «вычислялъ какъ бы безсознательно и самъ былъ изумленъ своими открытіями. Но онъ давно уже бросилъ математику. Еще задолго

передъ тѣмъ онъ прекратилъ переписку съ Ферматомъ, написавъ послѣднему, что совершенно разочаровался въ математикѣ, что считаетъ ее любопытнымъ, но безполезнымъ занятіемъ. На этотъ разъ, однако математическія открытія какъ бы противъ воли навязывались его уму, и Паскалю пришла мысль посовѣтоваться съ однимъ изъ своихъ портъроялькихъ друзей. Получивъ совѣтъ, «печатать то, что внушено ему Богомъ», Паскаль рѣшился, наконецъ, взяться за перо» [1]).

Рибо въ своемъ сочиненіи «Творческое воображеніе» [2]) приводитъ слѣдующія слова Якова Беме изъ его «Авроры»: «Заявляю передъ лицомъ Божіимъ, что и самъ не знаю, какимъ образомъ происходитъ все это во мнѣ, помимо собственной моей воли. Я предварительно не знаю даже, что именно долженъ писать. Я пишу потому лишь, что меня вдохновляетъ духъ, сообщающій мнѣ великое и дивное знаніе. Зачастую я не отдаю себѣ отчета даже и въ томъ: живу ли я духовно въ здѣшнемъ дѣйствительномъ мірѣ, и я ли именно имѣю счастіе обладать достовѣрнымъ и неопровержимымъ знаніемъ».

Казалось бы, поэты должны принадлежать къ числу типичныхъ эгоцентрическихъ натуръ, потому что ихъ творенія суть созданія *ихъ* ума. Однако это невѣрно; художественное произведеніе вовсе не есть продуктъ исключительно «моей» дѣятельности: только то произведеніе принадлежитъ къ числу истинно художественныхъ, которое развивается какъ бы само-собою, подобно организму, по своимъ *внутреннимъ* законамъ, согласно своей *внутренней цѣлестремительности* или цѣлесообразности, а не той, которую могъ бы сообщить художникъ извнѣ: этимъ они отличаются отъ машинъ. Мы не будемъ пускаться въ разрѣшеніе вопроса, какимъ образомъ человѣкъ можетъ содѣйствовать рожденію на свѣтъ такихъ произведеній. Быть можетъ, для рѣшенія этой загадки необходимо примкнуть къ Ницше, который утверждаетъ, что какое-то Высшее Существо пользуется художникомъ, какъ орудіемъ, чтобы строить эстетическіе міры и подготовлять себѣ въ нихъ вѣчное наслажденіе, и полагаетъ, что «только геній обладаетъ нѣкоторыми свѣдѣніями о вѣчной

---

[1]) М. М. Филипповъ, Паскаль, стр. 60.

[2]) Перев. Предтеченскаго и Ранцева, стр. 297.

сущности искусства, поскольку онъ въ актѣ художественнаго творчества сливается съ первоначальнымъ Художникомъ міра» [1]). Намъ достаточно констатировать, что какъ только личная цѣль, умыселъ, вліяніе абстрактныхъ понятій начинаетъ примѣшиваться къ художественному творчеству, тотчасъ же является мертвенность, тенденціозность. «Обладающій волею и преслѣдующій свои эгоистическія цѣли, индивидуумъ можетъ быть лишь противникомъ, а не источникомъ искусства», говоритъ Ницше [2]). Нерѣдко поэты сами описываютъ процессъ своего творчества, какъ что-то «данное», что-то такое, въ чемъ они играютъ лишь роль зрителя, воспріемника. Альфредъ Мюссе говоритъ: «Изобрѣтеніе меня волнуетъ и бросаетъ въ дрожь. Процессъ выполненія, кажущійся мнѣ всегда медленнымъ, вызываетъ у меня всегда страшное сердцебіеніе. Обливаясь слезами и съ трудомъ лишь удерживаясь отъ рыданій, я разрѣшаюсь словно отъ бремени идеей, приводящей меня въ восторженное опьянѣніе. На слѣдующій день утромъ я чувствую, что она мнѣ опротивѣла и не могу помышлять о ней безъ величайшаго стыда. Если я начинаю ее переработывать, становится еще хуже, такъ какъ она меня покидаетъ: всего лучше о ней забыть и ждать другой идеи, но эта другая идея приходитъ до такой степени неопредѣленной и громадной, что злополучное мое существо не можетъ ее вмѣстить въ себѣ. Она давитъ и терзаетъ меня до тѣхъ поръ, пока не приметъ сама размѣровъ, доступныхъ для осуществленія. Тогда возвращаются опять прежнія муки, напоминающія разрѣшеніе отъ бремени» [3]). Такимъ сверхличнымъ «даннымъ» былъ, повидимому, также процессъ творчества у Моцарта. Онъ пишетъ одному изъ своихъ знакомыхъ, что если онъ чувствуетъ себя хорошо, мысли потоками осаждаютъ его. «Откуда и какъ—этого я не знаю, да и я тутъ ни при чемъ. Мысли, которыя мнѣ нравятся, я удерживаю въ головѣ и напѣваю ихъ про себя, по крайней мѣрѣ какъ замѣчаютъ другіе. Если я запоминаю свою мысль, то тотчасъ же появляются одно за другимъ соображенія, для чего можно

---

[1]) Nietzsches Werke, I. B., Die Geburt der Tragödie, стр. 45.

[2]) Тамъ же, стр. 44.

[3]) Примѣръ приведенъ Рибо въ соч. «Творческое воображеніе» и заимствованъ изъ романа Жоржъ-Зандъ «Она и онъ».

было бы употребить такую кроху, чтобы сдѣлать изъ нея паштетъ, соображенія о контрапунктѣ, о звукѣ различныхъ инструментовъ. Это разгорячаетъ мою душу, въ особенности если мнѣ ничто не мѣшаетъ; тогда мысль все разрастается и я все расширяю и уясняю ее, пьеса оказывается почти готовою въ моей головѣ, хотя бы она и была длинна, такъ что впослѣдстіи я охватываю ее въ душѣ однимъ взглядомъ, какъ прекрасную картину или красиваго человѣка, и слышу ее въ воображеніи вовсе не послѣдовательно, какъ она должна потомъ выразиться, а какъ бы сразу, въ цѣломъ. Вотъ это такъ пирушка! Все изобрѣтеніе и обработка происходитъ во мнѣ, какъ въ прекрасномъ глубокомъ снѣ, но такой обзоръ всего сразу лучше всего» [1]). Описаніе Моцарта важно особенно тѣмъ, что показываетъ, какимъ образомъ обширное художественное произведеніе можетъ обладать внутреннею гармоніею: оно переживается художникомъ какъ сразу, непосредственно данное единство, въ которомъ нѣтъ прежде и послѣ, и потому не можетъ случиться, чтобы конецъ не сошелся съ началомъ.

Не только въ моменты творчества, но и въ обыкновенной жизни художникъ, какъ бы онъ ни былъ самолюбивъ и честолюбивъ, на каждомъ шагу тратитъ свои силы на сверхличныя дѣятельности. Безъ всякаго заранѣе составленнаго плана, въ силу естественнаго влеченія художникъ, встрѣчаясь съ каждымъ явленіемъ, съ каждымъ лицомъ входитъ въ его *внутреннюю* сущность, *постигаетъ его.* У Толстого въ «Аннѣ Карениной» есть одно характерное изображеніе этой наклонности. Художникъ Михайловъ, идя навстрѣчу Вронскому и Аннѣ и волнуясь самыми эгоистическими интересами, все же схватываетъ освѣщеніе фигуры Анны. «Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ онъ, подходя къ нимъ, схватилъ и проглотилъ это впечатлѣніе такъ же, какъ и подбородокъ купца, продававшаго сигары, и спряталъ его куда-то, откуда онъ вынетъ его, когда понадобится». Замѣтивъ Голенищева, онъ вспоминаетъ, что видѣлъ его, но не знаетъ, гдѣ встрѣчалъ его. «Онъ помнилъ только его лицо, какъ помнилъ всѣ лица,

---

[1]) Hartmann, Philosophie des Unbewussten. Примѣръ заимствованъ изъ Jahn's Mozart, т. III, стр. 423—425.

которыя онъ когда-либо видѣлъ, но онъ помнилъ тоже, что это было одно изъ лицъ, отложенныхъ въ его воображеніи въ огромный отдѣлъ фальшиво значительныхъ и бѣдныхъ по выраженію. Большіе волосы и очень открытый лобъ давали внѣшнюю значительность лицу, въ которомъ было одно маленькое, дѣтское безпокойное выраженіе, сосредоточившееся надъ узкою переносицею». Михайловъ отмѣчаетъ скулы, лбы, носы, но не какъ таковые, а какъ значительные или бѣдные, какъ выраженіе духовныхъ цѣнностей, которыя онъ схватываетъ непосредственно. Какъ бы ни былъ эгоцентриченъ, самолюбивъ, честолюбивъ такой художникъ, все же *тонъ его жизни* въ цѣломъ опредѣляется этою способностью выходить за предѣлы своей индивидуальности.

Приведенные примѣры вовсе не слѣдуетъ истолковывать въ томъ смыслѣ, будто только великіе люди и только сложнѣйшія дѣятельности могутъ отличаться сверхличнымъ характеромъ. На самомъ дѣлѣ самыя обыденныя дѣятельности заключаютъ въ себѣ на каждомъ шагу сверхличные элементы, но ихъ труднѣе указать и потому, несмотря на ихъ всеобщую распространенность, мы не начали съ нихъ. Всякій ремесленникъ, если онъ любитъ самую обрабатываемую вещь и притомъ не только сработанную имъ самимъ, всякій любитель растеній, всякая мать, ухаживающая за ребенкомъ, всякій помѣщикъ, который любитъ и цѣнитъ свое имѣніе и полагаетъ свои силы на него ради его благоустройства, а не ради одной лишь личной выгоды, дѣйствуютъ, хотя бы отчасти, на основаніи сверхличныхъ мотивовъ, выходятъ за предѣлы своей личности. Въ «Аннѣ Карениной» одинъ помѣщикъ дворянинъ стараго закала, встрѣтившись съ Левинымъ на выборахъ, жалуется на убыточность своего хозяйства, тогда какъ у землевладѣльцевъ-купцовъ имѣнія приносятъ доходъ. «Сосѣдъ купецъ былъ у меня. Мы прошлись по хозяйству, по саду. «Нѣтъ,— говоритъ Степанъ Васильевичъ, — все у васъ въ порядкѣ идетъ, но садикъ въ забросѣ». А онъ у меня въ порядкѣ. «На мой разумъ, я бы эту липу срубилъ. Только въ сокъ надо. Вѣдь ихъ тысяча липъ, изъ каждой два хорошихъ лубка выйдетъ, а нынче лубокъ въ цѣнѣ, иструбовъ бы липовенькихъ нарубилъ». «А на эти деньги онъ бы накупилъ скота, или землицу купилъ бы за безцѣнокъ и мужикамъ роздалъ бы въ наймы,—съ улыбкой докончилъ Левинъ, очевидно, уже не разъ сталкивавшійся съ подоб-

ными расчетами.—И онъ составитъ себѣ состояніе. А вы и я, только дай Богъ намъ свое удержать и дѣтямъ оставить»... «Такъ мы безъ расчета и живемъ, точно приставлены мы, какъ весталки древнія, блюсти огонь какой-то».

Не слѣдуетъ думать, будто къ области сверхличнаго относятся только благородныя и прекрасныя дѣятельности. Какъ всегда, такъ и здѣсь величайшія уродства получаются путемъ искаженія того, что̀ могло бы привести къ величайшему благородству. Много примѣровъ этого рода можно найти въ проявленіяхъ семейнаго эгоизма. Быть можетъ, нѣкоторыя формы скупости вытекаютъ не изъ однихъ личныхъ мотивовъ, а еще и изъ любви къ вещи самой по себѣ, къ ея цѣлости и сохранности: различныя формы уродливаго консерватизма также могутъ возникать не изъ полезности для насъ общественнаго строя, а изъ преклоненія передъ сложнымъ общественнымъ цѣлымъ съ его многовѣковыми историческими традиціями.

Разсмотрѣвъ выдающіеся случаи сверхличной дѣятельности легко понять, въ чемъ заключается различіе между эгоцентрическими и неэгоцентрическими натурами. Общая черта всѣхъ сверхличныхъ характеровъ, преобладаніе въ нихъ сверхличныхъ элементовъ, указываетъ на высоко развитую способность интуиціи. Различіе между неэгоцентрическими и эгоцентрическими натурами заключается въ этомъ *внутреннемъ* признакѣ, а не во *внѣшнемъ* характерѣ поступковъ. Поступки, напоминающіе качества неэгоцентрическихъ натуръ, напр., честность, чувство долга, снисходительность, готовность помочь и т. п., могутъ вытекать также изъ личнаго расчета, а не изъ интуитивнаго проникновенія во внѣшній міръ. Такимъ образомъ слѣдуетъ различать эгоцентрическія и неэгоцентрическія честность, чувство долга, готовность помочь и т. п. Поэтому, основываясь на внѣшнихъ особенностяхъ поступковъ, очень трудно судить о характерѣ; возможны случаи, когда лицо, совершавшее преступленія, оказывается менѣе эгоцентрическою натурою, болѣе способною совершенно забывать себя и непосредственно входить въ чужой душевной міръ, чѣмъ многіе изъ абсолютно безупречныхъ, никогда не отклонявшихся отъ требованій долга людей, у которыхъ, однако, эта безупречность вытекаетъ изъ эгоцентрическаго житейскаго такта. Поэтому-то иногда грѣшникъ и преступникъ бываютъ привлека-

тельнѣе, такъ называемаго, порядочнаго человѣка. Жанъ Вальжанъ въ романѣ Гюго «Отверженные», даже и тогда, когда онъ отнялъ монету у маленькаго савояра, привлекательнѣе въ глазахъ проницательнаго человѣка, чѣмъ Жаверъ.

Нечего и говорить, что между классомъ эгоцентрическихъ и сверхличныхъ характеровъ существуютъ самыя разнообразныя переходныя формы. Обиліе переходныхъ формъ тѣмъ болѣе понятно, что одинъ и тотъ же человѣкъ, развиваясь, постепенно переходитъ изъ одного разряда въ другой. Основной біогенетическій законъ Геккеля, согласно которому *онтогенія* (исторія развитія индивида) *есть краткое повтореніе филогеніи* (исторіи развитія вида), приложимъ также и къ развитію характера, и притомъ въ направленіи, подтверждающемъ нашу классификацію. Всякій человѣкъ, даже и самый выдающійся впослѣдствіи представитель неэгоцентричности, при появленіи на свѣтъ въ первые мѣсяцы и даже годы жизни принадлежитъ несомнѣнно къ числу чувственныхъ натуръ; затѣмъ все болѣе и болѣе развивается интересъ къ «моимъ» дѣятельностямъ, что̀ особенно проявляется въ играхъ дѣтей и, наконецъ, въ ранней юности, въ особенности у даровитыхъ людей, эгоцентричность достигаетъ максимума своего развитія, что̀ выражется въ честолюбивыхъ и самолюбивыхъ мечтахъ юноши. Очень многіе величайшіе представители отреченія отъ своего я, напр., Паскаль, Францискъ Ассизскій, Владиміръ Соловьевъ, въ юности были въ высокой степени честолюбивыми натурами. Только вслѣдъ за эгоцентрическимъ періодомъ развитія можетъ появиться преобладаніе сверхличной дѣятельности.

Намѣченныя группы составляютъ лишь первое основное дѣленіе въ классификаціи характеровъ. Дальнѣйшія подраздѣленія этихъ группъ могутъ также основываться на различіи между стремленіями по содержанію. Очень много цѣннаго матеріала для такой классификаціи даетъ Поланъ во второй части своей «Психологіи характеровъ». Наконецъ, возможны также и сдѣланныя Поланомъ подраздѣленія, основывающіяся на формальныхъ различіяхъ между характерами, на такихъ качествахъ, какъ уравновѣшенность или противорѣчивость характера, широта или узость характера, сила стремленій и т. п. Однако мы не будемъ зани-

маться построеніемъ полной классификаціи характеровъ, такъ какъ это выходило бы за предѣлы нашей задачи. Мы должны были указать лишь на тѣ положенія въ ученіи о характерѣ, которыя необходимо вытекаютъ изъ развитого выше волюнтаристическаго ученія о личности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ВВЕДЕНІЕ.

Предварительное опредѣленіе волюнтаризма 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Воля 2

Элементы волевого акта 2

1. Стремленія 5
2. Чувствованіе активности и перемѣна 21
3. Чувствованіе удовлетворенія 25
4. Виды волевыхъ актовъ 25
5. Составъ индивидуальнаго сознанія: волевые акты, «акты во мнѣ» и состоянія сознанія 26

Волюнтаризмъ 27

1. Волевой характеръ всѣхъ «моихъ» процессовъ сознанія. . 27
2. Основное положеніе и окончательное опредѣленіе волюнтаризма 41
3. Чувствованіе активности 44
4. Воля и законъ причинности 60
5. Волюнтаризмъ и интеллектуализмъ 63
6. Логически возможныя ученія о волѣ 65
7. Понятіе сознанія 76

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сознаніе и знаніе 78

Неопознанныя состоянія сознанія 78

Ученія о безсознательномъ 89

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Порядокъ смѣны душевныхъ процессовъ 100

Порядокъ смѣны стремленій 100

Законъ ассоціаціи идей 114

СТРАН.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Личность 128
Понятія духа, личности и я. 128
Не личные («данные») элементы индивидуальнаго сознанія. 138
Самосознаніе и самопознаніе 142

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Интуиція 145
Непосредственное воспріятіе внѣшняго міра 145
Взаимодѣйствіе между различными я 146
Методологическіе выводы изъ ученія объ интуиціи 152
1. Опредѣленіе психологіи. 152
2. Методы психологіи. 157

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Удовольствіе и страданіе (неудовольствіе). 158
Виды удовольствія и неудовольствія. 158
Связь между удовольствіями и стремленіями. 162
Ученіе объ эвдемонистической мотиваціи 174
Нейтральныя состоянія сознанія. 175

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эмоціи 177
Сенсуалистическая теорія эмоцій Джемса 177
Волюнтаристическая теорія эмоцій 184
1. Волевые элементы эмоціи. 184
2. Опредѣленіе эмоціи. 199
3. Выводы изъ волюнтаристическаго ученія объ эмоціяхъ . . . 202

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Характеры 208
Существенныя черты характера. 208
Основы классификаціи характеровъ. 211

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Н. Лосскій. Обоснованіе интуитивизма. Пропедевтическая теорія знанія. 2 изд. Спб., 1908 г. Цѣна 2 руб.

Н. Лосскій. Сборникъ элементарныхъ упражненій по логикѣ. Спб. 1908 г. Цѣна 70 коп.

Кантъ. Критика чистаго разума. Переводъ Н. Лосскаго. Спб. 1907 г. Цѣна 2 руб.

Цѣна 1 р. 25 к.

ИЗДАНІЕ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ТИПОГРАФІИ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ. Вас. остр., 5 линія, соб. д. № 28.

Полный каталогъ Склада (224 стр.), со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу высылается безплатно; на пересылку—7 коп. марку.